

А.А.ПОТЕБНЯ

УДАРЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ
им. А. А. ПОТЕБНИ

А. А. ПОТЕБНЯ

УДАРЕНИЕ

ПОДГОТОВИЛА К ИЗДАНИЮ
В. Ю. ФРАНЧУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ — 1973

Незавершенный труд выдающегося лингвиста XIX ст. А. А. Потебни — первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии. Именно в ней выдвинута и развита идея сравнительно-исторического изучения славянского ударения, собран и обработан материал восточнославянских и южнославянских языков.

Подготовленные к изданию материалы сопровождаются вступительной статьей, примечаниями и библиографией, облегчающими пользование трудом, написанным более 100 лет назад и воспроизведенным по двум копиям.

Рассчитана на филологов — преподавателей вузов, научных сотрудников, студентов.

Ответственный редактор

кандидат филологических наук

К. К. Целуйко

Редакция литературоведения
и языковедения

П $\frac{0711-079}{M221(04)-73}$ БЗ — 24—15—73

© Издательство «Наукова думка», 1973 г.

ВОПРОСЫ АКЦЕНТОЛОГИИ В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ

Неопубликованный труд выдающегося лингвиста прошлого столетия А. А. Потебни «Ударение», со времени написания которого уже минуло 100 лет, — первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии.

Имеются сведения о том, что после смерти ученого его ученики знакомились с рукописью труда об ударении. В статье «Посмертные материалы А. А. Потебни» В. И. Харциев отмечает: «Третья [папка] заключает в себе материалы об ударении в именах по склонениям, в глаголах по разрядам и формам, о влиянии предлогов на ударения и пр. Отдел об ударениях находится в более обработанном виде, чем другие»¹.

В более поздних описаниях рукописей А. А. Потебни встречается сообщение о том, что наряду с рукописью ученого существует копия, сделанная его женой М. Ф. Потебней. По заключению авторов этого сообщения, «копия во многих местах не соответствует оригиналу»², что не удивительно, так как наследие А. А. Потебни представляет огромные трудности для тех, кто им занимается. Мелкий, очень неразборчивый почерк, особенности личной орфографии, недописанные слова, многочисленные цитаты, примеры из многих индоевропейских языков своеобразного написания, присущего лишь ему одному³, —

¹ «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», Харьков, 1892, стр. 85.

² И. Я. Айзеншток и А. Н. Синявский, Описание рукописей А. А. Потебни, «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. О. Потебні», ч. I, Харків, 1922, стр. 90.

³ См.: Виникнення й діяльність Комітету для видання творів О. О. Потебні, «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. О. Потебні», ч. I, стр. 6.

таков далеко не полный перечень особенностей черновых набросков, оставленных ученым.

Приступив к изучению рукописного наследия А. А. Потебни в начале 60-х годов, мы обнаружили в его архиве, большая часть которого хранилась в то время в филиале Центрального государственного исторического архива УССР (Харьков), две копии труда «Ударение»¹. Оригинал труда, подобно некоторым другим рукописям ученого, исчез из архива в годы Великой Отечественной войны. К счастью, кроме несовершенной копии М. Ф. Потебни, в настоящее время существует также копия, сделанная учеником А. А. Потебни А. В. Ветуховым. Известный ученый, А. В. Ветухов принимал деятельное участие в подготовке к печати IV тома «Из записок по русской грамматике», изданного Академией наук СССР в 1941 г.

Из оставленных им заметок можно сделать вывод о том, что А. В. Ветухов завершил переписку рукописи А. А. Потебни в предвоенные годы. Однако работа по подготовке ее к изданию им не была начата. Он не использовал даже копию жены ученого, хотя в ряде случаев она могла бы быть ему полезной. Не имевшая специальной подготовки, Мария Францевна настолько хорошо знала почерк мужа, что иногда правильно прочитывала то место, которое для А. В. Ветухова оставалось неясным.

Наличие двух копий позволило воссоздать подлинный текст труда А. А. Потебни с большой долей вероятности.

Делалось это следующим образом. За основную была принята копия А. В. Ветухова. Она была сличена и в отдельных местах выправлена по копии М. Ф. Потебни. Примеры и цитаты сверялись с источниками, из которых они взяты автором.

При подготовке труда А. А. Потебни к печати все сокращения раскрыты. Слова, отсутствующие в рукописи, но необходимые для понимания текста, приводятся в квадратных скобках. На месте непрочитанных слов и букв поставлены точки.

Авторский текст и примеры переведены на современную орфографию. Исключение сделано лишь для документированных примеров. Они приведены с написанием тех

¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. № 781, ед. хр. 195, 196, 197, 198.

источников, откуда взяты. К книге прилагается перечень первоисточников и грамматических трудов, использованных А. А. Потебней.

* * *

Среди опубликованных трудов А. А. Потебни нет специальных разысканий, посвященных вопросам акцентологии. В его трудах и письмах встречаются лишь отдельные замечания, свидетельствующие о глубоком интересе ученого к этой, в то время почти не разработанной отрасли славянского языкознания. В частности, в «Заметках о малорусском наречии» А. А. Потебня высказал мысль о том, что учение об ударении составит в будущем отдельную отрасль лингвистической науки¹.

В известной степени исключение представляет статья А. А. Потебни «О полногласии», в которой выяснение природы ряда фонетических явлений связано с акцентологией. Определенное место отведено в ней изложению основных сведений о соответствии восточнославянских ударений сербским и об отношении сербских штокавских ударений к чакавским². Эти сведения, как указывает сам автор, не являются оригинальными. Ученый позаимствовал их из малоизвестной в России книги А. Мажуранича «Slovnica hèrvatska»³. Ученик А. А. Потебни Б. М. Ляпунов вспоминает, что ученый лично был знаком с А. Мажураничем и изучал сербохорватское ударение под его руководством⁴.

Исследователи отмечают, что акцентологическая терминология А. Мажуранича отличается несколько внешним характером⁵: она не столько касается самих ударений, сколько их письменных знаков, и в основном является переводом общеизвестных греческих и латинских терминов. Так, краткое нисходящее ударение, обозначаемое знаком (^), А. Мажуранич называет сильным тяжким (jak težki),

¹ См.: А. А. Потебня, Заметки о малорусском наречии, Воронеж, 1871, стр. 10.

² См.: А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии, Воронеж, 1866, стр. 38—46 (Перепечатано из «Филологических записок» за 1864 г.).

³ А. Маџиганић, Slovnica hèrvatska, D. 1, Zagreb, 1861.

⁴ См.: «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», стр. 30.

⁵ См.: Начертание славянской акцентологии. Сочинение Романа Брандта, СПб., 1880, стр. 81 (далее — Р. Брандт, указ. соч.).

краткое восходящее (˘) — слабым тяжким (slab težki), долгое нисходящее, обозначаемое знаком акута (◌́), — острым (ostri = acutus), долгое восходящее (◌̂) — облеченным (savinuti = circumflexus).

В трудах А. А. Потевни использованы термины *острое* и *облеченное* ударение, заимствованные из грамматики А. Мажуранича, однако этим терминам и знакам ударения, которым они отвечают, ученый придает противоположное значение. Такая замена объясняется тем, что А. Мажуранич следовал в данном случае древним хорватским лексикографам, а А. А. Потевня применяет знаки, принятые в словаре Вука Караджича, несравненно более популярном, чем словари его предшественников¹. Кроме того, вместо терминов *сильное тяжкое* и *слабое тяжкое* ударение А. А. Потевня употребляет *более тяжкое* и *менее тяжкое*.

А. Мажуранич не только определил отношения между штокавской и чакавской системами ударения, но и высказал мысль о том, что одна из них образовалась из другой. По его мнению, основной общесербской системой ударения была чакавская, свидетельством чего является сходство чакавского ударения с восточнославянским, которое могло быть только остатком общего для них прошлого. Однако А. Мажуранич не смог сделать выводов, вытекающих из его открытия, а именно: чакавское ударение, лежащее в основе штокавского и сходное по месту с восточнославянским, является, вполне вероятно, древним общеславянским или, по крайней мере, общим для южных и восточных славян.

Такое предположение, не вызывающее в настоящее время возражений, было сделано не А. Мажураничем, а А. А. Потевней и стало известно в науке в 1864 г., после опубликования его статьи «О полногласии»: «Тоническое сходство русского и сербохорватского (а вероятно, и хорутанского, и болгарского) есть такая прочная основа предположения, что Русь составляла еще одно племя с теперешними задунайскими славянами после отделения западных племен, что перед нею кажутся ничтожными основания делений Добровского и Шафарика, эти **розъ** и **разъ**, **вы** и **изъ** и т. п.

¹ См.: А. А. Потевня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 39.

Все западные наречия, за исключением малоизвестного в этом отношении кашебского (Гильф. Ост. Сл. 86, Этн. Сб. V), потеряли подвижность ударений. Наклонность к этому могла быть одним из первых признаков их отделения от юго-восточных»¹.

В последующие годы предположение А. А. Потебни было поддержано другими славянскими учеными².

Наиболее полно развил это предположение сам А. А. Потебня в труде, который остался, к сожалению, неизвестным и его современникам и позднейшим исследователям в области славянского ударения. Ознакомление с рукописью позволяет сделать вывод о том, что в этом труде ученый обращается к проблемам, поставленным им ранее в статье «О полногласии»: «Сходство русских и др. сербских ударений не ограничивается одними полногласными в русском словами: оно проходит через все склонения существительных и прилагательных, изменения по степеням спряжения, словообразования, что мы постараемся доказать в другом месте» (подчеркнуто нами.— В. Ф.)³.

В соответствии со своим замыслом А. А. Потебня изучает акцентологические явления в тесной связи с морфологией, последовательно рассматривая ударение каждой части речи. Так, в первой части труда, посвященной глаголу и его формам, прослеживаются взаимные тонические отношения настоящего времени и инфинитива, исследуется ударение в повелительном наклонении, аористе, имперфекте, причастиях и деепричастиях. Во второй части рассматривается ударение существительных и прилагательных.

Следует уточнить время написания труда А. А. Потебни. Это даст возможность определить круг научной ли-

¹ А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 44—45.

² См.: Р. Škrabec, O glasu in naglasu našega knjižnega jezika, «Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto). Veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870»; И. А. Бодуэн де Куртене, Бохиньско-посавский говор, «Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с научной целью И. А. Б. де К. о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг.», Казань — Варшава — Петербург, 1877, стр. 53, 77; Р. Брандт, указ. соч.

³ А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 44.

тературы и первоисточники, которыми мог пользоваться ученый, и, следовательно, уяснить сведения по ударению и акцентологической терминологии, полученные им от предшественников.

Точных сведений о том, в какие именно годы создавался труд об ударении, не имеется. Косвенные данные позволяют отнести его написание к периоду между 1864 и 1880 гг. Он не мог быть написан ранее 1864 г., ибо в статье, впервые увидевшей свет в этом году, А. А. Потебня делится своим замыслом осуществить такое намерение в будущем. Позднее 1880 г. — года публикации книги Р. Ф. Брандта «Начертание славянской акцентологии» — нельзя было говорить об ударении, не упоминая об этом первом большом труде по славянскому ударению¹.

Отсутствие в труде А. А. Потебни самого термина «акцентология», широко введенного в научный обиход именно Р. Ф. Брандтом², может свидетельствовать о том, что он был создан ранее книги последнего. А поскольку в нем не упоминается ни одно научное разыскание и отсутствуют ссылки на произведения, вышедшие в свет после 1866 г., вполне возможно, что работу над ним ученый приостановил до 1870 г.

Принимая во внимание сказанное, рассмотрим работы по грамматике, которыми пользовался А. А. Потебня и которые так или иначе обусловили его подход к самой проблеме ударения и теоретические взгляды, а также источники, из которых он черпал основные сведения об ударении в том или ином славянском языке.

Начало сравнительному изучению ударения в индоевропейских языках было положено трудом основополож-

¹ Общеизвестно мнение о том, что именно Р. Ф. Брандт одним из первых заинтересовался вопросами новой отрасли славянского языкознания — учением об ударении, а его «Начертание славянской акцентологии» далеко опередило зарубежную славистику (БСЭ, т. VI, 1951, стр. 51; Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej, Warszawa, 1968, стр. 666).

² Как отмечает Р. Ф. Брандт, это слово придумано не им, однако он не может точно указать, откуда оно заимствовано. Интересно, как ученый отстаивает термин, не вызывающий теперь какого-либо возражения: «Также название, которое я придаю разрабатываемой мною науке, — *акцентология* — иному покажется странным или даже уродливым; но, по-моему, порицать это слово, и подобные ему *социология*, *лингвистика*, за смешанный, полулатинский, полугреческий состав есть ученый педантизм» (Р. Брандт, указ. соч., стр. 11).

ника сравнительной филологии Ф. Боппа «Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Ubereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen» (Берлин, 1854). Именно в этом труде впервые установлено родство в ударении древнегреческого языка и санскрита. Ф. Бопп доказал также, что некоторое сходство с ударением этих языков имеет литовское и первичное славянское ударение. Обобщающих работ по сравнительной акцентологии славянских языков в то время еще не было. Как уже отмечалось, впервые подобный труд появился в 1880 г. и принадлежал Р. Ф. Брандту. Не было работ и по ударению одного какого-либо славянского языка. Необходимый минимум сведений об ударении той или иной части речи А. А. Потебня мог получить лишь из грамматик.

Данные по русскому языку он черпал из грамматики А. Х. Востокова — ученого, впервые по-научному обратившего внимание на существование в русском языке слов с подвижным ударением. Однако А. Х. Востоков, выделив науку об ударении в самостоятельный раздел грамматики, получивший название «Слогоударение», отметил, что раздел этот, по сути, еще не разработан: «Который же именно слог должно произносить с ударением, сему научаемся из употребления и из словаря, потому что не приискано еще на то определенных правил»¹. Правда, как видно из слов, приведенных выше, А. Х. Востоков не сомневался в том, что такие правила со временем будут установлены.

Продолжатель же его дела Г. П. Павский не интересовался ударением. В своих «Филологических наблюдениях» он иногда отмечал случаи закрепления ударения за определенными слогами или окончаниями, однако касался этих вопросов лишь бегло.

Более систематично занимался изучением русского ударения акад. Я. К. Грот. А. А. Потебня мог использовать три статьи Я. К. Грота, напечатанные в 1853—1860 гг.²

¹ «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», СПб., 1831, § 183.

² Я. К. Грот, Замечания о спряжении русского глагола, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I, СПб., 1853; его же, О глаголах с подвижным ударением, там же,

Самому автору этих статей изучение ударения представлялось делом трудным и крайне неблагоприятным. Поэтому он сознательно ограничил свое исследование, поставив целью не определение законов ударения, а лишь решение вопроса: есть ли в русском языке возможность определить эти законы или они до такой степени неощутимы, неуловимы, что открыть их невозможно¹. Не случайно, оценивая достижения своих предшественников в области отечественной акцентологии, А. А. Потебня вынужден был отметить: «Оба эти ученые [А. Х. Востоков и Я. К. Грот] имеют в виду один только русский литературный язык и, указывая на факты, не вдаются ни в какие исторические объяснения, так как ударения в древнем русском языке по памятникам пока неизвестны»² (стр. 164 данной работы, далее — только стр.).

Наблюдения над русским ударением ученых-грамматистов А. А. Потебня дополнял данными словарей. В то время уже вышли из печати «Опыт областного великорусского словаря», подготовленный Академией наук (1852 г.), и первое издание словаря В. И. Даля (1863—1866 гг.). Высоко оценивая эти лексикографические труды, А. А. Потебня все же отмечает, что они «как материал для грамматики далеко не удовлетворительны. Наши словари, не исключая далевского, как склады грамматических сведений не удовлетворяют самым умеренным требованиям: в них не показываются ни особенности изменений слов по склонениям и спряжениям, ни изменения ударений» (стр. 21).

Если в 60-х годах прошлого столетия изучение русского ударения находилось в зачаточном состоянии, то исследование ударения других восточнославянских языков (украинского и белорусского) даже не было начато. Заложить основы научного изучения украинского ударения было суждено А. А. Потебне — к тому времени уже известному ученому, автору книги «Мысль и язык» (1862 г.), получившей всеобщее признание. Лишь по непонятной случайности

т. III, СПб., 1856; е г о ж е, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858; т. VIII, вып. 5, 1860.

¹ Е г о ж е, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858, стр. 163.

² В последнем варианте предисловия эта оценка опущена.

труд А. А. Потебни оставался неизвестным до последнего времени, что в значительной степени задержало развитие отечественной науки об ударении.

Исследователям украинского языка и украинского ударения ученый дал «прекрасное издание сочинений малорусского писателя Г. Ф. Квитки (Харьков, 1887 и 1889 г.) с соблюдением ударений и тех местных особенностей харьковского говора, которые были совершенно стерты в петербургском издании Кулиша 1858 г.»¹. В письме к В. Ягичу от 27.IV 1887 г. А. А. Потебня обстоятельно рассказал о своей работе над этим изданием: «Теперь редактирую Малороссийские повести Квитки, сочинения коего, ставшие редкостью, по-моему, имеют первостепенное значение для изучения малороссийского языка и прежнего быта. Особенность и для редактора трудность настоящего издания, кроме восстановления первоначального текста, испорченного П. А. Кулишом, состоит в том, что я ставлю два ударения: ' (по-старинному оксию) на синтаксически подчиняющих членах речи и `варию на членах подчиненных, напр.: «не займі — менè, мій бàтеньку, не займèть тебе лихàя годїна». Собственно, тут двух ударений мало, но боюсь, что и при них издание будет недовольно исправно (напечатано 15 листов). Понятно, что малорусский язык в упомянутом отношении во многом не отличается от других, но кое в чем он отличен»².

Особое внимание А. А. Потебни к неизученному в то время украинскому ударению вполне объяснимо. Ученый, которого привлекали прежде всего вопросы исторической эволюции, как в общих ее линиях, так и в индивидуальных, частных языковых фактах³, не представлял себе изучение русского языка в отрыве от украинского. Для него они были наречиями единого общерусского языка: «Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь, как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия» (стр. 21).

¹ «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», стр. 29.

² «Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження», К., 1962, стр. 89.

³ См.: Л. А. Булаховский, Александр Афанасьевич Потебня (К шестидесятилетию со дня смерти), К., 1952, стр. 9.

Приступая к изучению украинского ударения, А. А. Потеня вынужден был собирать материал по крупицам из самых различных источников.

Как известно, работа по нормированию украинского литературного ударения фактически начинается с зарождения лексикографии на Украине. Особенно ценный материал для исторической акцентологии содержит «Лексикон» Памвы Беринды, в котором довольно последовательно проставлены ударения. Процесс нормирования ударения в украинском литературном языке отражен в ряде художественных произведений того периода, в который создавался его фундамент, включая и систему ударения, в частности, в произведениях Г. Ф. Квитки-Основьяненко и П. А. Кулиша, И. П. Котляревского и Е. П. Гребенки. А. А. Потеня использовал также материалы по украинской акцентологии, содержащиеся в сборниках народного творчества (изданы А. Л. Метлинским, Н. И. Костомаровым, М. Т. Номисом) и самостоятельно сделанных им фольклорных записях. Таким образом, украинский фольклор наряду с произведениями литературы стал одним из основных источников его труда. Основой же украинской части труда А. А. Потеня, его акцентологической базой является превосходное знание ученым родного языка, богатая языковая практика, на которую он ссылается постоянно. Ср., например, следующее высказывание автора: «В малорусском приведенные глаголы с ударением на характере или неупотребительны вовсе, или не имеют причастий, однако от малоросса, мало знакомого с литературным языком, можно услышать: *просвѣщена, побѣждена, покóрена, усыновлен* и т. п., так как вообще ударение *-ѣн, -енá, -енó* почти чуждо малорусскому» (стр. 103).

Творчески сочетая данные письменных источников с собственным опытом, А. А. Потеня за несколько десятилетий до выхода в свет Словаря украинского языка Б. Д. Гринченко засвидетельствовал ударение большого количества украинских слов, более того — попытался установить правила перенесения их ударений. Например:

«В малорусском переносят ударение на второй и третий слог во множественном числе:

а) Весьма немногие с одной согласной перед -а: *ба́ба* — *баби́* — *ба́б* — *баба́м* — *баба́ми* — *баба́х*; *світа* — «*у свита́х*» (Кв.-Осн., I, 114).

б) Многие с двумя и тремя согласными перед окончанием именительного падежа единственного числа: *скірта* — *скирті*, *плахта* — *плахті* — *плахот* — *плахтам* — *плахтами* — *плахтах* (но *кріхта*, множественное число *кріхти* — «*кріхот*» (Кв.-Осн., I, 71); *цёрква* — *церкви* — *церков*; *крёква* — *кровок*; *мёрква*; *шабля* — *шаблі* — *шабэль* — *шаблям* — *шаблях*; *пісні* — *пісень* и пр.; *відьмі* — *відьом*, но «*відем*» (Кулиш, II, 42); *балкі*, *банькі*, *брівкі*, *дошкі*, «до шапок *квіткі*» (Кв.-Осн., I, 9); *ворожкі*, *дорожкі*, *скринькі* (см. ниже трехсложные с ударением на предпоследнем); *качки*, *люльки*, *голкі*, *жерткі*, *низкі*, *мискі*, *ложкі*, *діжки*, *гречкі*, *стрічки*, *хусткі*, *шпилькі*, *жінкі*, *тріскі*, *скалкі*, *віжки*, *сваткі*, *піскі* — *пісками*, *мамкі*, *нянькі*. Однако: «*хмаркі*» (Кв.-Осн., II, 8); «*ніток*» (*ibid.* I, 34); *дўмки*, *дружки* (от *дружка*; от *дружко* — *дружкі*), *ласки*, *ряски*; как будет от *пўтря*, *пётря*, *сёрга*, *чёрга*, *грёбля*, *капля*, *крёпля*, *сопля*, *правда*, *дóвбня*, *вішня* (вишень); *слўжба*, *прóзьба*, *грóзьба*, *вóвна?*» (стр. 121—122). Благодаря огромному собранию акцентологического материала труд А. А. Потебни в наше время является ценным источником для изучения украинского ударения середины XIX ст.

В этот период наибольшей обстоятельностью отличались исследователи сербохорватского ударения. Хотя специальных работ, посвященных акцентологии, не было еще ни у сербов, ни у хорватов, в ряде учебных пособий детально освещалась система сербохорватского ударения.

А. А. Потебня особенно ценил упомянутую выше грамматику А. Мажуранича, учебник Даничича «Облици српского језика» (1863 г.), его статью «Српски акценти», напечатанную в сборнике «Гласник друштва српске словесности» (књ. VIII, 1856), и «Српску грамматику» В. Вуича (1863 г.). И у сербов, и у хорватов существовала также богатая лексикографическая традиция. Сербохорватская лексикография имела не только второе издание (1852 г.) прекрасного труда Вука Караджича «Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима», но и ряд других менее известных словарей.

Иначе обстояло дело с болгарским языком. В первоначальном варианте вступления к публикуемому труду имеются строки, свидетельствующие о том, что вначале А. А. Потебня вообще не собирался привлекать болгарский язык к сравнению: «Вопрос об ударениях в настоящее время,

сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербохорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий» (стр. 165). Хотя изучение болгарского ударения за тот период, пока А. А. Потебня работал над монографией, не продвинулось вперед, однако отношение ученого к этому вопросу все же изменилось. В окончательном варианте вступления хотя и отмечалось относительное богатство пособий по изучению тонического строя сербохорватского языка, не отбрасывалось совсем и болгарское ударение. Более того, было подчеркнуто намерение автора сравнивать данные восточнославянских языков не только с сербским, но и с болгарским языком.

В самом труде А. А. Потебни это намерение отразилось несколько своеобразно. В части «Ударение в склонении», композиционно занимающей второе место, вообще не упоминается болгарское ударение. Зато в части «Ударение в спряжении», являющейся в соответствии с замыслом автора первой, болгарский материал использован довольно последовательно, но представляет собой как бы дополнение к написанному ранее. По нашему мнению, в этом случае возможно следующее объяснение. Вначале материал по болгарскому ударению отсутствовал вообще. Переписывая свой труд, А. А. Потебня несколько изменил вступление, что отражало изменение его отношения к данным болгарского языка, и начал приводить болгарские примеры в конце разделов, иногда сопровождая их необходимыми пояснениями. По-видимому, ему удалось переписать начисто лишь первую часть, и в «Ударение в склонении» болгарский материал не попал вообще.

Из грамматической болгарской литературы А. А. Потебня использовал очень несовершенную «Grammatik der bulgarischen Sprache» братьев Цанковых (1852 г.) и «Главные вопросы языка новоболгарского» — исследование русского ученого П. Бессонова, вышедшее в свет в 1855 г.¹ Из лексикографических трудов им был использован слова-

¹ П. Бессонов, Главные вопросы языка новоболгарского, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21, М., 1855.

рик, приложенный к грамматике Цанковых. Хотя известно, что в его руках находилось начало¹ (буквы А, Б и В до **вѣкам**) «Болгарского словаря» Н. Герова, но насколько прибегал А. А. Потебня к этому словарю, сказать трудно. Солидный лексикографический труд И. А. Богорова «Българско-френски рѣчник», изданный в Вене в 1871 г., в монографии А. А. Потебни не использован совершенно. Это еще раз свидетельствует о том, что в 1871 г. А. А. Потебня уже не возвращался к работе над рукописью. Компенсируя недостаток лексикографических сведений, А. А. Потебня привлекает к рассмотрению болгарскую лексику, отобранную им в изданных в 1855 г. П. Бессоновым акцентированных «Болгарских песнях из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар»².

Собранный большой материал помог ученому вести исследование славянского ударения в сравнительном плане, углубляя его исторический аспект. Разумеется, исходным при этом было ударение восточнославянское. Как отмечает А. А. Потебня, сравнение восточнославянского ударения с сербским и болгарским «дает возможность отнести одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогуударения» (стр. 23).

С помощью сравнительно-исторического метода, т. е. сопоставления свидетельств восточнославянских, других славянских и некоторых индоевропейских языков (литовский, санскрит), А. А. Потебня смог сделать ряд открытий, которые, к сожалению, вошли в науку значительно позднее и под другими именами. Приведем несколько примеров.

В 1905 г. появилась статья Л. Л. Васильева «Заметка об акцентровке несклоняемого причастия на -ль»³. На большом количестве примеров из русских памятников XVI—

¹ Опубликовано в третьем томе «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», где помещена и использованная А. А. Потебней статья Я. К. Грота «О глаголах с подвижным ударением».

² П. Бессонов, Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21—22, М., 1855.

³ Журнал Министерства народного просвещения, ч. CCCLX СПб., 1905, стр. 464—469.

XVII ст. автор проследил явление подвижности ударения действительного причастия прошедшего времени в русском языке. В соответствующем разделе монографии А. А. Потебни «Причастия прошедшего времени действительные на -ль» привлечен для исследования более широкий материал. Соответственное явление русского языка прослеживается в сравнении с языком сербским. Для сравнения привлекаются также отдельные факты болгарского языка. Украинский язык здесь, как и в других частях монографии А. А. Потебни, органически входит в исследование. Поэтому такими обоснованными представляются выводы ученого о том, что «малорусское наречие здесь новее великорусского» (стр. 95). Речь идет об украинских причастиях, которые переносят ударение на конечный слог не только в женском роде единственного числа, но и в среднем роде, а также во множественном числе, — таких, как *дав — далá — далó — дали́*. Ср. русск. *дал — далá*, однако *далó — дали́*. Древность соответствующего явления в русском языке подтверждается сравнением с языком сербским: *дãти — дãо — дãла — дãли*. Ведь острое ударение (*далá*) на предпоследнем слоге в сербском языке соответствует русскому на последнем (*далá*). В среднем роде и во множественном числе циркумфлексное ударение (˘) падает на тот же слог, что и в русском языке. Намного полнее у А. А. Потебни и морфологическая характеристика подвижности ударения причастий на -ль. Разновидности перехода ударения связываются с образованием причастий от глаголов разных разрядов; разработана стройная схема, по которой все причастия распределяются на имеющие одинаковые ударения во всех трех родах и обоих числах и на имеющие разное ударение.

Отметив, что болгарский язык дает ценные указания относительно места древнейшего славянского ударения, Л. А. Булаховский в докладе на IV Международном съезде славистов подчеркнул сравнительно-историческое значение ударения болгарского глагола. Кроме всего прочего, оно определяется той особенностью, что в формах настоящего времени изъявительного наклонения сравнительно с древнейшим состоянием произошло, очевидно, почти полное «уодноображенье» по ударению 2-го лица единственного числа, напр.: *ка́жа* (ср. укр. *кажу́: ка́жеш*), *бо́ря се* (ср. русск. *борю́сь: бо́решься*); *пи́ша* (русск. *пишу́: пи́шешь*); *во́зя* (ср. русск. *вожу́: во́зишь*), *кърмя* (ср. русск. *кормлю́:*

кóрмишь); мо́ля (ср. русск. молю́: мо́лишь); хва́ля (ср. русск. хвалю́: хва́лишь) и т. п. ¹

В русском языке факт перехода ударения с конечного слога глаголов в 1-м лице единственного числа настоящего времени на предыдущий во 2-м лице засвидетельствован уже «Русской грамматикой» (§ 186) А. Х. Востокова, который впервые ввел в употребление термин «подвижное ударение». Я. К. Грот обратил внимание на то, что А. Х. Востоков рассматривает это явление не при изучении глагола, а в разделе об ударении, являющемся последней частью его книги. Я. К. Грот отметил, что и впоследствии этот вопрос оставался недостаточно изученным: «Хотя другие лица (глагола. — В. Ф.) часто отличаются от 1-го местом ударения, но в грамматиках не находим указаний, чем нужно руководиться в изменениях ударений» ². Исходя из явления, составляющего особенность восточнославянских языков, А. А. Потебня рассматривает его в сравнении с данными болгарского и сербского языков. Он приходит к выводу, который подтвердили в наше время исследования Л. А. Булаховского, что подвижность ударения древнее неподвижности, а свойственное южнославянским языкам уподобление ударения 1-го лица ударениям последующих лиц единственного числа — шаг к его неподвижности (см. ед. хр. 198, л. 23 об).

До сих пор много неясного остается в истории ударения прилагательных. В трудах Л. А. Булаховского ³, Е. Куриловича ⁴ и Х. Станга ⁵ высказывается предположение о том, что ударение членных прилагательных опирается на ударение соответствующих нечленных форм и что сложилось оно в процессе слияния именной и отместоименной основы в местоименном склонении прилагательных, возможно, уже на почве отдельных славянских языков.

¹ См.: Л. А. Булаховский, Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы, М., 1958, стр. 34.

² Я. К. Грот, Замечания о спряжении русского глагола, стр. 391.

³ Л. А. Булаховский, Порівняльно-історичні коментарії до українського наголосу, «Наукові записки КДУ», т. XI, вип. IX, Філологічний збірник, № 4, 1952, стр. 61—74.

⁴ J. Kuryłowicz, L'accentuation des langues indo-européennes, Kraków, 1952, стр. 270 и далее.

⁵ Ch. S. Stang, Slavonic accentuation, Oslo, 1957, стр. 100—104.

Убедительные доказательства в пользу этого предположения, извлеченные из наблюдений над материалами украинского, русского и сербского языков, содержатся в разделе «Ударение прилагательных» А. А. Потební. Глубокое проникновение в проблему происхождения членных прилагательных¹ 100 лет тому назад позволило этому выдающемуся специалисту в области славянских языков впервые рассмотреть ударение прилагательных в сравнительном плане. Как и во многих других вопросах языкознания, А. А. Потební и здесь оказался предшественником ученых, обращающихся к этой проблеме в наше время.

Сообщение об акцентологических трудах А. А. Потební было бы неполным, если бы мы не учли и того, что было сделано им в этой области впоследствии. В этом плане особое внимание привлекают акцентологические изыскания ученого, которые должны были войти в четвертый том «Из записок по русской грамматике».

Рассматривая склонение существительных, А. А. Потební отмечает, что в русском языке существительные мужского рода сохраняют старинное окончание двойственного числа -а, которое почти всегда отличается ударением от собирательной формы. Те имена существительные, которые в родительном падеже единственного числа имеют ударение на первом слоге, сохраняют это ударение в двойственном числе (два гла́за, оба бе́рега) и переносят его на конечное -а в собирательной форме (глаза́, берега́). Последняя в современном русском языке принимается за именительный падеж множественного числа. Существительных, изменяющих ударение именительного падежа в родительном падеже (рука́в—рукава́) и не отличающих двойственного числа от собирательной формы, в русском языке немного. Чаще имена существительные с ударением в родительном падеже на последнем слоге имеют собирательную форму не на -а́, а на -ья. Например, *клок—клока́—два клокá, но кло́чья*. В украинском языке мужской род сохраняет окончание двойственного числа при числах *два—четыре* как исключение. Обыкновенно

¹ См.: А. А. Потební, Из записок по русской грамматике, т. III, М., 1968, глава «Происхождение имени прилагательного»; см. также остававшуюся неизвестной до последнего времени его же статью «Образование и значение определенных прилагательных» («Мовознавство», 1967, № 3).

оно заменяется окончанием множественного числа: *два соколы, три сини, четыре дубы*.

Чтобы выяснить значение ударения во множественном числе, ученый обращает внимание на тонические условия образования именительного падежа множественного числа. Рассмотрев состав слов мужского рода, которые принимают в именительном падеже множественного числа окончание *-а*, он приходит к выводу, что ударение в окончании *-а* вместе с самим этим окончанием означает не просто множественность, а множественность собирательную. Ср. *пóводы* и *поводá*, *óбразы* и *образá*. И хотя окончание *-а*, независимо от ударения, само по себе способно выражать собирательность, но без ударения оно не могло быть употреблено для этой цели в именительном падеже рассматриваемых существительных мужского рода, так как в этом случае смешались бы формы родительного падежа единственного числа с именительным падежом множественного числа¹.

В трудах А. А. Потебни по морфологии было снято то противоречие между акцентологией и исторической грамматикой, на которое уже в нашем столетии обратил внимание известный польский языковед Е. Курилович. По мнению последнего, проблемы истории ударения остались вне поля зрения исследователей и потому, что при освещении вопросов морфологии возможно полное абстрагирование от акцентологии: «Нельзя исследовать ударение без учета морфологического строения слова, но детальное описание грамматики, как это уже показала практика, вполне возможно без описания ударения»².

Рассмотрение труда А. А. Потебни свидетельствует, что именно он еще в 60-е годы прошлого столетия впервые в славянском языкознании выдвинул и развил идею сравнительно-исторического изучения славянского ударения, собрал и обработал акцентологический материал восточнославянских и южнославянских языков. В частности, заслугой ученого следует признать морфологический критерий в акцентологии — критерий, который спустя некоторое время стал (правда, независимо от А. А. Потебни) краеугольным камнем акцентологической теории Е. Куриловича.

¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. № 781, ед. хр. 171, л. 65.

² J. K u r y ł o w i c z, Do metodyki badań akcentowych, «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 233—234.

А. А. Потебню в наше время называют «творцом оригинальной теории общего языкознания, напоминающей положения современных языковедческих направлений, так называемого структурализма»¹.

В ударении ученый также видел системность языка, но он изучал ударение не как отдельную систему, существующую саму по себе, а в ее связях с морфологией и словообразованием. По его мнению, противопоставления, факты семасиологизации этих противопоставлений, механизм их влияния играют важную роль в общей системе языка (грамматика, лексика). Свяжав акцентологию с морфологическими явлениями, А. А. Потебня по существу стал предшественником современного учения об ударении.

Хотя в целом акцентологию А. А. Потебни нельзя назвать структурной, в ней имеется немало элементов, которые могут быть с успехом использованы для развития этой важной области лингвистики.

В. Ю. Франчук

¹ Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej, стр. 699.

Русской грамматике еще весьма далеко до цели, намеченной Востоковым слогуударению как части грамматики, именно до возможности показать, на котором слоге (двухсложного или многосложного слова) должно быть ударение.

Прежде всего, конечно, нужно собрать факты. Относительно современного литературного языка и великорусских наречий это отчасти исполнено¹.

Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь, как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия. И в тоническом отношении русские наречия, при сходстве в большинстве случаев, заметно различаются между собой. И здесь языкознанию предстоит возвести наличное разнообразие к общерусскому, общеславянскому, летто-славянскому, арийскому единству.

¹ В о с т о к о в, Русская грамматика (пространная, изд. 2-е); акад. Г р о т, Замечания о спряжении русского глагола (в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I) и О глаголах с подвижным ударением (*ibid.*, т. III).

Наблюдения этих ученых могли бы быть дополнены при помощи словарей; как Областной великорусский словарь, изданный Академией, так и Словарь Даля отмечают ударение одной, много двух форм склоняемого или спрягаемого слова, чего недостаточно. Вообще эти важные во многих отношениях труды как материал для грамматики далеко не удовлетворительны. Наши словари, не исключая далевского, как склады грамматических сведений не удовлетворяют самым умеренным требованиям: в них не показываются ни особенности изменений слов по склонениям и спряжениям, ни изменения ударений. Во множестве случаев ни до того, ни до другого человек не додумается, если не знает; а не знать множества формальных и тонических особенностей русского языка, столь сложного по входящим в него стихиям и трудного в формальном и тоническом отношениях, — простительно даже хорошо образованному русскому.

Лишь этим путем можно дойти до познания системы русских ударений. Пока нечего говорить о системе, потому что мы лишь предполагаем ее существование.

Одним из важнейших средств для исторического изучения русской акцентуации должно бы быть сравнение ее в современном виде с акцентуацией древних русских и старославянских памятников, если бы они были известны. «Но, — говорит акад. Грот, — в древнейших церковнославянских списках евангелия (и, — прибавим, — сколько известно, в древних памятниках русской письменности) ударения вовсе не означены, они начинают появляться не прежде, как в XV и XVI столетиях»¹.

Знакомство с акцентуациею памятников XV, XVI вв., без сомнения, весьма важно, так как даже в новопечатных церковнославянских книгах сохранились черты глубокой древности. Но, во-первых, знакомство еще почти что не начиналось и приступить к нему могут лишь немногие, имеющие возможность пользоваться неизданными памятниками, во-вторых, в большинстве случаев оно не поведет исследователя дальше того времени, когда русский язык уже распался на наречия.

Гораздо доступнее и надежнее в настоящем случае другое средство — именно сравнение слогуударения в русском языке и живых славянских наречиях, литовском, санскритском. Из славянских наречий западные потеряли разнообразие и подвижность ударения, свойственную русскому языку: в чешско-словацком и лужицких ударение падает на первый слог слова; в польском — на предпоследний; полабский отклоняется по ударению от польского, но в этом отношении мало известно. Из задунайских для нас наиболее важно сербское, как по древности своего тонического строя, так и по относительному богатству пособий для изучения его. Затем следует болгарское и, наконец, наименее известное со стороны слогуударения — хорутанское.

Сравнение русского языка с сербским уже дало один положительный и важный результат, доказавши существование в древнем русском языке количественного различия гласных и его связи с ударением в словах полногласных в русском языке; сравнение с сербским и болгарским, как уви-

¹ Я. К. Г р о т, О глаголах с подвижным ударением, стр. 344 и далее.

дим, дает возможность относить одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогаударения. Путь к такому сравнению указан частью русскими учеными, частью г. Мажураничем.

Несравненно труднее сравнение русского слогаударения с литовским и санскритским, которые, как доказано Боппом, во многом сходны с греческим. Уместность такого сравнения указана Боппом. Ему же принадлежит, между прочим, важное наблюдение, что в русском и литовском, как и в санскритском, есть тоническая разница между так называемыми им сильными и слабыми падежами.

Приводимые ниже данные об ударениях в сербохорватских глаголах заимствованы из словаря Караджича, из Мажуранича «Slovnica hërvatska», 1861 г., и отчасти Даничича «Облици српского језика» (Београд, 1863 г.) и Вуича «Српска граматика» (Београд, 1863 г.). Основные сведения о соответствии русских ударений сербским и об отношении сербских штокавских ударений к чакавским изложены мною в статье «О полногласии».

Мы рассмотрим сначала взаимные тонические отношения настоящего времени и неопределенной формы, а затем — ударения в повелительном наклонении, причастиях и деепричастиях.

І. УДАРЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЕ

§ 1. РАЗЛИЧИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ

В великорусских наречиях и современном литературном языке в настоящем времени ударение может неизменно оставаться во всех лицах на первом, втором или третьем слоге, считая от начала, или же стоять на последнем слоге в 1-м лице единственного числа и переходить на предыдущий слог во всех остальных лицах обоих чисел. В последнем случае ударение называют подвижным. Переход ударения с конечного слога 1-го лица единственного числа на предыдущий слог в остальных лицах почти в той же мере свойствен (отклонения малорусских ударений, как *мóжу*, *вино́шу* и т. п., будут указаны ниже) и малорусским говорам, не подчиненным влиянию польской акцентуации, по об-

щему правилу, если во 2-м и 3-м лице единственного числа настоящего времени ударение стоит на последнем слоге (не считая потерянного на конце еря), то в 1-м и 2-м лице множественного числа оно передвигается на следующий слог, т. е. на окончание *-мó* и *-тé*.

Таким образом, великорусские *ведёшь* — *ведём* — *ведёте* соответствуют малорусским *ведéш* — *ведемó* — *ведетé*. Правило это во 2-м лице множественного числа до сих пор соблюдается и в церковных книгах не только южной, но и северной печати. Не могу решить, было ли такое ударение занесено на север юго-западным духовенством в XVI—XVII вв. или же и до этого времени и на севере оно сохранялось в церковных книгах. Церковнославянские *соблюдитé*, *творитé*, *поститéся* (однако *пи́ете*, *облечéтеся*, *печéтеся*), *даетé*, *зоветé*, *держитé*, *убъжитé*, *стоитé*, *мнитé*, *спитé*, *разрѣшитé*, *чудитéся*, *соблаговолитé*; даже *отпуститé*.

В пользу глубокой древности ударения *ведемó* — *седетé* говорит его согласие с сербохорватским, в коем «в глаголах на *-ѣм*, *-ѣм* [в 1-м лице единственного числа. — А. П.] в штокавском в единственном числе настоящего времени на предпоследнем слоге стоит ударение острое (*á* = *aà*) или менее тяжкое (*à*), то в 1-м и 2-м лице множественного числа эти ударения переходят на следующий слог в глаголах на *-ѣм* — как менее тяжкие (*пѣ́ем* — *пѣ́еш* — *пѣ́е*, но *пѣ́емо* — *пѣ́ете*, ибо *е* в последних двух формах коротко), в глаголах на *-ѣм* — как острое (*вѣ́лѣм* — *вѣ́лѣмо* — *вѣ́лите*, и — здесь долгое: *вѣ́лѣмо* = *вѣлѣ́мо*). Этим формам в более древнем по ударению чакавском будут соответствовать формы с ударением на конце, как в малорусском, но с сохранением долгот: *пѣ́ем* — *пѣ́еш* — *пѣ́е*, *пѣ́емѣ* — *пѣ́ете* — *пѣ́ју*; *вѣ́лѣм* — *вѣ́лѣш* — *вѣ́лѣ*, *вѣ́лѣмѣ* — *вѣ́лите* — *вѣ́лѣ*» (Maž u g a p i é, Slovnica hèrvatska, 76).

Ю. Крижанич, хорват родом, ставит в этих случаях ударение малорусско-чакавское: *ведемó* — *ведетé*, *јесмó* — *јестé*, *держитé*, но повелительное наклонение *держѣ́мо* — *держѣ́те*.

Согласие малорусского и сербохорватского в ударении 1-го и 2-го лица множественного числа *-мó*, *-тé* ведет к предположению, что таково было древнее общерусское ударение. Но окончание 1-го лица можно не без основания считать за более позднее, чем старославянское и великорусское окончание *-мъ*. Можем ли допустить, что это послед-

нее, бывшее общерусское, имело на себе ударение? Мне кажется можем, так как глухой звук вообще не есть непременно звук неударяемый. Примеры ударяемого глухого звука внутри слов часты; ср., например, слова, как *възрастъ* и *търгъ, пълкъ*. Ударяемое *-ъ* на конце, по-видимому, предполагается, впрочем, редкою северновеликорусскою заменою такого *ъ* чистым ударяемым *о*: *богъ далó* (вместо *далъ*) и происходящим из основных *'а, ѡ, ж* в новоболгарском. Особенно часты ударяемые гласные звуки в позднейшем.

Переход ударения с конечного слога 1-го лица единственного числа настоящего времени на предшествующий слог в остальных лицах (*ношú — нóсишь*) составляет особенность русского языка. В сербском, за исключением нескольких глаголов, представляющих такой же переход ударения, уже в 1-м лице единственного числа стоит ударение, соответствующее русскому ударению 2-го лица: *нòсѣм — нòсиш*, а не *нóсим — нòсиш*. В болгарском то же, без исключений: *нóсѣ — нóсиш*. В сербском (кроме исключений) нет подвижного ударения в настоящем времени, и о движении ударения может быть речь только при сравнении настоящего времени с другими формами, между прочим с формой неопределенной (*нòсити — нòсѣм*), а также при сравнении форм простых глаголов с теми же формами предложных. Поэтому при сравнении русских глагольных ударений с сербскими и болгарскими в русских глаголах необходимо выставлять 1-е и 2-е лица единственного числа настоящего времени, в сербском и болгарском достаточно (по общему правилу) одного 1-го лица. Было ли некогда и в сербском ударение *нòсим — нòсиш* = русскому *ношú — нóсишь* или же следует считать русское ударение явлением позднейшим, на это отвечать трудно.

В пользу предположения, что русская подвижность ударения (*ношú — нóсишь*) позднее сербской неподвижности, можно привести, что в санскрите не замечается т а к о й подвижности (а о другой — речь впереди). Случай полного согласия сербского ударения с великорусским, именно *мòгу — мòжеш* и *хòћу — хòћеш* (чакавское *могú — мòжеш, хоћú — хòћеш*), могут быть неразвитыми зародышами нового закона, развитого в русском. Наоборот, случаи малорусского *принóшу* (великорусское *приношú*) — *принóсиш* и т. п., согласные с сербским относительно 1-го

лица единственного числа (*пріносїм* = чакавскому *приндсїм*), — остатками старины.

С другой стороны, в защиту большей древности русского перехода ударения можно привести то обстоятельство, что в литовском, несравненно более близком к славянским, чем санскрит, есть в настоящем и прошедшем времени подвижность ударения, сходная с русской. Глаголы, имеющие ударение на последнем слоге первого лица единственного числа, удерживают это ударение только во 2-м лице того же числа (и в этом отличие от русского); во всех же остальных лицах переносят его на предыдущий слог: 1-е лицо *агіù* (*орю*) — 2-е *ãгі* (отлично от *брешь*) — 3-е лицо *агіа* (*агіе*, *аг'* = *брет*); множественное число 1-е лицо *агіаме* (*агіем* = *брем*), *агіате* (*агіете* = *брете*) (Schleicher, *Litauische Grammatik*, § 102—103).

Сходство русского ударения с литовским не подрывается различием ударения во 2-м лице единственного числа точно так же, как в общем сходстве русского ударения с сербским — различием в 1-м лице единственного числа глаголов с подвижным ударением в русском. Не лишено вероятности и то предположение, что *орю* — *брет* есть ударение общеславяно-литовское, что, стало быть, сербские исключения, как *мдгу* — *мд̂жеш*, суть остатки старинного правила.

Принявши в соображение указанные тонические различия настоящего времени в русских наречиях с сербским — именно в 1-м лице единственного числа и во 2—3-м лице множественного числа, — приступим к изложению фактов. Рассматривая изменения глаголов по отношению к этимологическому составу, мы не приняли во внимание ударения; здесь же, в н у т р и о т д е л ь н ы х р а з р я д о в, мы упускаем из виду различие состава, следя только за сходством ударений. Поэтому, например, здесь мы не отделяем *дамь* от *есмь*, хотя в первом ударяется удвоенный корень, а во втором — простой, и, наоборот, отделяем *кра́ду* — *кра́сть* от *брѣдѹ* — *бресті*.

I разряд

Настоящее время

Дополняя формы первого образца глаголов *есмь*, *ем*, *дам*, потерянные в одних из живых русских наречий, сохранившимися в других или в книжном языке, мы получаем следующее спряжение настоящего времени: *ёсмь*¹ — малорусское *есі* — *ёсть*, малорусское *есмо*² — *есте* — книжное *суть* (галицкое *сут*).

В сербском (штокавском) *јесам* — *јеси* (чакавское *јесѝ*) — *јест* (и чакавское), *јесмо* (чакавское *јесмо̄*) — *јесте* (чакавское *јестѐ*) — *јесу* (чакавское *јесљ*). Разница с русским в 1-м лице единственного числа. Но в 1-м лице ударение *јесам* не может быть древним: в древнем языке не могло быть ударения на слоге *са* (или *съ*, так как в сербском *ъ* = *а*), потому что самого этого слова не было (*јесмь*), а звук *а* есть замена неорганического *ъ*, эвфоническая вставка, которая понадобилась уже после потери конечного *ь*. Русскому *ёсмь* должно бы в сербском соответствовать *јесам*. В 3-м лице множественного числа сербскому *јесу* должно бы соответствовать русское *исуть*. Сербская форма есть сравнительно новое восстановление части коренного слога (*је*), потерянной еще до выделения славянского языка.

Ем. *Ем* (из *ѣмь*, малорусское *їм*) — *ешь* (малорусское *їсі*) — *ест* (малорусское *їсть*). Малорусское *їмо* — *їсте*, общерусское *едят*, малорусское *їдять* (белорусское *ядуць*).

В южном сербском: *їјем* — *їјеш* — *їје*, *їјемо* — *їјете* — *їјљ*. 2-е и 3-е лицо множественного числа отличаются от малорусских по ударению, а 3-е лицо — и по образованию, но в восточном сербском (штокавском) наречии сохранились формы, вполне согласные с русскими: *јѣм* (= южному *їјем*, *јѣм*, *јѣ*), *јѣмо* (в чакавском было бы *јѣмо̄*) — *јѣте* (в чакавском было бы *јѣтѐ*) — *јѣдљ* (в чакавском было бы *јѣдљ*) (Д а н и ч и њ, Облици српскога језика, 123).

Дам. *Дам* — *дашь* (малорусское *дасі*³) — *даст* (малорусское *дасть*). Церковнославянское (новое) *дамы*, малорусское *дамó* — *дастѣ*, великорусское, малорусское *да-*

¹ Таково ли ударение и в летописной форме 1-го лица единственного числа *есми*? Церковнославянское (*но*)*асте*, *нестѣ*, но *нѣсте*.

² Вероятно, таково же ударение летописных форм 1-го лица множественного числа *есмы*, *есмі*, *есмѣ*, *есмя*.

³ *Viddási*, церковнославянское (новое) *воздási*.

дѹт, дадѹть. Согласно с этим и в сербском. Штокавское *дѹм — дѹш — дѹ, дѹмо — дѹте — дѹдѹ*.

Относительно 2-го лица единственного числа заметим, что малорусское *еси́* (ѣси, *ниси*), *даси́* с ударением на конце отклоняется как от великорусского, так и от сербского; но что *еси́* произносится так по преданию и великороссиянами и согласно с сербским *јеси* (= чакавскому *јесѹ*). По преданию мы произносим и двойственное число *есвѣ, еста́, давѣ, дѹста*.

За исключением этого 2-го лица единственного числа в малорусском, сербско-русские ударения настоящего времени *есмь, ем, дам* представляют большое сходство с ударениями тех же форм в санскрите, где ударение тоже стоит на корне в единственном числе и на окончании в двойственном и множественном числе: *áсмй, áси, áсти, (а)св́ас, (а)ст́һ́ас, (а)с-т́ас, (а)с-м́ас, (а)ст́һ́а, (а)с́анти; ад-ми, ат-си, ат-ти, ад-вас, ат-т́һ́ас, ат-тас, ад-мас, ат-т́һ́а, ад-анти; дѹда-ми, дѹда-би, дѹда-ти, дад-в́ас, дат-т́һ́ас, дат-тас, дад-мас, дад-т́һ́а, дад-áти* (вместо *-анти*). Однако законы, управляющие этими явлениями, в санскрите и в русско-сербском различны. В санскрите перенос ударения с корня на окончания в двойственном и множественном числе под влиянием большей тяжести окончания в этих числах имеет место только во II, более древнем, спряжении, т. е. в классах 2, 3, 7, 5, 8, 9, из коих в славянском языке находят полное или почти полное соответствие классу 2-му (*есмь*) и 3-му (*дамь*); в I спряжении, более новом санскритском спряжении (классы 1, 6, 4, 10), которому по конечной гласной характера соответствуют все разряды славянских глаголов, кроме 1-го, сила и слабость окончаний не имеют тонического влияния и ударение остается постоянно или на корне, или на характере. Между тем в малорусском, сербском ударение окончаний 1-го и 2-го лица множественного числа, вообще, согласуется с ударением 2-го лица единственного числа и перенос ударения на *-мó, -тé* имеет место не только в трех глаголах, соответствующих санскритским глаголам II спряжения, но и во множестве других, соответствующих санскритским глаголам I спряжения с неподвижным ударением: малорусское *веземó* = санскритскому *váһамас*. Таким образом, сходство ударений рассмотренных русско-сербских глаголов с санскритскими только поверхностное.

Литовский язык в ударении глаголов на *-ми* следует своему особому закону и уравнивает их в этом отношении с

остальными (в 1-м лице на у = u). Вообще литовские глаголы в настоящем времени имеют или постоянное ударение на корне, или же ударение на окончании в 1—2-м лице единственного числа и на корне в остальных лицах. К последним принадлежит *esmi* (есмы); *esù, esì, ėste*; двойственное число *ésva, ésta*, множественное число *ésme, ėste* отличны по ударению как от санскритских, так и от славянских.

Образец *вѣмь*. Этот образец выставляю гадательно, так как спряжение настоящего времени, кроме 3-го лица единственного числа, в живых наречиях не сохранилось, а об ударении его в старом языке можем судить только по преданию, поддерживаемому церковными книгами. *Вѣмь, вѣси, вѣсть, вѣвѣ, вѣста, вѣсте, вѣмъ (вѣмы), вѣсте, вѣдятъ*.

П р а з р я д

1. Образец *ведú* — *ведéшь, вестú*

В настоящем времени в великорусском постоянное ударение на характерной гласной, слитой со смежною гласною окончания (-ú, -úт) или длительною (-éшь, -ét, -ém, -éте), в малорусском ударение на последней гласной окончания в 1—2-м лице множественного числа (-емó, -етé).

В неопределенной форме. В великорусском (с исключениями) и малорусском ударение — на окончании -ти.

В сербском в обеих формах — ударения, соответствующие русским (в штокавском) или тождественные (в чакавском) ¹.

Русскому образцу в сербском соответствуют два, тождественные по ударению, но различные по количеству коренной гласной: *плèсти* — *плètēm* и *вèсти* — *вézēm*. В них переход ударения, как в малорусском: *плètēm* — *плètēш* — *плètē*, *плетéмо* — *плетéте*, *плетú*; *вézēm* и пр. Однако

¹ П р и м е ч а н и е. Ниже везде в скобках выставлены сербские слова по штокавскому произношению, а при чакавских стоит «чакавское». Впрочем чакавское ударение во множестве случаев потеряно, вытеснено все более и более распространяющимся штокавским. Мажурич замечает о глаголах рассматриваемого образца, как *тúћи, вúћи* и пр.: «чакавское ударение было некогда *тúћù, дúбстù, зéбстù* и т. д., но я никогда его не слышал; по крайней мере в Винодоле теперь говорится: *тúћ, вúћ, дúбст* (и *дúст*) и т. д. [т. е. со штокавским ударением и без конечного и, сходно с великорусским *толочь* и прочими. — А. П.]» (Маžугапиć, *Slovnica hèrvatska*, стр. 19).

у Даничича (Облици српскога језика, 69) множественное число 1-е лицо *вѣзѣмо*, 2-е лицо *вѣзѣте* (а не *вѣзѣмо* — *вѣзѣте*, как можно ожидать на основании малорусского и по сербскому правилу — *Маџигапиѳ*, *Slovnica hèrvatska*, 72).

Сюда относятся:

Бості — *боду* (сербское *бѡсти* — *бѡдѣм*); *бресті* (*бресть*) — *бреду*; *блюсті* — *блюду*; *весті* (*весть*) — *веду* (= *вѣсти* — *вѣдѣм*, чаще с предлогом, например *увѣсти*, *довѣсти*); *грясті* — *гряду* (*грѣсти* — *грѣдѣм*); *гнесті* (*гнѣсти*); *месті* — *мету* (корень *мет*) (= *мѣсти* — *мѣтѣм*); *плесті* — *плету* (= *плѣсти* — *плѣтѣм*); *мясті* — *мяту* (= *мѣсти* — *мѣтѣм*); *рості* — *росту* (*рѡсти* — *рѡстѣм*); (*рас*)*весті* — (*рас*)*ветѣт*; *цветі* — *цвету* (*цвѡсти* — *цвѡтѣм*) (с другою гласною в корне (*а* = *ѡ*) — Даничич, Облици српскога језика, 67); *честі* (великорусское вместо обыкновенного *честь*) — *чту*.

Сюда в русском: *обресті* — *обрету*, но и в малорусском *зустріти* и в сербском *срѣсти* — *срѣтнѣм* (*сѡсрести*, *ѡбрести*) имеют другое ударение.

Корень на *з* — *с*. *Вязті* (*вѣсти* — *вѣзѣм*, латинское *ringere*); *везті* — *везу* (*вѣсти* — *вѣзѣм*); *верзті* (*врѣсти се* — *врѣм се*, *adhaeresco*); *несті* — *несу* (*нѣсти* — *нѣсѣм*); *ползті* — *ползу*; *трясті* — *трясу* (*трѣсти* — *трѣсѣм*).

Корень на *б* — *п*. *Гресті* — *гребу*, малорусское *гребті* — *гребу* (*грѣпсти* — *грѣбѣм*); *долбсті*, малорусское *довбті* (*дѡпсти* — *дѡбѣм*); великорусское областное *зябті* (*зѣпсти* — *зѣбѣм*); *скресті* — *скребу*, малорусское *скребті* — *скребу* (нет ни у Караджича, ни у Даничича); великорусское *скубсті* (*скѡпсти* — *скѡбѣм*, но в малорусском отклоняется в неопределенной форме *скѡбти* — *скубу*); малорусское *сопті* — *сопу*; **тепсті* — *тепу* (*тѣпсти се* — *тѣпѣм се*, *vaag*); малорусское *хрості* — *хропу* («Соплі, харчали и хрости» — Котляревский, 14).

Корень на *г* — *к*. В великорусском первоначально все сюда относящиеся глаголы имели в неопределенной форме ударение на конечном *-і*, что и сохранилось в малорусском, между тем как в великорусском такое окончание осталось только как архаизм и господствуют формы как *печь* с сокращенным *и в ъ* и с переносом ударения на корень: *берѣчь* — *берегу*, малорусское *берегті* — *бережу*; *жечь* (из *жечі*, малорусское **жегті*) — *жгу* (*жѣћи* — *жѣжѣм*).

Прячь (*прячі*, областное великорусское *выпрячі*, *впрячі*) — *прягу*, малорусское *прягті* — *пряжу* (ср. сербское

прѣћи — *упрѣћи*, настоящее время *ўпрѣгнѣм*), но малорусское *прѣгти* (*assage*). *Стерѣчь* — *стерегу́*, малорусское *стерегти́* — *стережу́*. *Печь* (областное *печі́*) — *печу́*, малорусское *пекти́* — *печу́* (*пѣћи* — *пѣчѣм*). *Течь* (*течі́*), малорусское *текти́* — *течу́* (*тѣћи* — *тѣчѣм*). *Толочь* — *толчу́*, малорусское *товкти́* — *товчу́* (*тўћи* — *тўчѣм*). *Волочь* (*волочі́*) — *волоку́*; малорусское *волокти́* — *волочу́* (*вўћи* — *вўчѣм*).

На носовую: *клясть* — *клянú*, малорусское *клясти́* — *клянú*, сербское *клѣти* — *кўнѣм*.

К образцу *вести́* принадлежит по второй теме *лечь*, малорусское *лягти́*, сербское *лѣћи* (К а р а Ч и њ, Српски рјечник, по Мажураничу, лѣћи — 103).

П р и м е ч а н и е. Полногласные формы *берѣчь*, *стерѣчь*, *волочь* — *волоку́* не находят соответствия в сербском. Возведя эти формы к более древнему виду (*беречи́*, *стеречи́*, *волочі́*, что предполагает в старославянском *брѣшти*, *стрѣшти*, *влѣшти* — *влѣку́*), мы могли бы ожидать в южносербском *бријѣћи*, *стријѣћи*, *влијѣћи*. Великорусское *речь* (*речи́*) — *реку́*, которому соответствовало бы малорусское *ректи́* — *речу́*, согласно с сербским в неопределенной форме (*рѣћи*), но отлично от сербского в настоящем времени (*рѣчѣм*).

Болгарское: *бодѣ* — *бодѣш* — *бодѣ*, *бодѣм* — *бодѣте* — *бодѣт*; *ведѣ* (*доведѣ* etc.), *плетѣ*, *метѣ*, *растѣ*, *четѣ* (= *чѣтѣ*, *читаю*), *везѣ*, *несѣ*, *плѣзѣ* (*plúze*), *тресѣ* (3-е лицо единственного числа), *гребѣ*, *длѣбѣ*, *жегѣ* (*жьгѣ*), *пекѣ*, *текѣ* (и *печѣ*, *течѣ*, у Цанковых (*Grammatik der bulgarischen Sprache*) *ресѣ*, *тесѣ*, 3-е лицо множественного числа *течат* (= Цанковы *тецѣт*, *ротѣцѣт*), *обрекѣ*, *сѣкѣ*, *влѣкѣ*; но по Цанковым, *skúbé*, *téré*. Сербскому *врѣћи* — *врѣшѣм* (основная форма *врѣкѣ*) = *вријѣћи* — *врѣшѣм* (молотить лошадыми и пр.) = болгарское *вѣркѣ* и *врѣшиѣ* (Цанковы *vŕiše*) — *врѣшиѣш* — *врѣшиѣ* и пр.

Не говоря о тех малорусских говорах, которые подчиняются польскому ударению, в самом украинском, преимущественно в песнях, попадаются отклонения от образца *вести́* — *веду́*, например: «голови не звѣду»; «Туда ж мені любо-мило оченьками звѣсти» (рифмуется с «хрѣсти» вместо «хрѣсти́» — М е т л и н с к и й, 6); «А хто не зна, чѣсти, того взять за чуба да на двір вивѣсти» (К у л и ш II, 83); «Я ж без тебе усю ніченьку, як сива голубка гудуе

(рифмуется: «бúду» — *ibid.*, 258); «Що у лісі на горісі три голубоньки гúде» (рифмуется: «бúде» — М е т л и н с к и й, 89); «Тихо, тихо Дунай воду нéсе, А ще тихше дівка косу чéше, Вона чéше да на Дунай нéсе» (*ibid.*, 14); «Їхав козак дорогою — дівча воду нéсе» (К о с т о м а р о в, Песни, 245); «Ой як гляне та Нечаєнко, та на лівее пліче (вместо *плечé*), А за ним же, за Нечаєнком, кривавая річка тіче» (вместо *течé*—М е т л и н с к и й, 406. Борзенский у.). Эти и им подобные отклонения имели бы значение только тогда, если б согласовались с разговорною речью. Они могут быть объяснены тем, что песня сложена для пения, а не для чтения, а в пении ударение нередко теряется.

2. Образец *прядú* — *прядéшь*, *прядь*

В настоящем времени ударение — как в предыдущем образце; в неопределенной форме в великорусском разницы не заметно сравнительно с *течь*, но в последнем перенесено ударение на корень и основное общерусское ударение есть *течú*, а в *прядь* ударения на окончании и не предполагается, и основная русская форма сохранилась в малорусском *прядьсти*. В сербском в неопределенной форме по правилу гласная короткая с более тяжким ударением (ǎ), что соответствует русскому.

Корни на согласную, кроме м, н, с чистою коренною гласною. В сербском в настоящем времени на коренной гласной *á*: *класть* — *кладú* — *кладéшь*, малорусское *клати* — *кладú* — *кладéш* (*клати* — *клатдём*); *пасть* — *падú*, малорусское *пасти* — *падú* (*пасти*, но по настоящему времени принадлежит к другому разряду *паднём*); *прядь* — *прядú*, малорусское *прядьсти* — *прядú* (*прдсти* — *прдём*).

Грызть — *грызú*, малорусское *грízти* — *гризú* (*грíсти*¹ — *грízём*), малорусское *пасти* — *пасú*, великорусское отклоняется: *пастí* — *пасú* (*пасти* — *пасём*); малорусское *бігти* — *біжú* (только по неопределенной форме и 1-му лицу настоящего времени; великорусское *бегú* — только по 1-му лицу единственного числа и 3-му лицу множественного числа). Сербское *бјѣћи* (= *пòбјећи*, но настоящее время по другому раз-

¹ Предложные в сербском *ггристи* — *угризём*, *напрести* — *напрдём*, *пòсјећи* — *посижечём* = русским.

ряду — *побјегнѣм*). *Стричь* — *стригѹ*, малорусское *стриг-ти* — *стрижѹ* (сербское *стрићи* — *стрижѣм*); *сечь* — *секѹ*; малорусское *сікти* — *січѹ* (сербское *сјѣћи* — *сијѣчѣм*), но в великорусском *секчи* (северное), *секти* (тамбовское). *Жить* — *живѹ*, малорусское *жити* — *живѹ* сходно с сербским в настоящем времени *живѣм*, но отлично в неопределенной форме: сербское *живсти*. Болгарское *кладѣ*, *пасѣ*, *предѣ*, *гризѣ*, *сѣкѣ*, *стригѣ*.

Корни на основы у и ѣ (II, 1, г). Настоящее время в русском *пльвѹ* — *пльвѣшь*, *ревѹ*, *сльвѹ*, *пою*. В сербском, судя по двум словам — *кòвѣм* (при *кòвати* другого разряда) и *рèвѣм* (при иноразрядном *рèвати*), — коренная гласная коротка, но ударение ˘. Вероятно, такое же ударение в предполагаемой Караджичем форме *појем* — именно *пòјем* (при обычной сокращенной *пѣм*). Неопределенная форма *плыть* (из **плути*, сербское *плити*, но в малорусском в песне — *плисти*), *слыть*, *петь* (сербское *пѣти*). Малорусское *ревти* отклоняется и по форме и по ударению.

Болгарское *ревѣ* и сюда же *сновѣ* (*anzetteln*), *ковѣ* (*да подковѣм*, *да подковѣ*), *кльвѣ* (*клюю*), однако *пѣж* — *пѣеш* — *пѣе*, *зарòвж* (Бессонов, Болгарские песни, т. I, 118, = *зарòю*).

3. Образец *дму—дмешь, дуть;* *тру, малорусское тѣрти; рву—рвать*

В обеих формах ударение как *прядѹ* — *прять*, но в настоящем времени глаголов односложных в единственном числе при сложении их с предлогами видны следы подвижности ударения.

Корни на м, н; в корне настоящего времени основная гласная глухая (II, 1, б).

Дуть, малорусское *дѹти* — *дму*, сербское *дѹти* — *дмѣм* (на основании *надути се* и *надмѣм се*). *Жать* — *жму*, сербское *жѣти* — *жмѣм*. Из немногих глаголов, принадлежащих сюда, в болгарском отклоняются по ударению *жѣнж* (*жну*), но согласно *клянж*; *ѹму* в сложении с *вѣз*, как и многие другие глаголы, соответствующие русским с подвижным ударением, имеет в болгарском ударение на первом слоге: *зѣмж* — *зѣмеш* — *зѣмет* и пр.; *жать* — *жну*, малорусское *жати* — *жну*, сербское *жѣти* — *жнѣм* (Даничић, Облици српскога језика, стр. 79) и с заменой более новым ударением глухого гласного: *жѣньѣм*, а в Далмации *жѣньѣм*;

пять — пну (в малорусском *нап'ястí*, хотя, кажется, и *нап'ясти* и *розп'ясти*); в сербском согласно с первую малорусскою формою и отлично от образца: *пéти*, а настоящее время *пéньем* и *пнём* (*рáспéти* — *рáспнём*); *мять*, малорусское *м'яти* — *мну* и малорусские (*у*)*тяти*, (*у*-, *по*-)*тнү* не находят соответствия в сербском.

Подвижность ударения по направлению к началу слов сказывается в этих малорусских глаголах при соединении с двухсложными предлогами, имеющими на конце *о(ô) = ъ*: *розідмү* — *розідмеш*, *підбóжмеш*, *розіпнеш*, *розімнеш*. По Мажураничу (*Slovnica hërvatska*, § 183): *јéти* (*уз-ети*), *-чéти*, *-пéти*, *-жéти* (*ò-жети* — *ò-жмём*).

Сюда же глагол *ять*, *имү*¹ — *ймешь*. В великорусском он сохраняет подвижное ударение и при сложении с предлогами, если начальные коренные *ы*, и отделяются от предлога эвфоническим *н* или соединяются с гласной предлога в одну гласную (*об*, *от*, *под*, *раз*, *с*): *й(й)мешь*, *прймешь*, *взымешь*, *подымешь*. В малорусском он переносит ударение на предлог: *прійму* — *пріймеш*, *підбóйму* — *підбóймеш*, *розіймеш*, но и *займеш*, *наймеш*, *пóймеш*, *вóзьмеш*, *переймеш*: «Хто вінок пóйме — той мене вóзьме!» (Метлинский, 19). Церковнославянское (новое): *пóймаѣтъ*, *вóзмутѣ*, *рáспнете*, *прóпнутѣ*.

Чать (*чати*)—*чну* в великорусском при сложении с предлогом имеет постоянное ударение в настоящем времени: *начать* — *начнү* — *начнёшь*, но в малорусском, хотя может иметь и неподвижное ударение, но имеет и подвижное «зачнемо» (Кулиш, II, 72), что предполагает: *зачнү* — *зачнеш*. В церковнославянском (новом) *начнетѣ* — *начнете*. Эти глаголы в русском, по подвижности ударения при сложении с некоторыми предлогами, представляют отклонение от образца *прядь* — *прядү* (но *прядёшь*) и от других глаголов с корнем на *м*, *н*; но в сербском все на *м*, *н* по переходу ударения на предлог однородны: *узéти* — *ўзмём*, *пòчéти* — *пòчнём*, как *надйти* (sic Караџић, Српски рјечник) — *надмём*, *зàжéти* — *зàжмём*, *пòпéти* — *пòпнём* (*пòпéньем*), *рáспéти* — *рáспнём*.

Во всех этих глаголах в настоящем времени переход на предлог ударения в виде [^] предполагает на коренном

¹ Сокращая начальное *о в ъ* или *и*, получаем постоянное ударение на характерной гласной: *возьмёшь*, (*до*-, *за*-, *на*-, *обо*-, *пере*, *про*-, *у*-) *ймёшь* (Востокоев, Русская грамматика, § 137), но в «Домострое», 70: «вóзметѣ», «начнетѣ» (13), «начнется» (27).

слоге древнее обличенное ударение, общее русскому, штокавскому и чакавскому.

Без сомнения, и в великорусском было, а в малорусском, быть может, и теперь есть где-нибудь и *на́дмешь*, *подо́жмешь*, *за́жмешь*, *разо́мнешь*, *надо́тнешь*. Здесь заметим: в штокавском основное ударение ` переходит на односложный предлог в виде ` (*за́жмём*) и на первом слоге двухсложного в виде ` (*и́зажмём*). Этот последний переход есть исключительно штокавский и по правилу равняется русскому ударению на втором слоге двухсложного предлога: сербское *по́дапнѣш* = малорусскому *пидо́пнеш*. Ударение *пéреймешь* возможно только в великорусских песнях, но вряд ли слышится в просторечии.

В сербских глаголах непонятно для нас только одно: каким образом краткая коренная гласная в неопределенной форме простых глаголов (*жѣти* — *жмём*), как *дѹти*, *жѣти* — *жнѣм*, может становиться долгою по сложении этой формы с предлогом. Мы считаем правильным *за́жѣти* (К а р а џ и ћ, Српски рјечник, 179), но у Даничича (Облици српскога језика, 78) читаем *за́жѣти* (т. е. *за́жѣти*), а у Караджича *иза́жѣти* (*и́зажмём*), *о́жѣти* (*о́жмём*), *са́жѣти* (*са́жмём*). Глагол *пѣти* (*пнѣм*) и у Караджича и у Даничича имеет на коренной гласной острое ударение. Но несмотря на согласие этого ударения с малорусским (*нап'ястѹ*), мы должны считать его или новым, нарушающим старое правило, или ошибочно выставленным, ибо острое ударение по правилу вовсе не переходит на предлог, а между тем у Караджича нахожу: *ра́спѣти*, *по́пѣти*, *на́пѣти* (что предполагает в простых [глаголах] новое обличенное ударение *пѣти*).

4. Корни на основное р (в составе спряжения II, 1, в)

Настоящее время как *дму*: *мру* — *мрѣшь* (малорусское *мрѣш*) — *мрѣт* (малорусское *мрѣ*), *мрѣм* (малорусское *мрѣмо*) — *мрѣте* (малорусское *мрѣте*) — *мрут* (малорусское *мрутѣ*); сербское *мрѣм* — *мрѣш* — *мрѣ*, *мрѣмо* — *мрѣте* — *мрѹ*. Болгарское *умрѣ*, *запрѣ*, *прострѣ*, *заврѣ* — Цанковы (Grammatik der bulgarischen Sprache), у Бессонова: *умрѣ* (3-е лицо единственного числа), *умрѣм* (1-е лицо множественного числа).

Таким образом, *прѹ* (сербское *прѣм*) — *прѣмо* — *прѣте*; *тру*, сербское *трѣм*; (*про*)*стрѹ*, сербское (*прѹ*)*стрѣм*; (*за*)-

вернѹ (claudio), сербское (*зà*)*врнѣм*; *жрѹ*, сербское (*прѡ*)*ждрѣм*.

Если в сербском коренная гласная (ъ) не опускается, а заменяется чистым а, так что формы настоящего времени из односложных и двусложных становятся двух-трехсложными, то ударение [^] переходит на первый слог в виде [^]: *та̀рѣм* (и *трѣм*), как *жа̀ньѣм* (*жньѣм*).

При сложении с предлогами в великорусском ударение не изменяется, но в малорусском предлог, принимающий на конце о = ъ, переносит на него ударение: *оди́прѹ* — *оди́преш*, *рози́трѹ* — *рози́треш*. В церковнославянском (новом) *ѹмреши* — *ѹмреть*. В Домострое: «не ѹмреть» — стр. 25.

Что переход этот распространялся и на другие односложные предлоги и на все глаголы этого образца, видно из сербского, в коем правильно [^] переходит на предлог в виде [^]: *за̀мрѣм*, *за̀врѣм*, *ѹ̀прѣм*, *прѡ̀стрѣм*, *прѡ̀ждрѣм*.

Н е о п р е д е л е н н о е как *жа̀ти* = сербскому *жа̀ти*, так малорусское *мѐрти*, *пѐрти*, *тѐрти*, *жѐрти* (ср. «пожѐрла земля»), *дѐрти* (*задѐр* — «задѐрти», Н о м и с, 126) = сербским *вр̀ти*, *др̀ти*, *ждр̀ти*, *пр̀ти*, *тр̀ти*, *стр̀ти* (см.: М а ж и г а п и ѓ, Slovnica hèrvatska, § 183). Караджич: *за̀трти* — *за̀трѣм*, *ѹ̀стрти* — *ѹ̀стрѣм*.

Другая полногласная русская (великорусская) форма *ве́реть* (*заверѣть*), *ме́реть*, *пе́реть*, *те́реть*, *сте́реть* — вообще соответствующая сербской с *ре* — *рије* — по ударению не совсем ладится с сербскими формами. Именно.

Примем, что русское ударение на втором слоге полногласия (*те́реть*) есть основное, т. е. не перешло с окончания, как *печь* из *печѹ*. Тогда, по аналогии с *брѣме* = *бе́рѣмя*, *врѣна* = *во́рѣна*, мы должны были бы ожидать в сербском краткого *рѐ*. Однако в самом деле встречаем такое ударение только в *прѣти* (accusative, великорусское областное *пе́реть*); во всех же остальных, по согласному свидетельству Караджича, Даничича и Вуича, находим долгое *рѐ* = *рѐ* = *рије*. Каково ударение на этом долгом слоге, мы можем судить только по одному простому глаголу *мрети* и по предложным (М а ж и г а п и ѓ, Slovnica hèrvatska, 18: *др̀ѹ̀јети*, *мр̀ѹ̀јети*, *пр̀ѹ̀јети*, *стр̀ѹ̀јети*, *вр̀ѹ̀јети*, *жр̀ѹ̀јети*). У Караджича читаем: *мрѐти* — *мрѝјети*, у Даничича (Облици српскога језика, 90—91) на одной странице *мрѝјети*, на другой — *мр̀ѹ̀јети*; там же Даничич выставляет форму *др̀ѹ̀јети*, но при этом основывается на размере стиха народной песни («Немој др̀ѹ̀јет' ти то ја̀ње живо»), в коем для

размера сокращено окончание, для размера же могло быть перенесено и ударение.

Предложные неопределенные формы и по Караджичу, Даничичу, Вуичу переносят на предлог ударение коренного слога в виде ` (зà-, нà-, подù-, ù-)врѣти (врѣти, вријети); (зà-, нà-, ò-, прò-)дрѣти (дрѣти, дријети); (дò-, одà-)прѣти (прѣти, пријети); (зà-, ù-)мрѣти (мрѣти, мријети); (зà-, прò-)стрѣти (стријети); (зà-, сà-)ùпријети.

Применяя сюда правило Мажуранича, по коему переходят на предлог в виде à только н о в о е облеченное (â = äа) и более тяжкое ударение, и не подвергая сомнению показаний, что во всех этих глаголах гласная долга, мы должны предположить, что в основной форме ùмрѣти лежит форма мрѣти (совершенно не согласная с русскою мерѣть), но что само мрѣти непонятным для нас образом возникло согласно с русским прѣти.

Мы видели уже выше и не поняли, что из кратного жѣти выходит, по Даничичу и Караджичу,— сàжѣти. Притом в словаре Караджича есть пример того, что восточносербское ѣ, которое по правилу должно соответствовать южносербскому јѣ, на самом деле является в этом последнем не только в виде ѣ, но и в виде ѣје: бѣо — бѣо — бѣјем; дѣо — дѣјем; цѣо — цѣјем. Конечно, возможно, что бóльшая древность здесь за южным и что западное сократило коренную гласную перед другою гласною (о из л), но это указывает на существование диалектических пертурбаций ударения.

Что касается до предположения, что русское ударение мерѣть перешло с окончания, как в печь, и до его последствий, то форма меретѣ кажется столь странною нашему уху, что без фактических указаний со стороны русского языка не решаемся развивать этого предположения.

Г л а г о л ы II, 2, а (рвѣ — рвѣть) и II, 2, б (берѣ — брѣть). Болгарское берѣ, дерѣ, перѣ, зовѣ, тѣкѣ; однако лѣжѣ (Цанковы: lǐžè), по звукам малорусское лжѣ.

Отрѣвѣ (освобожу, оторву). Сравнив стѣлати, брѣати, звѣати со стѣлѣ, берѣ, можно думать, что причины чередования е и ѣ заключаются в неударяемости последнего.

По неопределенной форме глаголы эти не различаются между собою; все имеют в русском ударение на характерном а, а по счету слогов — на первом слоге двухсложного, как жѣти и малорусское тѣрти, и на втором трехсложного, как в двух последних. Русскому ударению = сербское `

на том же слоге, а в трехсложных ` — на предшествующем: *брѣти, гнѣти, звѣти, прѣти, срѣти, сѣти* (из *ссѣти*), *ткѣти, лѣгати* (из *лѣгѣти*), *рѣвати* (из *рѣвати* = малорусскому *ирѣвати*), *ждѣрати* (жрать). В русском сюда еще *врать, драть, ждать, стонѣть*.

В настоящем времени глаголы односложные в единственном числе и 3-м лице множественного числа настоящего времени сходны со *жму, тру*. В великорусском не переносят ударения на предлог: *соврѣю — соврѣешь, подождѣешь, пожрѣешь, солжѣешь, разорвѣешь, потчѣешь*. В малорусском некоторые переносят ударение на предлог: *дѣждеш, пѣдѣждеш, розѣрвеш*, — подобно тому, как выше: *зѣчнеш, одѣпреш*. В сербском этому правильно соответствует перенесение ударения ^ на предлог в виде ^: *сѣм — пѣсѣм* (*пѣ(с)сати*), *чѣм — пѣчѣм* (*пѣткати*). *Рву* в сербском двухсложно — *рѣвѣм*, а в силу менее тяжкого ударения на первом слоге не переносит ударения на предлог: *порѣвати — порѣвѣм*.

При русском *лѣю*, в сербском двухсложное *лѣжѣм* с а вместо основного ъ, по аналогии с *тѣрѣм* (*тру*). Почему в *лѣжѣм, тѣрѣм* на корне ^, а *рѣвѣм* — ^, на это трудно ответить, так как не видно причины, заставляющей ставить на а из ъ более тяжкое, а не менее тяжкое ударение.

Из русских глаголов двухсложные в единственном числе настоящего времени *зовѣешь, берѣешь, дерѣешь*, малорусские *женѣш, перѣш* имеют ударение на характерной гласной (кроме 1—2-го лица множественного числа в малорусском *беремѣ — беретѣ*) и не переносят ударения на предлог. Вполне им соответствует в сербском только *зѣвѣм* (и *пѣзвати — пѣзѣвѣм, зѣзвати — зѣзѣвѣм*), а по Мажураничу (*Slovnica hŕgvatska*, 82), и *бѣрем, жѣнем* (*рѣнем*).

Из двухсложных в настоящем времени глаголов в русском есть только два с подвижным ударением: *серѣю — сѣрѣешь* (*срѣти*) и *стонѣю — стѣнешь*; в малорусском *стогнѣю — стѣнеш*. В сербском не только *сѣрѣм*, но и *бѣрѣм, жѣнѣм* (К а р а џ и ћ, Српски рјечник), *дѣрѣм, ждѣрѣм, пѣрѣм*.

Глаголы с корнем на и из образца III, 1, а. Настоящее время *бѣю — бѣеши* (в малорусском 1-е и 2-е лица множественного числа *бѣемѣ — бѣете*). Болгарский отклоняется от русского (ср. сербский): *бѣиѣж, лиѣиѣж, гниѣиѣж, шиѣиѣж* (так у Цанковых и у Бессонова: *зовѣиѣж, убѣиѣж*). Однако 1-е лица множественного числа «побиѣем» — Болгарские песни, I, 237). С *пиѣиѣж* (1-е лица единственного

числа), *пи́е* (ibid., 73), *пи́ем* (1-е лицо множественного числа — ibid., 117). По Цанковым, *пиж* и пр. имеет двоякое ударение: в одних краях *пѹж* — *пѹеш* (*пѹиш*), *пѹе* (*пѹи*), в других *пиж*, *пи́еш*, *пи́е* (Grammatik der bulgarischen Sprache, 2).

Так в великорусском, кроме *бью*, *лью*, *пью*, *шью* — все, сокращающие коренное *и*, и глаголы, не сокращающие *и*: *гнию*. Сюда же относят *вопию*, но здесь конечное *и* — характерная гласная. В малорусском отклоняется *шию* по удержанию коренного *и* и по ударению. В некоторых областных великорусских (пермский) из глаголов на *и* сюда: *мыть* — *мѹю* — *мѹешь* и пр.: «Не сомью ли я свою дивью красоту? — Не сомьешь ты, не сомьют».

В великорусском нет следа перехода ударения на предлог. В малорусском на конечное *о* = *ъ* некоторых предлогсв: *розоб'еш*, *одіб'еш*, но вместе с тем: *розоб'е*, *переллѣ*, *надоп'е*, *поп'е*, *погниѣ*.

Так как *пью* — *пьеш* из *пию* — *пи́ешь*, то русское ударение совершенно совпадает с сербским, как оно выставлено у Мажуранича (Slovnica hërvatska, § 158): *пѹјем* — *пѹјемо*, *пѹјете* = чакавским *пијем* — *пијеш* — *пијѣ*, *пијемо* — *пијетѣ* — *пијѹ*. Такое ударение считаем древнейшим. Но у Караджича рассматриваемые глаголы имеют и в настоящем времени такое же ударение, как те, которые в русском удерживают ударение на корне, именно: *бѹјѣм*, *вѹјѣм*, *лѹјѣм*, *шѹјѣм*, *пѹјѣм* — *ѹпијѣм*. Сверх того, глаголы эти переносят на предлоги (*до*, *за*, *из*, *на*, *над*, *об*, *по*, *про* и др.) ударение не менее тяжкое (´), как в большинстве случаев и в самой неопределенной форме этих глаголов, а более тяжкое (см. выше неопределенность правила Мажуранича): *дѹбити* — *дѹбијѣм*, *ѹзвити* — *ѹзвијѣм* (*обѹвити* — *обѹвијѣм*), *налити* — *налијѣм*, *ѹспити* — *ѹспијѣм*, *зѹшити* — *зѹшијѣм*, *сѹгнѹтити*, и, вероятно, *сѹгнѹтијѣм*¹.

Неопределенная форма имеет более тяжкое ударение на втором от конца [слоге] (*бѹти*, *вѹти*, *лѹти*, *пѹти*, *шѹти*, *гнѹти*), на основном — *обѹгнѹтити*, *сѹгнѹтити* и менее тяжкое на третьем от конца (*ѹпити*).

¹ Налицо есть *сѹгнѹим*.

II. ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Глаголы с корнем на у.
с характером *-je-* (III, 2, а)

По общему правилу в обеих формах постоянное ударение на характере: *ков-а́-ть* (*ковá-ти*), *кую́*; сходство с предыдущим в том, что и здесь ударение на последнем слоге в единственном числе настоящего времени и на предпоследнем (если *-ти* не сокращено в *-ть*) в неопределенной форме.

Как выше относительно *пью* = *пию́* — сербское *pijēm* (по Мажураничу) и *pijēm* (по Караджичу), так и здесь мы имеем два несходные свидетельства о сербском ударении в настоящем времени. У Мажуранича читаем: *кòвати*—*кúјем* (один только пример — *Slovnica hèrvatska*, 82), что совершенно согласно с русским *кую́* и аналогично с ударением глаголов с характером $\frac{-ује-}{-ова-}$: *купòвати* — *кúпујем*.

В словаре Караджича как *pijēm*, так и *kiјēm*, *snijēm*, *trijēm*, *bljūјем*, *pljūјем*. Так же у Вуича (*Српска грамика*, 75). С правильным переносом ` на предлог в виде ` у Караджича: *закòвати* — *зàкујем*, *поткòвати* — *пòткујем*, *прекòвати* — *прèкујем*, *оснòвати* — *òснујем*, *отрòвати* — *òтрујем*, *побљ̀вати* — *пòбљујем*, везде с кратким у в настоящем времени. Основания для такого ударения в русском слабы; перенос ударения, как говорят, в великорусском *сúешь* (обыкновенно *суéшь* — *суéшь-ся*), *плбешь* (у Пушкина *плб́ет*, может быть, для размера; обычно *плб́ёт*).

В неопределенной форме русское и сербское сходятся: русскому *ковáть* (малорусское *кувáти*) = сербское *кòвати*, *снòвати*, *трòвати*, *бљ̀вати*, *кљ̀вати*, *пл̀вати*, что соответствует более тяжкому ударению на первом слоге двухсложной формы, как *б̀йти*, *п̀йти*.

Из болгарских глаголов идет в сравнение только *плб̀ж* (Ц а н к о в ы, *Grammatik der bulgarischen Sprache*) с ударением на первом слоге = сербскому и великорусскому подвижному; остальные имеют частью более древнюю форму, уже упомянутую выше (*ковѣ́*, *сновѣ́*, *кльвѣ́*), частью — характерное *-ов-* (*блѣвам*).

Глаголы с корнем на *-а-* (*-ѣ-*),
с характером *-је-* (III, 2, г)

Как *кую* — *ковать* (*ковати*), так *даю* — *давать*, *у-(по)знаю* — *у(по)знавать*, *до-стаю* — *доставать*, *растаю* — *раставать* и архаическое малорусское *надію* — *надівати*. В болгарском *знаѣж*, *давам*, (*пре*)*ставам* — переносим в разряд *-ае-*. В сербском неопределенные формы, как и выше, по ударению согласны с русскими: *давати* (=чакавскому **давѣти*), *познавати* (=чакавскому **познавѣти*); в настоящем времени у Караджича *дајем* = русскому *даю* и *дајѣм*, *познајѣм* (из основного *знајѣм*), формы, отклоняющиеся от русского таким же образом, как *пѣјѣм*, *кѣјѣм* от *пѣю*, *кѣю*.

Глаголы с характером *-и-* (IV разряд)

Многочисленные в русском глаголы этого разряда с ударением на характере в обеих формах относительно ударения совпадают с сербскими только в неопределенной форме (*дахнуть*, *зѣвнути*), в настоящем времени в сербском на корне $\grave{}$ или $\acute{}$ (*дахнѣм*, *зѣвнѣм*).

В болгарском (например, у Бессонова, Главные вопросы языка новоболгарского, и Цанковых) вовсе не встречается ударения на характере: *обрѣснѣж*, *пристѣгнѣж*, *помѣтнѣж*, *вѣрнѣж*, *вѣднѣж*, *пѣснѣж* (Цанковы), *пѣйнѣж* (*пи-*), *рѣзнѣж*, *пѣс(к)нѣж* и пр., *глѣтнѣж*, *грѣзнѣж* — однако *минѣж* (Цанковы *минѣ*), может быть, потому, что и считается коренной (ср. малорусское *минати*).

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)

За исключением 5 и 6, все глаголы этого характера имеют в обеих рассматриваемых здесь формах ударение на характере, кроме 1-го и 2-го лица множественного числа в малорусских, в коих правильно переносится ударение на окончание. В штокавском этому соответствует $\grave{}$ или $\acute{}$ на слог, предшествующем русскому ударяемому: штокавское *вѣљу* (= *велю*) и *вѣлѣм* — *велѣмо* — *велѣте*, *клѣчѣм* — *клѣчѣмо* — *клѣчѣте*; *клѣчѣм* — *клѣчѣш* — *клѣчѣ*, *клѣчимѣ* — *клѣчитѣ* — *клѣчѣ* (Маѣжурѣпѣиѣ, *Slovnica hrvatska*, 76) = *велѣм* —

веліш — *велі*, *велимѡ* — *велитѣ* — *велѣ*; и \wedge в формах односложных, где штокавское совпадает с чакавским: *спіѡ* — *спіѡмо* — *спіѡте*.

Так, в сербском *бѡјати се* — *бѡјѡм се*; *бѡлети* — *бѡлѡ*, *бѡздјети* (бздеть), *вѣлу* и *вѣлѡм* (неопределенная форма *вѣлети*, *бзѣжати* — неупотребительна), *гѡрјети*, *гѡрмљети* = *гѡрмјети*, *лѣжати*, *лѣтјети*, *сјѣдити* (*сјѣдѡм*), *стајати* (*стѡјѡм* = русскому *стою* — *стоять*), *трѣчати*, *брѣчати* («Пушке брѣче, а јунаци јѣче»), *бѡчати*, *врѡштати* (верещать), *врѡтјети*, *врѡчати*, *глѣдѡм* (но неопределенная форма *глѣдати* — по другому спряжению); *гѡдјети*, *јѣчати*, *клѣчати*, *кѡпљети*, *крѡчати*, *мѡчати* (молчать), *пѡштати*, *прѡдјети*, *сврбјети* — *сврбѡ*, *смрѡдјети*, *трѡпљети* = *трѡпјети* и др.

С этим ср. соответствующие им великорусские, а также малорусские: *брязчѡти*, *брюзжѡть*, *визжѡть* (малорусское *вищѡти*), *дрожѡть* (малорусское *дрижѡти*), *звенѣть* (малорусское *звенѡти*), *звучѡть*, *зрѣть* (малорусское *вз-д-рѡти*, *зуздрѡти*), *журчѡть*, малорусское *лящѡти*, *мчатъ*, *свистѣть*, *скорбѣть*, *сопѣть*, *шумѣть* и др., а также четырехсложные в неопределенной форме, как малорусские *гуркотѡти*, *туркотѡти* и т. п.

В болгарском *бож са*, *горѡж* (Цанковы *gogѣ*), *грѡмѡж* (*grǫmѣ*) — 3-е лицо *грѡмѡ*, *лежѡж* (*ležѣ*), *летѡж* (*letѣ*), *сѡдѡж* (*sedѣ*), *стѡж* (*stojѣ*) = 3-е лицо *стоѡ* (*stojѡ*), *врѡтѡж* (*vrǫtѣ*), *дрѡжѡж* (*drǫžѣ*), *кѡпѡж* (*kipѣ*), *млѡчѡж* (*mlǫčѣ*), *пѡштѡж* (*pištѣ*), *срѡбѡ* (= *сврѡби*), *смрѡдѡж* (*smrǫdѣ*), *трѡпѡж* (*trǫpѣ*).

Сюда относится в сербском языке множественное число настоящего времени от *хотѣть* (сербское *хѡтјети* = *хтјѣти*), в русском *хотѡм* — *хотѡте* — *хотѡтъ*, а в некоторых областных великорусских наречиях и единственное число *хочѡ* — *хотѡшь* — *хотѡтъ*.

В малорусском, по крайней мере в украинском, некоторые глаголы, имеющие правильное ударение на характере в беспредложном виде, по сложению с предлогами получают постоянное ударение на корне не только в двух рассматриваемых формах (настоящем времени и неопределенной), но и во всех остальных: *глядѡ* и пр., но *углѣжу*, *оглѣдѡться*, *углѣдятъ*, *заглѣдѡти* (*вглѣдѡв*, *заглѣдѡло око*, *заглѣдѡвши*); *лежѡ* и пр., *полѣжу*, *не влѣжу*, *полѣжати* (*полѣж*, *полѣжав*, *полѣжавши*); *мовчѡти* — *мовчѡ*, но *помѡвчатъ* (3-е лицо множественного числа),

помовчати (неопределенная форма), *помовч*, *помовчав*, *замовчав*; *сидіти* и *сѣдити*, *сиджу́*, но не *всиджу́*, *досиджу́*, не *всидиши*, *посиджу́*, не *всидять*, не *всидіти* (*посидь*, *посидімо*); *стою́* — *стояти*, но *постобю́* (*постобяв*, *по(про)стобять*).

Сюда же относится глагол *держати*, который в великорусском имеет в настоящем времени подвижное ударение (*держу́* — *держишь*), но в малорусском (украинском) без предлога имеет ударение на характере (*держу́* — *держиш* — *держіть* — *держать*: «Нехай своїх держатця слов!» — Котляревский, 266), а с предлогом, как *углѣжу*, *подержу* (*подерж*, *придержали*). Другой глагол *терпѣть* (малорусское *терпіти*) и в великорусском имеет подвижное ударение: *терплю́* — *терпишь*; но в малорусском *потерпимо*, не *втерпимо* (*потерп*, *втерпіти*).

Рядом с этими отклонениями в малорусском можно слышать и правильные формы: *постояти* и пр. Самые отклонения не находят соответствия в сербском: *полѣжати* — *полѣжѣм*, *посѣдити* — *посѣдѣм*, *постѣжати* — *постѣжѣм* и пр.

Кажется, один только глагол $\frac{-и-}{-ѣ-}$ односложный в настоящем времени — *зрю*, в церковнославянском *узрю́* — *узриши*, *прѣзриши* и пр.

Глаголы с характером $\frac{-ѣ-}{-ѣ-}$, после шипящих $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 2)

В решительном большинстве великорусских (и литературном) глаголов этого разряда ударение постоянно на характерном *-ѣ-*: *бѣлѣю* — *бѣлѣть*, *грубѣть*, *глупѣть*, *говѣть*, *потѣть*, *умѣть*, *рыжѣть*, *дюзѣть* и пр., *должѣть*, *мельчѣть*, *ветшѣть*, *стучѣть* и пр. Исключаются глаголы, произведенные от прилагательных на *-ѣвий*, *-ѣвий*, *-ѣвий*, *-ѣтый* (*-ѣстый*, *-ѣстый*, *-ѣтый*) и от существительных на *-ник*, удерживающие ударение своих первообразных: *ржѣветь*, *курчѣветь*, *плешѣветь*, *багрѣветь* (*здоровѣть* — не составляет исключения, так как суффикс есть *-вѣ-*, но исключение *богатѣть*), *мошѣнничать*, *ѣмничать*, *ѣбедничать* (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, 38). В беспредложных глаголах то же и в малорусском: *зеленіти*, *молодіти*, *багатіти* и пр.

Почти те же исключения, именно глаголы от прилагательных на *-ѣвий*, *-ѣвий* и *-ѣвий*, *-ѣтый*, *-ѣвий*: *іржѣвіти*,

коря́вити («озиме од засухи покоря́вило»), *парши́вити*, *косма́тити*, *патла́тити*, *ялови́ти* (яловий), но *здорови́ти*.

Сверх этих, сохраняют ударение первообразных глаголы, произведенные от сравнительной степени прилагательных: *ле́гшати*, *ліпшати*, *гіршати*, *зеленішати*, *веселішати*. В *же́врити* — *же́вриє* ударение первообразного слова, так как это последнее не известно.

Сербское *за́ставляти* (*заставля́ть* — закладывать, отдавать в залог), *оба́сипати*, *о́псипати* (отсыпать, обсыпать) и пр.

В болгарских глаголах с основным характером $\frac{-ак-}{-а-}$, по

настоящему времени распадающихся на два отдела, один с несокращенным характером (*игра́ж* (= -ајъ) — *игра́жш* — *игра́жє*, *игра́жєме* (-мъ) — *игра́жєте* — *игра́жт* (-ајѣт), другой — со стяженным характером -а- (*дѹм-а-м* — *дум-а́-ш* — *дум-а́*, *дум-а́ме* — *дум-а́те* — *дум-а́т*(ѣт)). Немногие глаголы, принадлежащие к первому отделу, имеют ударение на первом слоге характера, как и соответственные русские: *игра́ж* (-јъ), *копа́ж*, *вѣнчи́ж* (пишут -ѣж, но здесь болгарское *ж* из основного *я*, а не из *ѣ*), *длѣба́ж*, *сѣдла́ж*.

Глаголы второго отдела почти без исключения отглагольные (с основным характером -ае- и -и- + -ае-), употребительные без предлога или только с предлогом, отличаются от большинства соответствующих русских тем, что имеют ударение на коренной гласной, приближаясь в этом отношении к ударению настоящего времени соответствующих сербских: *изби́вам* (корень *би*), *напи́вам са*, *нави́вам*, *нали́вам*, *доши́вам*, *изгни́вам*, *пови́вам*, *да́вам* (*изда́вам*), *позна́вам*, *наста́вам*, *надѣ́вам са* (надеюсь), *додѣ́вам* (досаждаю), *извѣ́вам*, *огрѣ́вам*, *натпѣ́вам*, *препѣ́вам*, *засми́вам* (осмеиваю), *доби́вам* (бы), *изми́вам* (мы), *закри́вам*, *обу́вам*, *прочи́вам са* (становлюсь известным), *начѣ́вам* (ча, начинаю), *отри́вам* (трѣ = трѣ, обтираю), *припа́да ми* (падаю в обморок; простой глагол *па́дам*), *разва́лям* (-ѣм) и простой глагол *ва́лям*, *испра́вам* (-ѣм), *раса́ждам*, *оба́ждам* (вид), *изга́счам* (-ѣм), *хва́штам* (хватая), *да́ждам*, *осла́ждам*, *ди́гам*, *роди́гам* (новее), *дости́гам*, *осѣ́ждам*, *отпѣ́ждам* (отгоняю), *прирѣ́чам* (-ѣм), *мѣ́штам*, *пѣ́штам*, *истрѣ́счам* (-ѣм: корень *трѣс* — *ausschütten*, вытрушиваю), *гле́дам* (*изгле́дам*), *напрѣ́гам*, *отпрѣ́гам* (напрягаюсь), *созрѣ́ждам* (рѣд), *оти́гам* (-тѣгам, корень *тѣг*), *отри́гам*

(рыг). *распытам* (пыт), *навыкам*, *насыштам* (сыт), *наврътам* с.а.

Окжсам. *Стягам* (стѣгам, корень тѣг), *заклѣвам* (кльн, заклет); *начѣвам* (чѣн, начинать).

Сѣдам, *бѣгам*, *исцѣждам*, *закрѣтам*, *лѣгам* (лег), *мѣшам* (*измѣшам* и *измѣшам*, корень мѣш), *препѣчѣм* (пек), *расплѣтам*, *измѣтам*, *излѣзѣм* (лѣз), *изрѣчѣм*; *намѣрам* (мѣр), *засмѣвам* (-смѣ, *насмѣх*), *отсѣчѣм* (сѣк), *облѣчѣм* — *облѣчѣм* (влѣк). *Огѣрѣм* (*изгѣрам*), *отхѣждам* — *отхѣдам* (-ѣм) и *прохѣждам*; *подрѣвѣм* (подрываю, корень ров), *помѣгам*, *замѣгам*, *припѣсам* = *припѣсѣм* (пас), *провѣждам* (вод), *рѣждам* (род), *калам*, *искалѣм* (кол), *тѣчѣм* (ток, тѣчѣ), *прѣштам* (прост), *повѣрам*, *повѣрам*, *затвѣрѣм*, *избѣдам* (бод), *истѣкам*, *истѣчѣм* (вытачивать жидкость), *гѣждам*; *вѣздѣтѣм*, *постѣлам*, *продѣрам*, *извѣрам* (врѣти), *пѣрам* (перѣ, мою), *додѣрам* (драть), *запѣрам*, *умѣрам*, *обѣрам*, *смѣгам* (мигаю), *почѣтам* (*потчѣтам* и *чѣтам*), *подѣмам* (*однѣмам* и без предлога — *ѣмам*).

а) Отыскивая приметку, отличающую глаголы $\frac{-и-}{-и-}$ с

подвижным ударением от таких же глаголов с постоянным ударением на характере, акад. Грот замечает, что последние почти все суть «производные, т. е. составлены из имен существительных, прилагательных или числительных (*бодръить*, *воднѣить*, *вощѣить*, *гноѣить* и пр.), тогда как глаголы с подвижным ударением по большей части первообразные, т. е. образованы хотя и не прямо от корня, но и не от слова — другой части речи». «Есть исключения и в том и в другом случае, например, в первом случае *долбѣить*, *доѣить*, а во втором *женѣить*, *сердѣить*, *застрѣлить*. Впрочем, между глаголами с безусловно-подвижным ударением очень редки глаголы производные; едва ли можно найти тому другие примеры, кроме сейчас приведенных. Итак, глаголы с подвижным ударением почти все — первообразные. Напротив, между глаголами с постоянным ударением на конце — первообразных очень мало: *родѣить*, *решѣить*, *вратѣить*, *копѣить*, *кройѣить*, *сулѣить* — вот чуть ли и не все они»¹.

По нашему взгляду и терминологии, глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ все производные, т. е. или отыменные (сюда же и немногие — от местоимений) или отглагольные, предпо-

¹ Я. К. Грот, О глаголах с подвижным ударением, стр. 342—343.

лагающие корень в форме более простого глагола. В глаголах характера $\frac{-и-}{-и-}$ во многих случаях невозможно определить границу между теми и другими по форме, так как то усиление корня, которое свойственно разряду $\frac{-и-}{-и-}$, об-

разует и существительные, и прилагательные с суффиксами **ъ, а, о** (*вез — воз — возить* и пр.). Иногда и значение глагола не решает вопроса о том, есть ли он отглагольный или отыменный. Оставляя такие случаи в стороне, мы находим в числе глаголов с одним подвижным ударением больше отыменных, чем у Грота: *дразнить* (с именным суффиксом **-н-**), *пособить* (местоименный корень с падежным суффиксом), *судить* (суд), *шутить* (шут), *служить* (нет корня **слуг-**, а есть существительное *слу-га*), *лечить*, *бесить*. Таким образом, не считая нескольких других, коих отыменность нужно было бы пространнее доказывать, на сорок семь глаголов с одним подвижным ударением находим десять явно отыменных. В числе глаголов с двояким ударением — отыменны: *дарить*, *крестить*, *клеить*, *цениться*, *божиться*, *косить* (коса), *трубить*, *кружить*, *белишь*, *гнездиться*, *резвиться*, *делишь*, *ленишься*, *мерить*, — т. е. четырнадцать, не считая тех, относительно коих могут быть возбуждены сомнения, требующие опровержения. Мне кажется, приведенные отклонения значительно уменьшают верность замечания, что глаголы с подвижным ударением по б о л ь ш е й части первообразны (т. е. отглагольны). Что до второго наблюдения, что глаголы с ударением на характере — отыменные, то оно кажется более верным. Из исключений, приводимых акад. Гротом, остаются покамест верными только два (*нежить*, *сулить*); *родить* и *кроить* имеют и подвижное ударение (в малорусском); *коптить* — явно отыменное (копоть) и притом имеет в малорусском подвижное ударение. Относительно *вратить*, что все принятые в литературном языке церковнославянские глаголы, имеющие при себе русские полногласные (*вратить*, *влачить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *требить*, *кратить*), независимо от своей отыменности или отглагольности, имеют в русском постоянное ударение на характере вовсе не потому (как предполагает г. Грот), что старославянскому чужда подвижность ударения. Положительно известно, что подвижность ударе-

ния в смысле отличия ударения первой темы от ударения второй свойственна этим глаголам в сербском, откуда с полной вероятностью следует, что она принадлежала им в старославянском. Дело в том, что русский язык заимствовал эти глаголы не из живой речи, а из книг, и не справляясь (да и справляться было негде), как они произносились, подчинил их своим условиям, по которым в о в н о в ь в х о д я щ и х (в историческое время) в я з ы к г л а

г о л а х $\frac{-и-}{-и-}$ ударение должно быть постоянное (на корне, именном суффиксе или глагольном характере). По крайней

мере, мне не встречалось новопроизводных глаголов $\frac{-и-}{-и-}$ с

подвижным ударением. Можно сказать, что в о о б щ е подвижность ударения в русском изменяемом слове есть признак его туземности и древности; нельзя сказать, что все изменяющиеся слова с неподвижным ударением — новы; но и новые входят в этот последний разряд в силу о б щ е г о всем а р и й с к и м языкам стремления к неподвижности ударения.

Ударение простого глагола в великорусском всегда, а в малорусском во многих случаях сохраняется и по соединении его с предлогом. Так, в малорусском *позеленіє, повеселіє, поніміють, зрадїє, здурів, повечеріє, поздоровішає, поліпшає, погіршає, хмарки порідчають*. Но в малорусском в отличие от великорусского и литературного некоторые глаголы с ударением на характере по соединении с предлогом получают ударение на корне: *постарітись* («пристарівшись» — Кулиш, I, 318), *посініти* («ще й дерево не посініло» — *ibid.*), *потепліти* (*потепліло*), *стемнітись* (*стемнілось*), *розвіднітись* (*розвіднілось*), *відсіріти* (*шпички відсірили*), *забагатіти* («забагатів» — Кулиш, II, 44); *усе, таки, побагатіло*; *зледáціти* (*зледáців*), *зачерствів хліб, одужати, занедужати* (впрочем, простой глагол *дужáти* не известен, скорее — *дужати*, как *жéврити*); *пронідіти* («Він годів зо два там просідів, А мабуть, би і більш пронідів» — Котляревский, 18).

Вообще примеров этого передвижения акцента мало; большой последовательности здесь ожидать нельзя. Ср., например, *стемнілось* и *посуте(м)ніло*.

Для сравнения обеих рассматриваемых форм характера $\frac{-\text{Ѣ}-}{-\text{Ѣ}-}$ с сербскими имеется только один глагол (*ѹмјети* — *ѹмијѣм* = русскому), вполне соответствующий русскому, и один, немного отклоняющийся в настоящем времени (*ѹгѡвети* — *ѹгѡвѣм* из *ѹгѡвејѣм*).

Во всех остальных русских глаголах характеру $\frac{-\text{Ѣ}-}{-\text{Ѣ}-}$ = сербский $\frac{-\text{И}-}{-\text{Ѣ}-}$, и, стало быть, можно сравнивать только неопределенное наклонение. Сравнение это доказывает древность господствующего русского ударения на *-Ѣ-* в неопределенной форме: ср. *обудѡвјети*, *плѡвјети* (половь), *поскѹпјети*, *слијѣпјети*, *нијѣмјети*, *блијѣдјети*, *зарѹдјети*, *полѹдјети*, *сијѣдјети* (*nesco*), *жѹтјети*, *опѹстјети*, *осирѡтјети*, *бијѣлјети*, *огѡлјети*, *одѡлјети*, *бјѣшњети*, *гладњети*, *жѣдњети*, *зелѣњети*, *поплаветњети*, *порумѣњети*, *поцрвѣњети*, *поцрњети*, *тамњети*, *хладњети*.

Этими глаголами не оправдывается перенос ударения на корень в малорусских предложных; встретилось только два сербских глагола, в коих несмотря на русское ударение на корне, стоит ``: *стѡрјети* и *мљѣти* (из *мљѣти*), что было бы в малорусском *постѡрјети*. В настоящем времени приведенные выше сербские глаголы *стѡрјѣм*, *мљѣѣм* имеют то же ударение, что в неопределенной форме, но предложные с подвижным ударением: *брѡдити* — *брѡдјѣм*, но *пребрѡдити* — *прѣбрѡдјѣм*, что предполагает простой глагол *брѡдити*. *Тѡпити* — *тѡпјѣм* (*liquefacio, inundo*), но *затѡпити* — *зѡтопјѣм* *трѹбити* — *трѹбјѣм* (и предложный *затрѹбити* — *затрѹбјѣм*), *тѹжити* — *тѹжјѣм* (и предложный *протѹжити* — *протѹжјѣм*), *тѹлјити се* — *[тѹ]лјѣм се* (*sich genigen*). Как в последнем случае на основании русского мы заключаем, что *брѡдити* — *брѡдјѣм* древнее, чем *брѡдјѣм*, так и в первом, быть может, на основании сербского предложного *пѡкорим*, следует полагать, что более древнее сербское ударение есть *кѡрим*, а не *кѡрјѣм* и что в русском было некогда *кѡрјѣм*, а не *корјѣм*.

В болгарском ударение на характере: *пож* — *појш* (сербское *пѡјити* — *пѡјјѣм*), *чинж* — *чинјш* (сербское *чѣнити* — *чѣнјѣм*), *зобж* (*zobě*) — *зобјш* (*зѡбити* — *зѡбјѣм* — кормить зерном, например, коня), *веселж* — *веселјш* (сербское *весѣлити* — *весѣлјѣм*), *дарж* (*darě*), *закачж* (повешу),

годѣж (godě verloben), *гостѣж* (gostě), *корѣж* (korě), *роѣж* сѣ, *врѣштитѣж* (vrěště — кричу), *дробѣж* (drobě) (сербское *дрѣбити* — *дрѣбѣм*), *кротѣж* (krotě — укрощаю), *крѣшитѣж* (krěšě — крошу, сербское *крѣшити* — *крѣшѣм*).

б) В сербском уже в беспредложном глаголе ударение ` или ' на корне в неопределенной форме и `` или ^ в настоящем времени: *прѣстити* — *прѣстѣм*, *лѣшити* — *лѣшѣм*, *смѣрити* — *смѣрѣм*, *гнѣвити* — *гнѣвѣм*, *гнѣчити* — *гнѣчѣм* (давить, месить, ср. с другим значением архаическим: *гнетить*), *бијѣдити* — *бијѣдѣм* (*побијѣдити* — *пѣбијѣдѣм*, победить), *гријѣшити* — *гријѣшѣм*, *крѣсити се* — *крѣсѣм се* (лететь вверх — об искрах, но одного происхождения с *воскрѣсѣть*); *блѣжити* — *блѣжѣм* (блажить, улаживать); *стрѣжити* — *стрѣжѣм* (сторожить); *плијѣнити* — *плијѣнѣм* (полонить), *тријѣбити* — *тријѣбѣм* (теребить); *прѣшити* — *прѣшѣм* (запорошить).

в) В немногих случаях `` на корне: *дѣмити* (дымить). В болгарском *дымѣж* (dymě).

Болгарское *прѣстѣж* (prostě), *смѣрѣж* (smirě), *гнѣ(ѣ)вѣж* (gněvě), *блѣжѣж* (blazě = ем скоромное) отличается от русского *трѣбѣж* (bereinigen).

Глаголы с характером $\frac{-ae-}{-a-}$ (V, 4, а и б)

В первой теме ударение на первом слоге характера. Сюда принадлежит решительное большинство глаголов этого характера.

а) Глаголы, употребительные и без предлога — частью первой схемы (большею частью отыменные), частью второй схемы: малорусское *бжѣти*; *бросѣть*, *бывѣть*, *гонѣть* (малорусское *ганѣти*), *жѣдѣти* (старинное русское и малорусское), *жѣхѣти* (малорусское), *игрѣть*, *карѣть*, *катѣть*, *копѣть*, *кусѣть*, *ломѣть*, *лупѣть* (малорусское *лупѣти*), малорусское *лягѣти*, *махѣть*, *мигѣть*, *менять*, *мешѣть*, малорусское *пам'ятѣти*, *пинѣть*, *питѣть*, *полохѣти* (малорусское), *прохѣти* (малорусское; старинное *прашѣти*), *процѣть*, *пытѣть*, *ронѣть*, *светѣть*, *скитѣться*, *сморкѣть*, *страдѣть*, *стрѣлѣть*, *ступѣть*, *седлѣть*, *тягѣти* (малорусское), *уздѣть*, *хѣпѣти* (малорусское), *хватѣть*, *хлебѣть*, *чвалѣти* (малорусское), *чихѣть*, *чухрѣти* (малорусское), *шибѣть*, *щипѣть* и др.

б) Отглагольные предложные второй и третьей степени с простым характером $\frac{-ae-}{-a-}$ и сложные $\frac{-a- + -ae-}{-a- + -a-}$.

в) Отглагольные предложные с характером $\frac{-\bar{b}- \text{---} -ae-}{-\bar{b}- \text{---} -a-}$
одолѣвати, раскаявати.

В сербском очень немного глаголов с ударением, соответствующим русскому в обеих темах. Большею частью соответствие есть только в неопределенной форме, но и здесь много исключений:

а) Лишь немногие беспредложные глаголы имеют ` в обеих формах на слоге, предшествующем характеру, и равны русским глаголам с неподвижным ударением на характере: *бр̄нати* — *бр̄н̄ам* (бороновать), *бр̄ивати* — *бр̄ив̄ам* (= *бр̄ијати* — *бр̄иј̄ем*), *б̄ујати* — *б̄уј̄ам*; *в̄оњати* — *в̄оњ̄ам* (нюхать, пахнуть), *к̄опати* — *к̄оп̄ам*; *р̄авнати* — *р̄авн̄ам*, *с̄ијати* — *с̄иј̄ам* (сиять; *с̄ијати* — *с̄иј̄ем* = *с̄ејати*), *ч̄итати* — *ч̄ит̄ам*, *с̄едлати* — *с̄едл̄ам*, *ӯздати* — *ӯзд̄ам* (уздать), *вел̄ичати* — *вел̄ич̄ам*, *греб̄енати* — *греб̄ен̄ам*; *раб̄отати* — *раб̄от̄ам* (великорусское областное *работать*) и некоторые др.

И по соединении с предлогами удерживают то же ударение: *док̄оп̄ам се*, *пор̄авн̄ам се*, *проч̄ит̄ам*, *ос̄едл̄ам*, *заӯзд̄ам*. В других глаголах в сербском чередуются ударения на слогах, предшествующих характеру: ` в неопределенной форме и `` в настоящем времени; ` в неопределенной форме и ^ в настоящем времени: *иг̄рати* — *иг̄р̄ам* (один пример); *б̄ивати* — *б̄ив̄ам* (бывать), *в̄аљати* — *в̄аљ̄ам*, *вӣђати* — *вӣђ̄ам* (видать), *вӣјати* — *вӣј̄ам* (догонять, крутить голову: корень **ви**), *вӣјетати* — *вӣјет̄ам* (обещать), *вӣјет̄ати* — *вӣјет̄̄ам* (рассуждать, обсуждать); *в̄одати* — *в̄од̄ам* (многократное от *водӣти*), *в̄озати* — *в̄оз̄ам*, *в̄ладати* — *в̄лад̄ам*; *вр̄зати се* — *вр̄з̄ам се* («врза се око куће» — толчется), *га̄ђати* — *га̄ђ̄ам* («ђе очи гађају — достигают, направляются — ту и памет»), *га̄њати се* — *га̄њ̄ам се* (гоняться друг за другом), *га̄њати* — *га̄њ̄ам* (преследовать кого), *гӣбати* — *гӣб̄ам*, *го̄нати* — *го̄н̄ам* (преследовать), *гр̄бати се* — *гр̄б̄ам се* (горбиться, кланяться), *дӣрати* — *дӣр̄ам* (трогать), *ка̄рати* — *ка̄р̄ам* (ругать), *кӯсати* — *кӯс̄ам*, *лӯпати* — *лӯп̄ам* (стучать, бить), *мӣјет̄ати* — *мӣјет̄̄ам*, *мӣјешати* — *мӣјеш̄ам*, *но̄сити* — *но̄с̄им*, *пӣтати* — *пӣт̄ам* (пытать — в значении «спрашивать»), *пра̄штати се* — *пра̄ш̄-*

tām se, pūштати — pūштām, ráђати — ráђам, скѣтати се — скѣтām се; стрáдати — стрáдām, стрѣјѣлати — стрѣјѣлām, стѹпати — стѹпām, штѣпати — штѣпām и др.

Есть случаи совершенного несоответствия русского ударения сербскому, — именно когда в сербском " на корне, а в русском постоянное ударение на характере: *pūтати* (*питать*), *сјѣдати*, *хвѣтати*, *шѣбати* (сечь розгами: «куд то шѣба» — метить).

б) Глаголы $\frac{-ae-}{-a-}$ и $\frac{-и- + -ae-}{-и- + -а-}$, в сербском употребительные только с предлогом, имеют в корне или долгую гласную или короткую с более тяжким ударением. В первых в неопределенной форме долгая гласная имеет ударение ', в настоящем времени ` , с русским согласны только формы неопределенного наклонения: *разгрѣзати — разгрѣзām, отрѣсати — отрѣсām, омѣтати се — омѣтām се, натпрѣдати — натпрѣдām, откѣдати — откѣдām* (*скѣдати*, но простой глагол *кѣдати*), *нагријѣбати — нагријѣбām, забáдати — забáдām, донáшати — донáшām, искалати — искáлām* (и простой *káлати — кáлām*, пластать рыбу), *измáлати — измáлām* (домалывать) (= *измѣлати — измѣлām, набрáјати — набрáјām* (*брóјити*), *обнáвљати — обнáвљām, отпáштати — отпáштām* (настоящее время), *надѣмати се — надѣмām се, назѣвати — назѣвām, обѣрати — обѣрām, натпијевати — натпијевām, нашивати — нашивām, обѹвати — обѹвām, натпѣјати — натпѣјām, обавѣјати (обѣјати) — обавѣјām (обѣјām), побѣјати — побѣјām* и пр.

Все эти глаголы имеют одинаковое ударение с многочисленными сербскими же глаголами характера $\frac{-je-}{-a-}$, равными им по значению: ср. *донáшати — донáшām* с *помáгати — помáжām*. Везде ударение настоящего времени переходит на предлог в виде ` .

Сербские, имеющие в обеих формах более тяжкое ударение на корне (= ` на предлоге) вполне несогласны с русским. Приводим здесь примеры такого разногласия как из глаголов $\frac{-ae-}{-a-}$, так и из $\frac{-je-}{-a-}$, так как по ударению они в сербском сходны: *зáслањати — зáслањām, избављати — избављām, ѹмирати — ѹмирām, надирати — надирām* (*надирать*), *зáпирати — зáпирām* (*запирать*), *прóстирати —*

прѡстирѣм (простилать), *затирати* — *затирѣм*, *извирати* — *извирѣ* (вода). Так, по Мажураничу, от «*брѣти, прѣти* (мыть) — *бѣрати, пѣрати*» (М а ж у р а н и ч, Slovnica hercova, § 207, 2); у Караджича (Српски рјечник) *бѣрати*, например, *коња* — *abrichten, condocéfacio*, но *бѣрати се* — *бѣрѣмо се* (избирать друг друга) и отсюда: *избѣрати* — *избѣрѣм*, *испѣрати* — *испѣрѣм* (мыть, вымывать), *пѡчињати* — *пѡчињѣм* (начинать), но *пѡчињати* — *пѡчињѣм* (починять, острить подковные гвозди молотом); *узѣмати* — *узѣмѣм* (узѣмльѣм), *напињати* — *напињѣм* (напинать, например, шатер), *жѣмати* (по Мажураничу, § 207, 2), по Караджичу, *ижѣмати* — *ижѣмѣм*, *сажѣмати* — *сажѣмѣм*, но однако, согласно с Мажураничем, — *зѣжѣмати* — *зѣжѣмѣм* (зѣжѣмльѣм), *прѣжѣмати*; *жѣњати* (жѣн. — М а ж у р а н и ч, loc. cit.). Караджич *дѡжѣњати, дѣвѣати* (М а ж у р а н и ч, loc. cit.), но у Караджича *надѣвѣати* — *надѣвѣѣм*, *пѡмицѣати* — *пѡмицѣѣм* (помыкать, подвигать), *прѣпѣцѣати* — *прѣпѣцѣѣм* (южное, западное *перепекать, перегонять водку*), *ѣтѣцѣати* — *ѣтѣцѣѣм* (западное *тѣцѣати*), *зѣжѣзѣати* — *зѣжѣжѣѣм*, *ѣздѣзѣати* — *ѣздѣжѣѣм* (выдвигать), *ѣздѣсѣати* — *ѣздѣшѣѣм* (вздыхать), *ѣсѣсѣати* — *ѣсѣшѣѣм* (усыхать), *ѣстицѣати* — *ѣстицѣѣм* (собственно вытыкать; накрывать стол), *пѡшиљѣати* — *пѡшиљѣѣм* (посылать) и многие другие.

В некоторых глаголах, употребляемых и без предлога и имеющих в простом виде ударение на первом слоге, русский язык, при сложении таких слов с предлогами, оставляет ударение на том же месте, если глагол становится совершенным, и передвигает его на характер, если глагол остается несовершенным: *пѣдѣати, попѣдѣати, нападѣати*. Сербский язык такого различия не знает. В нем этого рода глагол несовершенный имеет то же ударение, что русский совершенный: *зѣкляњѣати* (= *закляњѣати*), *дѡпадѣати* (= *опадѣати*), *зѣстављѣати* (*застављѣати* = *закладывать, отдавать в залог*), *одѣсѣпати* (*отсыпать*), *дѡсѣпати* (= *обсыпать*).

в) В русском (книжном) характере $\frac{-ае-}{-а-}$, присоединяясь посредством эвфонического в к характерам *-ѣ-* и *-а-*, постоянно принимает ударение на характере *-а-*, независимо от того, стоит ли в первообразном глаголе ударение на характере (*слабѣти* — *ослабѣвати* — *ослабѣваю*, *четѣти* —

сочетавать) или на корне (воссиявать, раскаяваться, растаявать, отчаяваться). В сербском глаголы **-а-ва-**, очень немногочисленные в русском и исключительно книжные, очень многочисленны и народные. Как они, так и глаголы **-ѣ-ва-** все имеют одинаковое ударение, именно: первая характерная гласная в них продолжается и в штокавском имеет на себе в неопределенной форме ´, что согласно с русским (= ијѣва-, -ѣва- = ѣва́, -ава́-), а в настоящем времени должна бы иметь ^, но переносит это ударение на предыдущий слог в виде ´, что с русским не согласно и, быть может, указывает, как и выше, на новость обличенного ударения.

Примеры: *загоријевати* — *загòријевāм* (горѣвам), *одолијевати* — *одòлијевāм*, *поболијевати* — *побòлијевā ме*, *разумијевати* — *разùмијевāм*, *дожњевати* — *дòжњевāм*; *додијевати* — *дòдијевāм* (К а р а Ч и ћ, Српски рјечник), *вечеравати* — *вечèрāвāм*. И по этому образцу: *вјенчавати*, *доигравати*, *задржавати*, *закључавати*, *подавати*, *мотавати*, *отуравати*, *наравати*, *лизавати*, *намјеривати*, *смијавати*, *оравати*, *учавати*, *додијавати*, *мишљавати*, *куњавати*, *вијавати* и др.

В болгарских глаголах с характером **-ѣ-в-ае-**, **-авае-**, **-авеа-** (по-болгарски **-ѣвам**, **-авам**, **-авем**) имеют ударение на первом слоге характера: *загладѣвам* (становлюсь голодным), *заговѣвам*, *задлѣжнѣвам*, *зазеленѣвам сѣ*, *закѣснѣвам*, *захладѣвам сѣ*, *изумѣвам*, *околѣвам*, *опустѣвам*, *погрознѣвам*, *разболѣвам сѣ*, *заврѣтѣвам*, *претрѣпѣвам*, *проврѣтѣвам*; *истѣкавам*, *сваѣвам сѣ*, *оковавам*, *присвоѣвам*, *раздлѣбавам*, *раскопавам*; *забѣлжѣвам*, *завалѣвам*, *заглушавам*, *прасѣвам*, *измѣнѣвам*, *изредѣвам*, *искоренѣвам*, *искривлавам*, *подновѣвам*, *преселѣвам*, *приближѣвам* (пишут **-ѣвам**).

Глаголы с характером $\frac{-ује-}{-ова-}$ (VI, а)

Исключаем из сравнения малорусские глаголы с этим характером, которые по значению и по ударению равны великорусским **-ыва-** и **-ива-**, а также те общеславянские, которые имеют ударение на корне. Все остальные тем отличаются от прочих, имеющих в русском ударение на характере, что в них в пределах самого характера ударение не постоянно: на первом слоге характера в настоящем вре-

мени и на втором в неопределенном наклонении $\frac{-\acute{y}je-}{-ov\acute{a}-}$.

Соответствие русского ударения с сербским здесь в большей части случаев полное: *vojevati* — *vođujēm* (чакавское *vojevati* — *vojūjem* = русскому). Караджич (Српски рјечник) в *-ујем* вовсе не ставит над *у* $\acute{}$, который у него после другого количественного ударения есть всегда только знак долготы, что заставляет считать это *у* кратким. То же и Даничич. Но Мажуранич пишет: *kūpūjem*, *kūpūjūh*, *kupūjūhi* (деепричастие) и, однако, причастие «*kupūjūhī*, *краљūjūhī*» (§§ 171, 181). И по этому образцу: *краљевати* (по-русски было бы *королевать*), *векдовати*, *гладдовати* (*голодовать*), *зимдовати*, *кумдовати*, *купдовати*, *мудрдовати* и пр. В болгарском глаголам на *-ую* в русском и *-ујем* в сербском соответствуют глаголы на *-увам*, в коих от характера *-ује-* осталось одно *у*, соединившееся посредством характера *-в-* с характером *-ае-*. С вышеприведенными сербскими и русскими глаголами сравни болгарские *гладувам* (голодаю), *болѣрувам* (быть боярином), *гѣдувам* (гуду, играю на скрипке), *жедувам* (жажду), *купувам*, *лудувам* (делать глупости, быть дураком), *милувам*, *мирувам* (быть мирным, спокойным), *препоштувам*, *робувам* (быть рабом), *служувам* (*служить*; церковнославянское *править*), *страхувам* *сѣ* (бояться), *снѣвам* (снюсь), *хор(а)тувам* (говорю, от *харата* — речь), *царувам*, *цѣлувам* (целую), *бабувам* (быть повивальной бабкой). (В Домострое, 46: «свободу даруем»).

Образец *иду—ити*

Образец *иду — ити* в настоящем времени без предлога слился с образцом *веду — вести*. Великорусское *иду — идёшь, идут, ити*; малорусское *йдѣ — йдѣш, йдемó — йдетѣ — йдѣть, йти (ити)*. Однако и в литературном и в народном великорусском языке сохранились в нём следы подвижности ударения в настоящем времени: «Слух идёт о твоих поступках» (Державин); «Разумный видит, что к чему идёт»; «Бог видит, кто куда идёт» (Даль, Словарь, т. II, «идти»). В малорусском подвижность ударения сказывается при сложении с предлогами: *пійду — пійдеш — пійдемо — пійдете — пійдуть*; *дійду — дійдеш (дойду — дойдѣшь)*; *найду — найдеш, знайду — знайдеш*; *перейду — перейдеш*; *підойду — підійдеш*.

Таким образом, основное общерусское ударение *иду́* — *идёшь* — *идём* — *иду́т*, кроме 1-го лица, остающегося под сомнением (см. выше), согласно с общесербским: *ìдѣм* — *ìдѣш* — *ìдемо* — *ìдете*. Отличие от третьего образца в неопределенном наклонении. Сравни *дѹти* = русскому *дутъ* с сербским *ìћи* = русскому *итти́*.

В болгарском (= сербскому) *йда* — *идеш* — *иде*, *дóда* (дойду́), *отíда*. В церковнославянском (например,) *идетъ*, *на́идетъ*, *прéидетъ*, в Домострое, 66: «по двору идешь».

Сербские предложные от *-ìћи* вообще согласны с малорусским в тоническом отношении. Долгота первого слога — в *дóћи* — *дòћѣм*; *на́ћи* — *на́ћѣм*; *изна́ћи* — *изна́ћѣм*, *пóћи* — *пòћѣм*, *подáћи* — *пòдáћѣм*, — объясняется слиянием коренной гласной с гласною предлога; в *одíћи*, *подíћи* для объяснения долготы нужно предположить поглощение второй гласной предлога (ъ) коренною гласною.

Из рассматриваемого разряда под этот образец подходит только *мочь* (из *мочи́*, малорусское *могтí*), *могú* — *мóжешь*. В малорусском есть *могú*, частью как архаизм, частью в силу влияния литературного языка, но обыкновенно *мóжу*, *не мóжу* (с ударением на корне, не в песнях только, но и в простой речи) и «не можú» (ср.: К в. - О с н., I, 55). Именно здесь, где можно было бы ожидать случайного совпадения малорусского ударения на корне в 1-м лице настоящего времени с сербским, в сербском, в виде исключения, настоящее время имеет ударение, совершенно тождественное с русским: *мòгу*¹ — *мòжеш* (*мòреш*) — *мòже* (*мòре*), *мòжемо* (*мòремо*) — *мòжете* (*мòрете*) — *мòгú*. При *мòгу* есть в сербском предложные и правильные (с сербской точки) — *мòжѣм* (*пòможѣм*).

Сложные с проклитическими частицами в русском и сербском соответствуют друг другу: *не мóчь* (малорусское *не могтí*) — *не могú*, *помóчь* (малорусское *помогтí*) — *помогú*, *помóжешь* = сербскому *немòћи* — *немòгу*, *помòћи* — *пòможѣм*, *пòможеш*.

¹ *Мòгу* (Караджич); у Мажуранича (§ 177, 3) эти глаголы не представляют никакой особенности в ударении: *мòгу* (*мòжеш*) и т. д. В болгарском *мòж* и *мóжж* (*тоже*), как в малорусском *мóжеш*.

Образец *колю́ — ко́лешь, ко́лоти (ко́лоть);*
пишу́ — пи́шешь, пи́сати

Глаголы с корнем на *р, л*, с характером *-je-*

В настоящем времени ударение подвижное: *мелю́ — ме́лешь, колю́ — ко́лешь, полю́ — по́лешь; борю́сь — бо́решься; порю́ — по́решь*. Согласно с правилом, в сербском уже в 1-м лице единственного числа стоит более тяжкое ударение (*ко́льем, ме́льем*) и переходит на предлог как *': са́мельем, за́кольем*.

В неопределенной форме русского *оло́* = основным *ла* и *ль*, а затем правильно (по образцу *берё́мя = брё́ме*) — *мо́лоти, ко́лоти, по́лоти (боро́ти, поро́ти)* = сербским *кля́ти, мьё́ти, пьё́ти*. Настоящее время в последнем сербском глаголе отклоняется от образца: *пли је́вем*.

В болгарском *мелѣж (mélè), ко́лѣж (kólè), бо́рѣж са (bògè sù), по́рѣж (pògè)*.

Глаголы на разные согласные
с характером $\frac{-je-}{-a-}$ (III, 2, б)

Примечание 1-е. Не идут в сравнение те из сербских глаголов, которые по значению = русским $\frac{-aje-}{-a-}$.

В настоящем времени ударение подвижное; в неопределенной форме — на характере *-á-*. В сербском этим глаголам (за исключением обычной разницы в 1-м лице единственного числа настоящего времени) соответствуют образцы:

а) на односложном корне в настоящем времени *˘*, в неопределенной форме *˘*: *крёсати — крёшѣм*; б) в глаголах, относимых к двухсложным корням (т. е. корням относительным, уже образованным из их форм) в настоящем времени ударение *˘* на первом слоге корня; в неопределенной форме ударение *˘* на втором: *клопòтати — клопо́ћем*, что в западном было бы *клопотàти — клопòћем*; в) на односложном корне — в настоящем времени *˘*, в неопределенной форме *˘*.

По образцу а) сербские (соответствий русских не составляю): *кля́пати — кля́пельем, крёсати, мё́тати, стё́нати, тё́сати, чё́сати, глòдати, зòбати, лòкати, òрати,*

топтати; *искати* (*йштѣм* — *рето*, *quaego*, но в значении «искать в голове», украинское «сѣкати», глагол этот удлиняет коренной слог: *искати* — *йштѣм* = *бискати* — *бйштѣм*), *шаптати* и др.

Относящийся сюда по настоящему времени разноспрягаемый глагол *хотѣть* (малорусское *хотіти*), сербское *хтјѣти*, вместе с глаголом *могү* составляет исключение из общего правила, по коему в сербском уже в 1-м лице единственного числа настоящего времени стоит то ударение, которое в русском лишь во 2-м и следующих лицах. Основное русское *хочү* — *хóчешь* — *хóчет* — *хóчем* (малорусское *хóчемо*) — *хóчете* — *хотят* (согласно с $\frac{-и-}{-ѣ-}$ вполне соот-

ветствуют сербскому *хòћу* — *хòћеш* — *хòће* — *хòћемо* — *хòћете* — *хòћѣ* (и *хòтѣ*). Так Мажуранич (*Slovnica hëgvatska*, § 159). У Даничича — *хòћу* (и у Караджича, *Српски рјечник*) — *хòћѣш* — *хòћѣ*, но *хòћемо* — *хòћете* (*Облици српскога језика*, 114). В малорусском 1-е лицо *хóчу*.

По образцу б): сербские *грохòтати* — *грòхоћѣм*, *клепèтати*, *клопòтати*, *клокòтати*, *лепèтати*, *топòтати*, *трепèтати* и др. *Қолèбати* — *кòлебљѣм* вполне соответствуют русским *колéблю* — *колебáть* с неподвижным ударением в настоящем времени, но именно эта неподвижность — неправильна: следует ожидать 1-го лица, отличного от ударения 1-го лица в сербском: *колеблѹ*. Так еще в великорусском *колыхáть* — *колы́шу* (но в малорусском, кажется, *колишү*). По правилу: великорусские *бормотáть* — *бормо́чү* — *бормóчешь*, *клеветáть* и др., малорусские *буркотáть*, *джеркотáть*, *туркотáть* и др.

По образцу в): сербские *кáзати* — *кáжѣм*, *мáхати*, *кáтати*, *скáкати*, *хрáмати*, *лízати*, *нízати*, *пíсати*, *штòпати*; *дрéмати* — *дрѣмљѣм* (южное *дријèмати* — *дријемљѣм*), *вèзати*, *дòтити*, *стрүгати* и др.

В русском (Грот насчитывает таких глаголов несколько: *глодáть*, *вязáть*, *казáть*, *лизáть*, *низáть*, *скакáть*, *икáть*, *дремáть*, *клепáть*, *трепáть*, *щепáть*) сюда относятся: *блещү* — *блещешь* (без соответствующей неопределенной формы), *брехáть* (*брешү*), *клохтáть* (малорусское *квоктáти*), *плясáть*, *роптáть*, *свистáть* (*свищешь*), *стлать* (*стелю* — *стелешь*). Ср. *стèрати* — *стѣрѣм*; *трепáть*, *хлестáть* (малорусское *хлистáти*).

Как и под б), здесь есть немногие глаголы, которые уже в 1-м лице единственного числа имеют то ударение, которого

следовало ожидать только во 2-м лице. Таковы два книжных глагола: *алкѣть* — *ѣлчу* и *жадѣть* (старинная русская форма), обыкновенно *жаждать* — *жажду*. По мнению акад. Грота, сюда же относятся: *зобѣть* — *зоблю*, *брехѣть* — *брѣшу*, *зыбѣть* — *зыблю*, *хромѣть* — *храмлю*. Но это вряд ли справедливо, по крайней мере относительно двух первых: по свидетельству Областного словаря в Олонецкой, Новгородской, Псковской [губерниях], *зоблю* — *зоблешь*, в южнорусском и малорусском *брѣшѹ* — *брѣшешь*; вместо *зыбѣть* говорят *зыбать* (см. ниже).

Глагол *полоскѣть* согласен с сербским только в неопределенной форме (*плѣкати*) и расходится с ним в настоящем времени: *полѡщешь*, предполагает **плѣчем*, но в сербском *плѣчѣм* — *плѣчѣш*.

Глагол *слать* — *шлю*. Сербское *слѣти* — *шлѣм* или *шѣлѣм* — по образцу *жѣти* — *жнѣм* — *жѣнѣм* и пр. и подобно другим глаголам односложным в единственном числе настоящего времени в малорусском переносит ударение на некоторые предлоги (*одѣшлеш*, *прѣшлеш*; церковнославянское (новое) *пѡслѣши*, *пѡслѣхъ* и т. п.); а в сербском *пѡслати* — *пѡшлѣм* корень *пѡшлѣм* (так с *на*). В Домострое: «куда пѡшлють».

Кроме сербских глаголов (этого характера $\frac{-ja-}{-a-}$) со значением русских $\frac{-aja-}{-a-}$, выше исключенных из сравнения, есть еще глаголы образца III, 2, б с постоянным ударением на корне. О них см. под 5 — *сѣду*.

В болгарском *клѣпѣж* (*klépè*), *тѣсѣж* (*tésè*), *чѣшѣж* (*čésè*), *зобѣж* (*zóbè*) — клевать зерно, отлично от *зобѣж* (характер *-и-* — кормить коня зерном), *лѡчѣж* (*lóčè*), *тѣпчѣж* (*tupčè*), *ѹшѣж*; *кѣжѣж*, *хрѡмѣж* (*hrómè*), *лѣжѣж*, *нѣжѣж* (*nížè*), *пѣшѣж* (*píšè*), *штѣпѣж* (*štípè*), *дрѣмѣж* (*drémè*). Однако *орѣж* (может быть, по образцу *мру* или *берѹ*) и *клеветѣж* (*klevetè*).

Глаголы с характером $\frac{-не-}{-ну-}$ (IV разряд)

Акад. Грот насчитывает в литературном языке только шесть глаголов этого разряда с подвижным ударением в настоящем времени и ударением на корне в неопределенной форме, именно: *обманѹ* — *обмѣнешь*, *помянѹ* — *помянешь*,

взгляну́ — *взглянешь* (но простой глагол имеет постоянное ударение на корне), *тяну́* — *тянешь*, *тону́* — *тонешь*, *мину́* — *минешь* (чаще *минешь*).

В малорусском таких глаголов больше: *верну́* — *вернешь*, *горну́* — *горнешь*, *одягну́* — *одягнешь*, *пом'яну́* — *пом'янешь*, *полену́* (и *полину́*) — *полинешь* (*поленешь*, *плину́* — *плинешь*), *заплинешь*, *досягну́* — *досягнешь*, *тягну́* — *тягнешь* (*протягну́* — *протягнешь*), *тону́* — *тонешь*. Кроме этого, некоторые односложные переносят ударение на предлог: *зігну́* — *зігнешь*, *замкну́* — *замкнешь* (*замкнешь*), *засну́* — *заснешь* (*заснешь*).

В сербском этим глаголам соответствуют глаголы образцов: *тонути* — *тоне́м*, *минути* — *мине́м* и равносильных им по ударению предложных: *утонути* — *утоне́м*, *преминути* — *преми́не́м*; *врнути* — *врне́м* (К а р а џ и ћ, Српски рјечник; по Мажураничу, *врнути* — *Slovnica hergatska*, 103); *грнути* — *гре́не́м* (Караджич; по Мажураничу, *грнути* — *ibid.*), *поменути* — *поме́не́м*, *полетнути* — *полетне́м*, *досегнути* — *досе́гне́м*, *натегнути* — *натегне́м*, *сагнути* — *сагне́м*, *замкнути* — *замкне́м*, *уснути* — *усне́м*.

Само собою, что в болгарском этот разряд глаголов с характером **-н-** вовсе не заметен, так как неопределенного наклонения вовсе нет, а в настоящем времени 1-е лицо не отличается ударением от остальных.

В церковнославянском (нового типа) *ко́снется*, *прико́снется*.

Болгарское наречие, подобно русскому, не различает долготы и краткости, а потому мы приводим болгарские глаголы в алфавитном порядке коренных гласных, не обращая внимания на краткость или долготу этих глаголов в сербском.

Русским глаголам с ударением на характере — в неопределенном наклонении и 1-м лице настоящего времени и на слоге, предшествующем характеру во 2-м и следующих лицах настоящего времени, соответствуют большей частью глаголы с ударением на слоге, предшествующем характеру, частью глаголы с ударением на характере.

Об ударении болгарских причастий прошедших на **-л**, которое в глаголах с характером **-и-** можно бы (вместо потерянного в болгарском неопределенного наклонения) по отношению к ударению сравнивать с русско-сербским неопределенным наклонением, мы имеем мало сведений, и потому оставляем его в стороне.

а) Болгарские: *да̀виж*, *дра̀зниж*, *ма̀миж* (обманываю), *па̀лиж*, *тра̀виж* (отравляю), *фа̀лиж*, *фа̀тиж*, *бра̀ниж*, *вла̀чиж*, *вра̀тиж*, *пла̀тиж*, *хра̀ниж*.

е: *оже́ниж* (оже́ниш).

и: *чи́ниж*.

о: *во́диж* (*прово́диж*), *во́зиж*, *го́ниж*, *на-ло́жиж*, *мо́лиж*, *но́сиж*, *про́сиж*, *пу́стиж*, *ско́чиж*, *то́чиж*, *хо́диж*, *гово́риж* (*гово́раж*).

у: *бу́диж*, *гу́биж*, *ку́пиж*, *лу́пиж* с~~а~~ (из яйца), *пу́стиж*, *слу́жиж*, *у́чиж*, *лю́биж*.

ѣ: *крѣ́миж*, *крѣ́стиж*, *крѣ́шиж* (и *крѣ́шиж*), *сѣ́рдиж*.

ѣ: *бѣ́лиж*, *мѣ́сиж*, *свѣ́тиж* (отлично от *светиж* — свячу), *мѣ́риж*, *тѣ́риж*.

ж: *мѣ́тиж*, *рѣ́биж*, *сѣ́диж*, *стѣ́ниж*, *тѣ́риж*.

б) а: *ва́риж*, *ва́лиж*, *да́риж*, *га́сиж*, *ка́диж*, *пла́тиж*, *са́диж*, *гласи́ж*, *гра́диж*.

о: *звони́ж*, *косо́ж*, *лови́ж*, *мори́ж*, *ро́диж*, *смо́лиж*, *со́лиж*, *до́иж*, *кро́иж*, *по́иж* (пи).

и: *криви́ж*, *мири́ж*, *пи́лиж*.

у: *души́ж*, *суши́ж*.

е: *свети́ж*, *реди́ж*.

ѣ: *дѣ́лиж*, *гнѣ́диж* с~~а~~, *лѣ́ниж*, *мѣ́лиж*, *мѣ́сиж*, *цѣ́диж*.

В русском литературном, по Гроту, таких глаголов сорок с небольшим: *глодать*, *вязать*, *лизать*, *низать*, *скакать*, *икать*, *дремать*, *клепать*, *трепать*, *щепать*, *щипать*, *писать*, *плясать*, *тесать*, *чесать*, *клегтать*, *клохтать* [малорусское *квохт*], *роптать*, *топтать*, *шептать*, *дыхать*, *махать*, *пахать*, *пыхать*, *искать*, *блеск* [*блещу́*, *блещеши́* — с потерянным неопределенным наклоном, так как от *блиста́ть* — *блиста́ю*, в малорусском *блища́ти* перенесено влияние и во второй], *свистать*, *хлестать*; *стон* [*стону́* — *сто́нешь* по 1-му лицу не принадлежит сюда; но 2-е лицо в церковнославянском *сто́(е)не-ши*], *ор* [в великорусском — *ору́* — *ору́* — *ореши́* отлично от *ору́* — *ореши́*], *бормотать*, *грохотать*, *клеветать*, *клокотать*, *лепетать*, *скрежетать*, *трепетать*, *хлопотать*, *хохотать*, *щебетать*, *щекотать*, *полоскать* (итого — сорок пять). Следует прибавить малорусские трехсложные в настоящем времени: *буркотáти*, *туркотáти*, *джеркотáти*, *шварготáти*.

В сербском разряд глаголов на $\frac{-не-}{-ну-}$ с характером -н- с различным ударением в настоящем времени и неопределенной форме несравненно многочисленнее, чем в русском, так как к нему принадлежат многие из имеющих в русском в обеих формах постоянное ударение на корне (ср. *кíнути — кîнѣм, кàнути — кàнѣм, брîзнути — брîзнѣм, мàкнути — мàкнѣм* — с *кíнуть* и пр.), и почти все те, которые в русском имеют постоянное ударение на характере, например, *дàхнути — дàхнѣм, мàхнути — мàхнѣм, мîгнути — мîгнѣм*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)

Лишь очень немногие глаголы этого разряда имеют подвижное ударение, именно: в великорусском *держáть — держú — дѣржишь* (но в малорусском *держíш* и пр.). Великорусское и малорусское *терпѣть (терпíти) — терплю́ — тѣрпишь*. Великорусское *смотрѣть — смотрю́ — смотришь*. Акад. Грот относит сюда: *дышáть — дышú — дышишь* (ошибочно: *дышешь*); эта форма есть в великорусском и малорусском, но предполагается в неопределенном наклонении малорусское *дúхати (дихáти)* и *вертѣть — верчу́ — вѣртишь* (чаще *вертíшь*.) Этот переход не оправдывается соответствующими сербскими глаголами, в коих одно ударение в настоящем времени и неопределенном наклонении: *трпјети — трпѣм, дрѣжати — дрѣжѣм, мотрѣм* (неопределенное наклонение *мотрити*), *вртетити — вртетѣм* (так и в сложных с предлогами *потрѣм, задрѣжим, заврѣтим*). Между тем как на основании ударения в русском можно бы ожидать сербских: *дрѣжим, врѣтим*. Впрочем есть в сербском один глагол этого разряда с ` в неопределенном наклонении и с `` в настоящем времени: *вòлети — вòлѣм*.

В болгарском *дрѣжѣж (drùžě), врѣтѣж (vrátè), трѣпѣж (trùpě)*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)

Глаголов образца *любíть (= любíти) — люблю́ — любишь*, т. е. с ударением на характере в неопределенной форме и с подвижным ударением в настоящем времени, — у Востокова приведено девяносто; акад. Грот находит в литературном языке сорок семь глаголов, имеющих только подвижное ударение, и пятьдесят таких, которые, кроме подвижного

ударения, имеют в настоящем времени и постоянное на характерной гласной. Так как по его счету глаголов $\frac{-и-}{-и-}$, имеющих одно только неподвижное ударение, — до двухсот, то глаголы с подвижным ударением составляют около трети общего числа глаголов с характером $\frac{-и-}{-и-}$.

При обзоре глаголов с ударением на характере $\frac{-и-}{-ь-}$ указаны малорусские глаголы в простом виде, имеющие такое ударение, как и в великорусском, но по сложению с предлогами получающие ударение на корне: *полéжу, постóю, при-дéржу, не всíжу*. Подобное явление в глаголах $\frac{-и-}{-и-}$ представляет следующую особенность: малорусские глаголы *водíти, возíти, гонíти, носíти, ходíти*, в простом виде не отличающиеся от русских (*вожú — вóзиш* и пр.), по соединении с предлогами получают двойное ударение. А) Становясь совершенными, они сохраняют общерусское ударение простого глагола или переносят, согласно с великорусским, ударение на предлог **вí**: *перевожú, вíвожу* («перевозíти, вíвозити увесь гнй» и пр.). Б) Оставаясь несовершенными, получают постоянное ударение на корне: (до) *з-вóжу з розуму* (настоящее время), *звóдити* (ср. *зводь*, «не ввóдь» — М е т л и н с к и й, 83), *звóдячи, звóдивши, звóдив, звóдила, звóжений, вивóдити* (= великорусскому *выводíть*), *вивóжу, вивóзиш, вивóзити* (= великорусскому *вывозíть*), повелительное наклонение *вивóзь* (= великорусскому *вывозí*), *вигóню — вигóниш* (великорусское *выгоняю — выгоняешь*), *вигóнити* (великорусское *выгонять*), «вигóнь» (М е т л и н с к и й, 102 = *выгоняй*); «наздогóньте» (*ibid.*, 253) (= *догоняйте* и малорусскому *доганяйте*); *винóшу, «знóшу»* (*ibid.*, 143), **ви** (до, при и пр.) *нóсити* (= великорусскому *носíть*), *знось, знóсьте; при* (до, за, ви) *хóжу* (настоящее время = великорусскому *хожú*; будущее в малорусском будет *вíхожу*), *знахóжу, знахóдити, знахóдь, знахóдьте, зíхóдьмось, знахóдив — «хóдила»* (М е т л и н с к и й, 243. Однако «виходíти» — *ibid.*, 43).

Очевидно, что здесь место ударения условлено не фонетическими причинами, как в глаголах $\frac{-и-}{-ь-}$ и некоторых $\frac{-и-}{-и-}$, а знамена-

тельно. Для сравнения укажу на глагол, имеющий в простом виде общерусское ударение на характерной гласной, — именно *ѣздить*. В малорусском *їздити*, становясь совершенным по соединении с предлогом, удерживает общерусское ударение: *заїжджу коня, заїздиш, заїздять, заїздити*. Но оставаясь несовершенным и соответствуя по значению великорусскому *езжать*, переносит ударение на характер: «приїздить він до мене» (= *приезжает*), «уїздять вони в город» (Кулиш, II, 50 = *въезжают*); «треба було нам переїздить через Дніпр» (*ibid.*, I, 250 = *переезжают*); приїздив («ми не довго гостили, не впорожні поприїздили» — Метлинский, 188: *поприезжали*).

Взявши во внимание, что приведенным формам соответствовали бы неупотребительные формы *приїжджю́* (= *приезжаю́*), я нахожу, что здесь ударение по месту знаменательно противоположно ударению в глаголах *пригоніть* и пр. От *їздить* (ударение на корне) несовершенный глагол *приїздіть* (ударение на характере). От *їжджу* — *приїжджу*; но от *гоніть* (ударение на характере) — *приго́нити*, от *гоню́* — *приго́ню*.

От рассмотренного явления следует отличать незначительные отличия малорусского ударения от великорусского; так, некоторые глаголы, имеющие подвижное ударение в великорусском, в малорусском имеют ударение на корне: *стрéлити*, «не встрéлю» (Кулиш, I, 284); «застрéлив» (*ibid.*); *застрéль, сёржусь, розсёржусь, не сёрдья, сёрдитись, скóчу, перескóчу, перескóчити, перескóч*. Ударение на корне в 1-м лице единственного числа и вообще ударения на предпоследнем слоге, не оправдываемые украинским просторечием, но встречаемые в песнях, следует приписать польскому влиянию или безразличию ударения в песнях, напр., «Ані я вас позбіраю, Ані я вас злічу [вместо *злічу*. — А. П.], Ані я вас, літа мої, назад переключу» (Костомаров, Песни, 262); «нехай переїду, Ноги не замóчу; Хай люди знають, Що до дівчини хóжу» (*ibid.*, 289); «хóдив» (рифма «шкóдив» — Кулиш, I, 215); «не борóню» (рифма «дóню» — Метлинский, 9); «рóню» (рифма «промóвлю» — *ibid.*, 53); «буду піти (bis), каплі не упóщу» (рифма — «заплóщу»).

Пятьдесят глаголов с двояким ударением: а — *садіть, садішь* и *садишь* (*посадишь*), *валіть, катіть* (*пока́тишь*), *даріть* (*подáришь*), *варіть, гасіть, травіть, маніть, таціть*; е — *крестіть, чертіть, клейть, щеніть*; и —

чиніть; о — божіть, (за) нозіть, ложіть, вопіть, крошіть, косіть, творіть; у — куріть, туріть, студіть, трубіть, блудіть, прудіть, удіть, тупіть, кружіть, глушіть, душіть, сушіть, тушіть, (раз)лучать, (по)ручіть, сучіть; ь — бѣліть, цѣдіть, гнѣздіть, рѣзвіть, свѣтіть, мѣсіть, дѣліть, лѣніть, мѣніть, цѣніть; я — рядіть, явіть.

Сорок семь глаголов с одним подвижным ударением: а — давіть, хваліть, платіть, хватіть, дразніть; е — сердіть, женіть; о — (по)собіть, копіть, топіть, ловіть, бродіть, водіть, ходіть, (про)глотіть, корміть, ломіть, гоніть, клоніть, (у)роніть, (при)слоніть, возіть, просіть, мочіть, (на)скочіть, точіть, моліть, скобліть; у — губіть, рубіть, купіть, лупіть, ступіть, будіть, судіть, пустіть, шутіть, служіть, тужіть, (у)кусіть; ю — любіть; ь — лѣніть, лѣчіть, цѣніть, бѣсіть, (за)стрѣліть.

Прибавив к глаголам с двояким ударением *городіть*, *золотіть*, *коротіть*, *терebіть* и трем глаголам *становіть*, *шевеліть*, *облокотіть* (семь) с подвижным ударением: *волочіть*, *воротіть*, *колотіть*, *молотіть*, *торопіть*, *хороніть* (шесть), Грот упускает из виду полногласные глаголы: *голосіть* — *голосишь*, *ворожіть*, *порошіть* (малорусское, великорусское — *порошіть*), *сорбміти* (малорусское).

Многие из пятидесяти глаголов, имеющих, по Гроту, в великорусском двоякое ударение — подвижное и постоянное на характере, в малорусском имеют только первое: *сажѹ* — *сáдиш* — *садіти*. И по этому образцу: *вáлиш*, *кóтиш*, *вáриш*, *гáсиш*, *мáниш*, *хрѣстиш* (во всех значениях, между тем, как, по Гроту, великорусское *крѣстишь* = знаменашь крестом, а *крестішь* = baptizas), *клѣиш* (впрочем, кажется, и 1-е лицо *клѣю*), *щѣниш* (делаешь), *бóжисся*, *полóжиш*, *крíшиш*, *кóсиш* (от *косá*) (великорусского *косішь* — косо смотришь, делаешь косым — я не встречал в малорусском), *твóриш*, *тúриш*, *блúдиш*, *стúдиш*, *дúшиш*, *сúшиш*, *тúшиш*, *лúчиш*, *зарúчиш*, *сúчиш*, *бíлиш*, *цíдиш*, *світиш*, *місиш*, *дíлиш*, *проміниш*, *рýдиш*, *горóдиш*, *золóтиш*.

Впрочем есть примеры двойственного ударения и в малорусском: *курю* — *кúриш* (люльку), но «аж куріть» (К у л и ш, II, 30 — пыль идет); *морю* — *мóриш*, но «всі мирянські знаеш лиха, Що нас без милости морять» (К о т

ляревский, 77). Глагол *навчіти* подобно другим многосложным в единственном числе настоящего времени может переносить ударение на предлог (*навчю́ — навчи́ш — «на́вчить»* — К в . - О с н . , I, 13, 42), но может иметь и постоянное ударение на характере: «навчи́ш» (М е т л и н с к и й, 223); «Хто мовчи́ть, той двох навчи́ть»; «навчи́ть біда коржі з салом їсти»; «навча́ть» (К в . - О с н . , I, 18). Беспредложные глаголы имеют, как и в великорусском, одно только подвижное ударение, если не сокращают начального у: *учю́ — учи́ш*.

По замечанию Грота, глаголы, имеющие двойное ударение, в настоящем времени по присоединении местоимения *ся* принимают одно только постоянное ударение на характере. Таковы, например, *по-сади́ться, ка́тишь и кати́шь — покати́ться; ва́лишь и вали́шь — повали́ться; ку́ришь и кури́шь — кури́ться; кру́жишь и кружи́шь — кружи́ться*. Есть, однако, глаголы, которые и при *ся* имеют двойное ударение: *ва́рится и вари́тся* («что в душе вари́тся»), *тру́дишься и труди́шься; гне́здится и гнезди́тся, резви́тся и резви́тся, ле́нится и лени́тся*. На некоторые глаголы с одним только подвижным ударением в настоящем времени приставка *ся* не имеет влияния: *да́вишься, хва́лишься*. Наоборот, предлог содействует сохранению подвижного ударения: *са́дишь, поса́дишь и сади́шься; поло́жишь и ложи́шься, затво́ришь и твори́тся* (однако, несмотря на предлог, — *сотвори́ть*).

Замечания эти очень шатки и требуют дополнений и поправок. В малорусском встретилось несколько примеров двойственности ударения и при *ся*: *тру́диться*, но «Вулкан потіє і труді́ться» (К о т л я р е в с к и й, 183); *воло́читься*, но «шматок хліба єсть, копійка волочі́ться»; *ко́титься*, но «Стрішки, орішки котя́ться; Чогось наші бояре смутя́ться» (М е т л и н с к и й, 191); *тво́рится*, но «В Сицилії таке твори́ться» (К о т л я р е в с к и й, 40).

Русскому изменчивому ударению в глаголах $\frac{-и-}{-и-}$, как и вообще, соответствует в сербском смена ` и `', ' и ^ по образцам *но́сити — но́сім* (чакавское *носѝти — нѝсім*) и *лю́бити — лю́бим* (чакавское *любѝти — любѝм*), напр.:

а) По первому образцу: *крѣстити — крѣстѝм, срѣдити* (так по Мажураничу, *Slovnica hergatska*; у Караджича *срѣдити — срѣдѝм*), *жѣнити, сѣлити* (ср. малорусское «Нехай посѣлить тут свій рід» — К о т л я р е в с к и й, 279);

тєлѣти се (малорусское 3-е лицо *отєлѣтѣся*) — *тєлѣ се; штєнѣти, чѣнѣти, вѣдѣти, вѣзити, гѣнѣти, кѣсити, лѣвити, мѣлѣти, мѣрити, прѣсити, рѣдити, скѣчити, -слѣнѣти (прѣслонѣм)* (из *слѣним*), *тѣмѣти, тѣпѣти, хѣдити, пѣстити, ѱчитѣти* и др. Некоторые из таких глаголов у Караджича имеют в настоящем времени то же ударение, что и в неопределенной форме, что предполагает основное ` и вместе русское постоянное ударение и на характере: *бѣжити, брѣдити, звѣнѣти, клѣнѣти се, крѣпити, лѣжити, лѣмѣти, мѣчитѣти, тѣпѣти, плѣдити се, твѣрити, тѣчитѣти, дѣжити, прѣжати, пѣжити, гѣбитѣти*.

Это следует считать или за неточность Караджича, или за диалектическую особенность: а) потому что в русском подвижное ударение, а между тем русский язык более склонен переходить от подвижного ударения к постоянному, чем наоборот; б) потому что некоторые из этих глаголов, по Мажураничу, вполне подходят под образец *нѣсити — нѣсѣм*, *гѣнѣти — гѣнѣм*, *лѣмѣти — лѣмѣм*, *мѣчитѣти — мѣчѣм*; в) потому что, по свидетельству Караджича, глаголы эти, по сложении с предлогами, получают в настоящем времени ударение ` на предлоге (*пѣложѣм*), что предполагает ударение простого глагола *лѣжѣм*, *завѣнѣти — завѣнѣм* (и *завѣнѣм*), *прѣбрѣдити — прѣбрѣдим*, *пѣклѣнѣти — пѣклонѣм*, *пѣкрѣпитѣти — пѣкрѣпѣм*, *пѣлѣжитѣти — пѣложѣм*, *пѣлѣмѣти — пѣломѣм*, *пѣмѣчитѣти — пѣмѣчѣм*, *изрѣнѣти — изрѣнѣм*, *отвѣритѣти — отвѣрѣм*, *натѣчитѣти — натѣчѣм*, *пѣдѣжитѣти — пѣдожѣм*, *пѣкрѣжитѣти — пѣкрѣжѣм*, *напѣжитѣти — напѣжѣм*, *пѣгѣбитѣти — пѣгѣбѣм*.

б) По второму образцу: *крѣмитѣти, вѣритѣти, гѣситѣти, дѣвитѣти, кѣдитѣти, мѣмитѣти* (манить), *пѣлитѣти, плѣтитѣти, сѣдитѣти, трѣвитѣти* (кормить), *хвѣлитѣти, јѣвитѣти, мѣритѣти, пѣлитѣти* (*пѣлишь* и *пѣлишь*), *дѣвитѣти се — дѣвѣм се* (*дивѣтѣся*; малорусское *дѣвисся* — в обоих значениях: *смотреть* и *дивѣтѣся*), *блѣдитѣти, бѣдитѣти, дѣритѣти се, дѣшитѣти, жѣритѣти се* (отличное по значению, но не по корню от малорусского *жѣрисся*), *кѣпитѣти — кѣпѣм* (*покупать*, отлично от *кѣпитѣти — кѣпѣм*, *собирать*), *кѣсати, лѣчитѣти, лѣбитѣти, мѣтитѣти, рѣбитѣти, слѣжитѣти, смѣтитѣти, стѣпитѣти, сѣдитѣти, сѣшитѣти, трѣдитѣти, тѣжитѣти, тѣшитѣти* (но *лѣпитѣти, тѣритѣти*); *рѣдитѣти, свѣтитѣти, бѣлитѣти — бѣлѣм*, *бијѣлитѣти — бијѣлѣм*, *дијѣлитѣти, гнијѣздитѣти, лијѣнѣти се, лијѣпитѣти, лијѣчитѣти, мијѣнитѣти се, мијѣситѣти, свијѣтлитѣти, застријѣлитѣти* (*зѣстријѣлѣм*), *цвијѣлитѣти* (*цвѣлѣть* и *цвѣлѣть*), *цијѣдитѣти, цијѣнѣти*.

В сербском сюда вполне подходят глаголы, имеющие в русском полногласие, но с русским эти глаголы согласны только в неопределенной форме (*брáнити* — *боронítь*); настоящее время *брáнїм* должно бы соответствовать русскому ударению на первом слоге полногласия, действительно же существующее русское ударение (*борóним*) по правилу предполагает несуществующее в сербском ударение *брáним*. Таковы в сербском: *брáнити* — *брáнїм*, *влáчити*, *врáнити* (чернить), *врáтити*, *глáсити*, *грáдити*, *злáтити*, *крáсити*, *млáдити* (молодить), *млáтити*, *слáдити* (солодить), *хлáдити* («нахолóдиш хату» и «нахолодíш»), *хрáнити*. От сербских *мрáчити се* и *срáмити се* и *плáшити* отклоняются и в неопределенной форме русские *морóчить* (в переносном смысле; но согласно с сербским книжное *мрáчить*), *сорóмиться* (но согласно с сербским *срамítься*) и *полошítь*.

Вообще в сербском несравненно больше глаголов с различными ударениями в настоящем времени и неопределенной форме, чем в русском глаголов с подвижным ударением. Одних глаголов образца *вáрити* — *вáрїм* насчитывают в сербском до полутораста (см. о глаголах характера $\frac{-и-}{-и-}$ с постоянным ударением на характере).

Впрочем и в русском, не ограничиваясь одним литературным языком, можно найти гораздо более глаголов с подвижным ударением, чем сколько их у акад. Грота. Ср., например, малорусские: *борю́* — *бóреш*, *шлю́* — *шлéш*, *лїчю́* — *лїчиш* (считаешь), *роблю́* — *рóбиш* (севернорусское *рóбить* — с постоянным ударением на корне), *спиню́* (спиню́сь) — *спїниш*, *смалю́* — *смáлиш*, *становлю́* — *станóвиш*, *садовлю́* — *садóвиш*, *встромлю́* — *встрóмиш*, *вхоплю́* — *вхóпиш* и др.

Как русским глаголам с двояким ударением соответствуют в малорусском большей частью глаголы с одним подвижным, так и при некоторых великорусских с постоянным ударением стоят малорусские с подвижным. Таковы малорусские *говорíти* — *говорю́* — *говóриш*, *угодíти* — *угожю́* — *угóдиш* («Вам хоч голову пробий, то не вгóдиш» — Кулиш, I, 146); «угóдимо» (К в. - О с н., II, 4); *тóвплюсь* — *тóвписся* («До риби тóвпляться миряне» — Котляревский, 82), однако и в неопределенном наклонении *дотóвпитись*, *протóвпитись* малорусское ударение оправдывается сербским: *говòрити* — *гòворїм* (К а р а

Ѣ ж и ѣ, Српски рјечник; у Мажуранича *говори́м, угодди́ти — ѱгодѣ́м*). Лишь изредка в сербском встречается постоянное ударение на корне там, где в русском изменчивое, как, например, в сербском *лѱпѣти, тѱрити, хвѱтити*.

Образец. Ударение в обеих формах постоянно на корне

Глаголы с корнем на согласную (II, 1, а)

Красть (малорусское *крати́*) — *краду*, сербское *крати́* (но отлично от русского в настоящем времени *крадѣ́м*), *лезть* (малорусское *ли́зти*) — *лѣзу*, сербское *лѣсти* — *лѣзѣ́м* (*ѱлѣсти* — *ѱлѣзѣ́м*), *сесть* (малорусское *си́сти*) — *сяду*, сербское *сјѣсти* — *сјѣдѣ́м*; *бѱду*, сербское *бѱдѣ́м, ѱдѣ́м* (оба без соответствия неопределенной формы).

Болгарское *крадѱ* (sic, у Цанковых *kradè* и *kráde*), но что может значить здесь конечное е, обыкновенно = *ѱ*, — не знаю.

В сербском сюда *срѣсти* — *срѣтѣ́м* (и по другому разряду *срѣтнѣ́м*) и сложные того же корня *сѱсрести* — *сѱсре́тѣ́м, обрести* (Д а н и ч и ѣ, Облици српскога језика, 67). В малорусском согласно с этим неопределенная форма *зустрѣти*, но настоящее время только с -н- (*зустрѣну* = *сѱсретнѣ́м*), а литературное *обрести́* — *обретѱ́* — по первому образцу, как *вести́* — *ведѱ́*. *Лечь* — *лѱгу* и в русском и в сербском отклоняется от этого образца по ударению неопределенной формы; так великорусское *лечь* из *лечи́* = *лѣѣти* = малорусскому *лягѣти́* (из *легѣти́*), как *печь* = сербскому *пѣѣти* = малорусскому *пекѣти́*. Настоящее время как *сяду*: *лѱгу*, малорусское *ляжу*, сербское *лѣжѣ́м*.

Болгарское *знаѱ, грѱѱ, смѱѱ, зпѱѱ, обѱѱ, виѱ* (вою), *прѱѱ, миѱ(м)ою*).

Глаголы с корнем на гласные а, ѣ, и, у, ы (III, 1, а)

Знаю, сербское *зна́м* (*незна́м* — М а ж у г а п и ѣ, Slovnica hërvatska, § 51) из *зна́ем*; *грѱю*, сербское *грѱ́јѣ́м* (при *грѱ́јати*); *дѱю*, малорусское *ди́ю* (при *дѱять*); *зрѱю*; сербское *зрѣ́м* (из **зрѣ́ем*), *зрѱ́м* (из **зрѱ́јем* при *зрѣ́ти*); *мрѱю*, *прѱю*, *смѱю*, сербское *смѱ́јем*; *спѱю*; *дѱю*, сербское *дѱ́јѣ́м*, *обѱю* (в сербском отлично по ударению *обѱ́јѣ́м*), *чѱю*, сербское *чѱ́јѣ́м*; *вою*, малорусское *ви́ю*; *крою*, малорусское *кри́ю*,

сербское *крѣјѣм*; *мою*, малорусское *мию*, сербское *мијѣм*; *ною*, малорусское *нию*; *рою* — *рию*, сербское *ријѣм*. Сюда сербское *шијѣм* (шить); русское *брѣю*, малорусское *брию*, сербское, вероятно, *бријѣм* (см.: Д а н и ч и њ, Облици српскога језика, 82 — *обријѣм*), *почѣтъ* и *почѣю* (в литературном).

В неопределенной форме везде в русском ударение на первом, в сербском `: сербские *знѣти*, *зрѣти*, *смјѣти*, *дѣти*, **ѣти* (из *ѡбути*), *чѣти*, *бѣти* (быть), *..ѣти*, *миѣти*, *пиѣти*, *шиѣти*.

Глаголы с корнями на а, и, ѣ

и характером $\frac{-je-}{-ja-}$ (III, 2, в)

Формально [эти глаголы] отличаются от предыдущих только присутствием характера -ja- во второй теме, так что настоящее время, как *грѣю* (сербское *грѣјѣм*), *вою* (*вѣјѣм*), в русском принадлежащие к предыдущему образцу (*грѣтъ*, *вытъ*), в сербском относятся сюда, так как неопределенная форма *грѣјати*, *вѣјати*, по ударению, и только немногие глаголы имеют в русском постоянное ударение на характере, чему в сербском = менее тяжкое ударение на предыдущем слоге: *блѣять* — *блѣю* (*блѣјати*, но настоящее время по другому разряду — *блѣјѣм*), *смеяться* — *смеѣсь* (сербское *смѣјати се* — *смѣјѣм се*, великорусское областное *охреять* (выздороветь) и книжное *вопяять*. В сербском сюда же *лелѣјати се*, но в русском *лелѣять*.

За исключением этих, остальные по образцу: *сею* — *сеешь*, *сеять* = сербским *сѣјѣм* — *сѣјати* (южное *сијѣм* — *сијати*). Привожу для примера только сербские формы: *бѣјати*, — *бѣјѣм*, *вѣјати* (*вѣјати*, веять), *грѣјати* (граять, каркать), *грѣјати* (граять — граю), но *кѣјати*, *лѣјати*, *сијати* (сѣјати), *тѣјати*, *хѣјати* (заботиться, обращать внимание), *чѣјати*.

В болгарском: *блѣж* (отлично от сербского и русского), *смѣж са* (смеюсь). Болгарское *бѣж* (лечить волшебными песнями), *вѣж*, *кѣж са*, *лѣж*, *сѣж*, *тѣж* (= русскому), *мѣжж*, *кѣпж*, *плѣчж*, *рѣжж*, *сипж* (сып-).

Так *ка́пать*, сербское *ка̀пати* — *ка̀плѐм*; *пла́кать*, сербское *пла̀кати* — *пла̀чѐм*; *ѐхать*, сербское *ја̀хати* — *ја̀шѐм*; *ре́зать*, сербское *рѐзати* — *рѐжѐм*; *двѝгать*, ср. сербское *дѝзати* — *дѝжѐм*; *кли́кать*; *зы́бать*, сербское *зы̀бати* — *зы̀блѐм*; *бры́згать* (малорусское *прѝскати*), *мы́кать*, *ры́скать*, *смы́кать*, *сы́пать*, сербское *сы̀пати* — *сы̀плѐм*; *хлы́пать*; *прятать* (но сербское *прѐтати* — *прѐћѐм*), малорусское *дѝхати* — *дѝше* (но ср. *дѝхати* = *дыша́ть* — *дѝшѐм*). Малорусское *пла́вати* — *пла́вле*. О большинстве глаголов III, 2, б, имеющих подвижное ударение, — речь в другом месте. Акад. Грот, по недосмотру, говорит, будто в с е глаголы образца *глода́ть* — *гложу́* — *гло́жет* имеют подвижное ударение (в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. III, 338).

Образец. Глаголы с неподвижным ударением на корне

Глаголы с -н- в характере (IV разряд)

Все глаголы этого разряда имеют в русском постояннсе ударение на корне, в коих некоторые формы второй темы— без характера (образец а и б), со значением исключительно почти начинательным, а также многие из имеющих -н- и во второй теме, частью со значением начинательным, частью с однократным. В сербском им соответствуют глаголы с постоянным более тяжким ударением на корне, как: *вѐнути*, *вѐзнути*, *вѝкнути* (*обикнути*), *врѣнути* (*одвргнути*), *вѝгнути*, *гаснути*, *гѝнути*, *глѝхнути*, *грѣзнути*, *грѣкнути*, *дѝгнути*, *грѝкнути* (М а ж у р а н и ч, *Slovnica hěrvat-ska*), *кѝснути*, *вдскреснути*, *мѝкнути*, *мѝкнути* (Мажуранич), *мрѣкнути*, *мѝкнути* (*ѝмукнути*), *мрзнути се*, *пѝкнути*, *стѝгнути*, *стѝнути се*, *тверднути*. Сюда: *ста́нѐм* (*ста́ти*), *де́ти* (*оде́ти*) — *дје́нѐм*, *кли́кнути* — *кли́кнѐм* (по Мажураничу, *возкли́кнути*), *блѝнути*, *плѝнути*, *плѝнути*, *прѣнути* (прянуть), как малорусское *брызнуть*, *бо́внуть*, *джеркнуть* (.), *грю́кнуть* (гром), *ля́снуть*, *...нуть*, *ре́пнуть*, *по́рскнуть*.

Многие однократные, имеющие в русском постоянное ударение на корне или на характере, имеют в сербском изменчивое ударение, т. е. ' на корне неопределенной формы и ^ на корне настоящего времени, например, *крѣкнути* — *крѣкнѣм* (Караджич, Мажуранич), *кѣхнути* (чѣхнуть), *усахнути* — *усахнѣм*, *пѣснути* — *пѣснѣм*, *прѣснути* — *прѣснѣ*, *сѣнути* — *сѣнѣм* (ливнуть), *зијевнути* — *зијевнѣм* (зевнуть), *мѣхнути*, *мигнути* и пр. Наоборот, некоторые, имеющие в русском на характере, в сербском имеют постоянное ударение на корне: *крѣснути*. В болгарском, как выше сказано, даже те глаголы, которые в русском имеют ударение на характере, акцентируют коренной слог. Не возможно было бы ожидать другого ударения в глаголах, соответствующих русским и сербским с ударением на корне: *гѣснѣж*, *дѣгнѣж*, *дѣнѣж*, *згѣс(т)нѣж*, *издѣхнѣж* (издѣхну), *кѣснѣж*, *мрѣзнѣж*, *мрѣкне са*, *млѣкнѣж*, *нѣкнѣж*, *пѣснѣж* (писк), *стѣнѣж* и пр., сербское *тѣснути*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)

Известны только два глагола (в литературном языке) этого характера с неподвижным ударением на корне: *вѣдѣть* — *вѣжду* (= сербскому *вѣдјети* — *вѣдѣм*, болгарское *вѣдѣж*, *вѣсѣж*) и *слѣшать* — *слѣшу* (сербское *слѣшати*; но настоящее время *слѣшѣм* относится к характеру $\frac{-ае-}{-а-}$ и значит «выслушиваю урок», ехатино).

В сербском сюда *вѣсјети* — *вѣсѣм*, но в великорусском и малорусском *вѣсѣть* — *вѣсѣти*, великорусское *вишѣ* — *вѣсѣшь*. В малорусском (украинском) единственно употребительная форма (кроме *горѣдити*) *вѣсѣти* (3-е лицо единственного числа), *вѣсѣть*, но не знаю, стоит ли при ней *вѣшу* или *вишѣ*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)

В русском глаголы эти многочисленны, так что сосчитать их трудно. Для примера: великорусские и литературные *брѣсѣть*, *вѣсѣть*, *грѣзѣть*, *кѣнчѣть*, *спѣрѣть*, *стѣбитѣ*, *трѣсѣть*, *готѣвѣть*, *покѣбитѣ*, *прорѣчитѣ* и многие др.; малорусские *гѣдитѣ* (осуждать), *кѣитѣ* (делать); «лѣститѣсь» (К в. - О с н., I, 42); *змѣвитѣсь*, *лѣчитѣсь*, *тѣшитѣ*,

тямити, рибáлити, марнотрáтити и др. В болгарском: *бáвиж, вѣсиж, глáдиж, грáбиж, удáриж (удариж); квáсиж* (мочу), *мрáзиж* (ненавижу), *мѣчиж, пáриж* (id.), *прáвиж, прáжиж* (in Butter...), *си́лж, чи́стиж, ми́слиж, мѣриж*. В сербском:

а) согласно с правилом “на месте русского ударения: *бáбити—бáбѣм, гáдити, глáдити, грáбити, лáзити, пáрити, рáнити* (ранить), *слáбити, трáтити, ѱдарити, стáвити, бáвити* (йзбавити), *плáвити, прáвити, слáвити, квáсити, влáшити* (волóшить, делать во́лохом), *влáжити, здрáвити, мрáзити, смрáдити, огрáдити* (огорóдить — в русских полногласных по правилу ударение на втором слоге полногласия), *ми́слити, чи́стити, мѣчити, вѣри́ти* (заручать), *вѣтри́ти, мѣтити, ѱтѣшити, гóтовити, грáничити* — *ѣм* и многие др.

б) отклоняются от русского и по настоящему времени и по неопределенной форме сербские глаголы с ‘ на корне в неопределенной форме и с ^ в настоящем времени: *приблѣжити* — *приблѣжѣм* — *блѣжѣм* (болгарское *приближѣж* — Цанковы: *prǐbližě*), *вáбити* — *вáбѣм, жáрити* — *жáрѣм, знáчити* — *знáчѣм* и др. Также глаголы, как *јездити* — *јездѣм* с постоянным менее тяжким ударением на корне (болгарский = русскому *ѣздиж*).

Глаголы с характером $\frac{-ae-}{-a-}$ (V, 4, а)

и отчасти V, 4, б — именно некоторые

из $\frac{-u- + -ae-}{-u- + -a-}$

Глаголов этих, сравнительно с имеющими ударение на характере, немного. Все они употребительны и без предлога и по длительности принадлежат к первой или второй степени: *бѣгать*, малорусское *бóвтати* (*забóвтатись*, но великорусское *болтáть*), *ворóчать, вѣдать, вѣшать, дѣргать, двѣгать*, малорусское *дѣбати, кáпать, кáшлять* малорусское *кѣдати* (отлично от *кидáти*), *клáняться, лѣпать, мѣкать, пáдать, плáвать, пóлзати, прѣдати, прыгати, плѣтати*, малорусское *пóрати* (*пóратись, упóратись*), *пѣгати* (о пугаче), *скóвзатись, смѣкати; стрѣпати, тѣпати, гнѣватись, дѣмать, дѣлать, свáтати*; малорусское *скѣдати, вечѣрати; ѱжинати*; малорусское *чолóмкати*. Сюда же глаголы, образованные от частиц: *дáкати, мяѣкати* и пр.

Сюда же болгарские: *бѣгам, врѣшам, дѣхам, дѣмам, кѣшлж, клѣням сѣ; пѣдам, плѣвам, дѣлам* (mit Axt behauen), *вечѣрям, обѣдам* (обѣдувам).

В сербском тоже немного таких, которые по правилу имеют ` на том же слоге, что и русские глаголы, или ` на предшествующем: *бјѣгати — бјѣгѣм, вјѣшати, врѣшати* (русское *воробчатъ*), *кѣпати* (но настоящее время только по образцу $\frac{-je-}{-а-}$: *кѣплѣм*), *кѣдати* (гитро), *клѣнати, пѣдати, прѣдати* (trépido), *пѣзати* (но настоящее время только *пѣжѣм*); *вѣчерати, ѣжинати*.

Такое же ударение встречается в сербских более длительных, употребительных только с предлогом *-лѣнати, -чѣнати* (чѣн), *-јѣмати, -мѣнати, -жѣмати, жѣнати, -дѣмати, -дѣвати*. В русском — никогда.

Глаголы на $\frac{-yje-}{-ова-}$. (VI, а)

Таких глаголов с ударением на корне в русском и сербском несравненно менее, чем с ударением на характере. Ср. сербское = русскому *вјѣровати*. Болгарское *вѣрувам, мѣнувам, рѣдувам сѣ, трѣбува* = нужно, должно; *мѣловати, рѣдовати, трѣбовати — трѣбујѣм, пѣметовати — пѣметујѣм, лѣтовати, пѣштовати* (ср. с характером *-евѣпѣтчевать* и **пѣчьшевати*), *свѣтовати, рѣтовати* (ратовать) и пр. «Домострой», 49: «Жити не по силе и зѣймаю» и пр.

С немногими отклонениями в малорусском, как поговорочное «нехай царствѣе»; «сама (богородиця. — А. П.) бодрствѣе, Слуг своѣх рѣтуе» (К о с т о м а р о в, Песни, 190). Ср. то, что у Берынды все глаголы этого характера от существительных на *-ство* имеют ударение на *-ѣю*, что предполагает неопределенную форму на *-овѣти*: *безумствѣю, безчинствѣю, благодущьствѣю, благоденствѣю, благоговѣнствѣю, благоискуствовѣти — благоискуствѣю, бодрствѣю* и пр. Подобным образом и другие отыменные в малорусском, например, «злукавновѣти» (К в. - О с н., I, 72), *болѣзнѣю, рѣтѣю* (брань вѣздвѣжу), *велерѣчѣю* и пр. (Б е р и н д а, Лексикон славено-росскій..).

Глаголы великорусские $\frac{-ывае-}{-ыва-} — \frac{-ивае-}{-ива-}$ и равные

им по значению малорусские $\frac{-ује-}{-ова-}$

Ударение постоянно на слоге, предшествующем характеру: *пока́зываю* — *пока́зывать*, малорусское *пока́зую* — *пока́зувати*. Исключение составляют книжные формы прошлого столетия: *завязу́ет* (малорусское *світ зав'язу́є*), *наказу́ет*, *связу́ет*, не отличающиеся ударением от прочих форм на **-овати** — **-ую**. Обычно русское ударение на слоге, предшествующем характеру, не представляет сходства с сербским.

В этом последнем глаголам $\frac{-ывае-}{-ыва-}$ = малорусским

$\frac{-ую-}{-ова-}$ соответствуют по значению глаголы, занимающие по

форме середину между великорусскими и малорусскими,

именно $\frac{-ује-}{-ива-(-ыва-)}$; характер первой темы совершенно

тождествен с характером глаголов $\frac{-ује-}{-ова-}$ как по звукам, так

и по ударению, во второй теме и (=ы и и) постоянно долго и имеет ударение `: *да́рујѐм* есть или настоящее время глагола совершенного (= будущему) и в таком случае имеет неопределенную форму *даро́вати*, или настоящее время глагола несовершенного и тогда имеет неопределенную форму *даро́вати* (= великорусскому *даро́вывать*).

По образцу *даро́вати* — *да́рујѐм* (что было бы по-великорусски *даро́вывать* — *да́рую*) идет множество глаголов,

произведенных от глаголов с характером $\frac{-је-}{-а-}$, $\frac{-ае-}{-а-}$,

$\frac{-и- + -ае-}{-и- + -а-}$, $\frac{-и-}{-и-}$, как *обгра́ђивати*, *одва́льивати*, *одварі́вати*,

доказі́вати, *докас...*, *доплак...*, *доскак-*, *закидѝ́ва-*, *закусі́ва-*, *зализі́ва-*, *замазі́ва-*, *записі́ва-* и пр. Реже встречаются глаголы с **-ива-** в характере первой темы, как *до-тк-і́ва-ти* — *дòткѝ́вѣм* (оканчивать ткать), *осні́вати* — *дснѝ́вѣм* (основывать), *поткíвати* — *пòткѝ́вати* — *пòткѝ́вѣм* (подковывать). В двух последних глаголах сербский язык принял **-ов-**, принадлежащее к корню (**ков-а-**, **снов-а-**), за часть глагольного характера, но здесь это для нас все равно. В

таких глаголах ударение одинаково с глаголами характера **-ава-**: *дотківати* — *дòткївāм*, как *доигрāvати* — *доїгрāвāм*.

В болгарском рассматриваемые здесь глаголы последней степени длительности оканчиваются в настоящем времени на **-увам, -уваш** и пр. (т. е. $\frac{-у-ва-е-}{-уа-}$ + личное окончание с ударением на предшествующем слоге, по влиянию коего **-у-** характера нередко опускается: *прика́з(у)вам, надмѣх(у)вам, доврѣшувам, допису́вам, дочїа(ѣ)кувам, заврѣзувам, засóливам, подпáлювам, загрїбувам* (малорусское было бы *загрїбаю* от *греб*), *замїслювам, замрѣжювам, заповѣде́вам, зарѣчувам* и пр.).

Часто эти глаголы образуются от глаголов с характером **-н-** с сохранением последнего: *забѣгнувам, заглѣхнувам, загѣгнувам* (**-гѣб**, *загибáю*), *задїснувам, замáхнувам, замрѣзнувам, замрѣкнувам, засѣднувам* (заседаю), *затѣкнувам* (затыкаю) и пр.

В основании здесь лежит та же форма, как и в основании великорусских **-ыва-, -ива-**, именно сохранившаяся в малорусском, болгарском: *подпáлювам*, русское *подпáливаю* — предполагаю малорусское *подпáлюю*. Глаголы отыменные и в болгарском, как в русском, частью ударяют у темы (*царѣ́вем*), частью — корень (*вѣ́рувам*).

III. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. СООТНОШЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ И НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Все три формы повелительного наклонения имеют как в русском, так и в сербском одинаковое ударение: *пиши́* — *пиши́мо* (малорусское) — *пиши́те*; сербское *пи́ши* — *пи́шимо* — *пи́шите*.

Что до места ударения, имея в виду один только русский язык, можно было бы выставить практическое правило: ударение повелительного наклонения согласуется с ударением 1-го лица единственного числа настоящего времени: *веди́, ори́, зевáй, но двинь, брось*.

Правило это встречает те же немногие и с к л ю ч е н и я, как и другое, приводимое ниже, но неудовлетворительно в том отношении, что неприменимо в сербском, в коем ударение повелительного наклонения *mutatis mutandis* то же, что и в русском, а между тем 1-е лицо единственного числа настоящего времени не совпадает по ударению с тем же лицом русских глаголов с подвижным ударением: *пíшѣм*, но *пíши*.

Столь же неудовлетворительно следующее правило¹, верное с исключительно сербской точки зрения: ударение повелительного наклонения совпадает с ударением неопределенной формы: *пíсати* — *пíши*, но настоящее время *пíшѣм*. С одной стороны, совпадение ударения повелительного наклонения и неопределенной формы может быть только случайностью, ибо повелительное наклонение образуется не от второй темы, а от первой или темы настоящего времени: *беру́* — *берí* — *бра́ти*, *кую́* — *куй* — *ковáти*, *ста́ну* — *стань* — *ста́ти*, *вою́ю* — *вою́й* — *воева́ти*.

В глаголах с характерной гласной в неопределенной форме при некоторых тонических условиях — постоянно разногласие между ударением неопределенной формы и повелительного наклонения, например: *ле́жи* (= лягтí, лечí), повелительное наклонение *лѣзи* (малорусское *ляж*, основная форма *лáзи*), *стри́жи* (стри́чи, стрíгти) — *стри́зи* (стригí, малорусское *стрижí*). Точно то же в глаголах с двухсложным глагольным характером: *купòвати* — *кúпу́ем* — *кúпуј*, *доказíвати* — *дока́зујем* — *дока́зуј*.

С другой стороны, не видно, почему бы повелительному наклонению согласоваться с каким бы то ни было лицом настоящего времени, ибо повелительное наклонение имеет сверх глагольного еще свой характер -и (после гласной -й), присутствие коего может быть безразлично для ударения.

Однако пытаюсь установить более широкое русско-сербское правило, мы не в состоянии будем обойтись без сближения повелительного наклонения с настоящим временем, из чего, — под условием верности нашего правила, — следует, что грубо эмпирическое исключительно русское правило все-таки ближе к истине.

Предположим, что характер повелительного наклонения -и стремится привлечь к себе ударение темы настоящего

¹ В глаголах с односложным характером, если настоящее время [и] неопределенное наклонение имеют различные ударения, то всегда более слабые, чем у настоящего времени.

времени подобно тому, как это замечено относительно предлогов и относительно окончаний 1—2-го лица множественного числа в малорусском и чакавском. Тогда окажется следующее.

а) При двухсложности глагольного характера первой темы характер повелительного наклонения не обнаруживает никакого тонического действия и вообще во всех формах ударение неподвижно: *белѣй* (белѣю), *играй*, *читай*, *делай*, *радуи*, *сказывай*.

б) При односложности глагольного характера (-е (-ие) — -је, -и) и полном слиянии его гласного элемента с характером повелительного наклонения есть два случая.

α) Постоянное русское и сербское ударение настоящего времени на корне остается на том же месте и в повелительном наклонении: *сядь* (из *сяди*) и пр. Церковнославянское: *отвѣрзи*, *вѣрзиса*.

β) Постоянное ударение настоящего времени на характере, а также русское подвижное ударение и соответствующее ему чакавское переходит на характер повелительного наклонения: *ведѹ* — *ведѣшь* — *веди*; *орю* — *орѣшь* — *ори*.

Разница между подвижным и неподвижным ударением настоящего времени, незаметная в сербском настоящем времени, сказывается в повелительном наклонении: *крѣшѣм* — *крѣшеши* = русскому *креши* — *крѣшеши*, — в сербском ничем не отличаются от *мѣжѣм* — *мѣжеши* = *мѣжу* — *мѣжеши*; но при первом повелительное наклонение *крѣши* = русскому *креши*, при втором — *мѣжи* = русскому *мажь* — *мажи*. Это заставляет отдать преимущество тому из двух сделанных выше предположений, что русская подвижность ударения в настоящем времени древнее сербской неподвижности. Само собою разумеется, что здесь речь только о настоящих формах повелительного наклонения, а не о заимствованных из настоящего времени (3-е лицо единственного числа и 3-е лицо множественного числа) и вместе с наречным повелительным наклонением (*пусть*, *нехай*, сербское *нека*) заменяющих недостающие формы повелительного наклонения. Эти последние сохраняют ударение настоящего времени: *ѡрѣм* и пр.; повелительное наклонение *ѡри* — *ѡримо* — *ѡрите*, но *нека ѡре*, *нека ѡру* (в церковнославянском *иди* — *идите*, но *внидите*).

(Следуют фактические подтверждения изложенных правил и исключения из них.)

§ 2. ГЛАГОЛЫ С ПОСТОЯННЫМ УДАРЕНИЕМ
НА ОДНОСЛОЖНОМ ХАРАКТЕРЕ
НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

а) Без характера во второй теме.

аа) В русском неопределенная форма с ударением на суффиксе. Образец: *веду́* — *ведёшь* — *веди́*; малорусское *веди́* — *веді́мо* — *веді́те*. В сербском штокавском, смотря по количеству коренной гласной, на корне ` или `: *плётём* — *плети́* — *плеті́мо* — *плеті́те*; *грёбём* — *грёби*; *печём* — *печи́*; *везём* — *вези́*; *вучём* — *вучи́*; *трёсём* — *треси́*.

бб) Неопределенное наклонение в русском с ударением на корне. Образец: *стричь* — *стригу́* — *стриги́*; сербское *стри́ћи* — *стри́жём* — *стри́зи*; *плыву́* — *плыви́*; *жни* (сербское *жњи́* и с чистою заменю глухого звука *жа́њи*), *пни* (сербское *пèњи*). Сербские формы, как *пèњи*, *жа́њи*, отклоняются от ударения настоящего времени *пèњем*, *жа́њем*, потому что, как полагаю, не только самые замены гласных звуков, но и их ударения — новы, и следовало бы ожидать *жа́њем*, *пèњем*; *мри́* — *мри́мо* — *мри́те*; *при́* — *при́мо* — *при́те*; *тари́* (*трѐти* — *трём*) и *те́ри* (*стрём*), как *пèњи*.

б) С ударяемым характером во второй теме.

Глаголы II, 2, а и б: *бери́*, *жени́* (малорусское — от *гнати́*), *дери́*, *пери́* — сербские *бе́ри*, *же́ни*, *де́ри*, *жде́ри*, *пе́ри*. Но эти сербские формы имеют при себе настоящее время с постоянным более тяжким ударением на корне: *бе́рем* и пр., так что между настоящим временем и повелительным наклонением в сербском, по-видимому, нет соответствия. Соответствие это можно восстановить двояким предположением: или глаголы эти в сербском имеют позднейшее более тяжкое ударение, как *жа́ньём*, и все шли некогда согласно с соответствующими русскими глаголами по образцу *звём* — *звѐи*; или и русские и сербские некогда уподоблялись глаголу *се́рем*, в коем постоянному `` соответствует русское подвижное ударение *серу́* — *се́решь*. И в том и в другом случае повелительное наклонение должно быть, как и есть: *бе́ри* = *зѐви* и *се́ри*.

Глаголы IV разряда с характером -и:
дохну́ —дохни́, махну́ —махни́

В сербском соответствующие глаголы имеют различное ударение в настоящем времени и неопределенном наклонении: *да̀хнути — да̀хнем, ма̀хнути — ма̀хне́м*, а повелительное наклонение относится по ударению к настоящему времени, как *бе́ри* к *бе́рем*, именно ослабляют ударение этого последнего: *да̀хни, г̀рни, зе́вни, ма̀хни, ми́гни*. Объяснение этого несоответствия между настоящим временем и повелительным наклонением — как в *бе́ри*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-в-}$ (V, б):

велу́ — велю́ — вельти; верту́ — верчу́ — вертъти

В сербском *вѐлц, в̀рти* согласно с настоящим временем. Малорусские формы повелительного наклонения *подѐрж, потѐрп, посидь, полѐж, помовч, доглядь* отклоняются от простых общерусских *сиди́, лежи́* и пр. Нет сомнения, что эти последние формы с ударением на характере повелительного наклонения суть древнейшие. Напротив того, сокращение характера -и после гласной (*не бойся*) и одновременно с этим перенесение ударения есть явление общее (русскому и сербскому) и древнее.

Глаголы $\frac{-и-}{-и-}$ (V, з)

В русском в повелительном наклонении ударение на -и. В сербском здесь большей частью с различным ударением в настоящем времени и неопределенной форме (˘ — в настоящем времени, ˘ — в неопределенной форме; ˘ — в настоящем времени и ˘ — в неопределенной форме), а повелительное наклонение ослабляет ударение настоящего времени, в чакавском переносит ударение с корня на характер: *бла̀жити — бла̀жи* (чакавское *блажѝ*).

Из глаголов с постоянным (в русском) ударением на характере настоящего времени отличаются от приведенных глаголов с корнями на гласные -и (из образца III, 1, а без характера в неопределенной форме) и -у (характер: $\frac{-je-}{-a-}$,

III, 2, а) и, исключая глаголы характера $\frac{-и-}{-и-}$, как *бо́яться*, *сто́ять*, *бо́јим се*, *бо́ј се* (*не́ бој се*), *сто́јим* — *сто́ј*, сокращающие характер повелительного наклонения **-и** в **-ј** и переносящие ударение с этого характера на корень: *пе́й* (*пíй — пíймо — пíйте*), *ле́й*, *ве́й*, *ку́й*, *клуб́й*, *плуб́й*, *блуб́й*.

Причины такого сокращения и переноса ударения — в стечении гласных, разделяемых только козою. Русскому постоянному ударению на корне соответствует в сербском постоянное \wedge , хотя бы в настоящем времени коренная гласная была коротка: *бу́јем* — *бу́ј*; *пу́јем* — *пу́ј*; *ку́јем* — *ку́ј*; *снуб́јем* — *снуб́ј*.

Если бы эфоническая причина не произвела сокращения характерного **-и** в **-ј**, то было бы *бу́ји*, *пу́ји*, *ку́ји*, подобно тому, как в сербском от *да́јем* — *да́јеш* и пр. есть повелительное наклонение *да́ји* — *да́јите* (*дава́й — дава́йте*). Этим же сокращением объясняется долготрап коренной гласной в *бу́ј*, *поба́гати* — *поба́гај* — *поба́гајте* и пр.

То же явление и там, где собственно ударение (\wedge — ‘) настоящего времени не отличается от повелительного наклонения, например *ка́јем* (и так во всех формах тем), но *ка́ј* — *ка́јмо* — *ка́јте*; *у́мијем* (*у́мијеш* и пр.), но *у́миј*, *чу́вају* (3-е лицо множественного числа; в 1-м лице и пр. **-ам**, **-аш** сокращено из **-ајем** и пр.), но *чу́вај* (*чу́вај*).

§ 3. ГЛАГОЛЫ С ПОДВИЖНЫМ УДАРЕНИЕМ В РУССКОМ И С УДАРЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, ОТЛИЧНЫМ ОТ УДАРЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ В СЕРБСКОМ

а) Без характера во второй теме: *иду́* — *иде́шь* — *иди́* (*иде́м* — *иди*, однако *до́ћи* — *Д а н и ч и ћ*, Облицы српскога језика, 85), *могу́* — *мо́жешь* — *моги́* (= украинское *можі́*: основная форма *мози́*), сербское *мдж́ем*, (*по*)*мози́*; *колю́* — *ко́лешь* — *коли́*; сербское *ко́љем* — *ко́љи*; *мелю́* — *ме́лешь* — *мели́*; сербское *ме́љем* — *ме́љи*.

б) С характером $\frac{-је-}{-а-}$: *крешу́* — *кре́шешь* — *креши́* — *кре́сать*. В сербском *гло́дати* — *гло́ћем* — *гло́ћи*; *кресати́* — *креш́ем* — *креш́и*, *чеш́и*, *ло́ћи* (*ло́кати*), *ме́ћи*, *ма́ћи*, *те́ши*,

зблѣ; пѣсати — пѣшѣм — пѣши, кѣжи, лѣжи, скѣчи, вѣжи, дријѣмлѣ, храмлѣ, штѣплѣ, зблѣ и др. В трехсложных русских: хлопочѣ — хлопочѣшь — хлопочѣи = сербским клопѣтати — клопѣћѣм — клопѣћѣи; трепѣтати — трепѣћѣм — трепѣћѣи.

Слѣти — шѣљѣм имеют неправильно шѣлѣи (В у и ч, Српска граматика, 75), вместо ожидаемого шѣлѣи — шѣлѣи.

в) Глаголы с характером $\frac{-не-}{-ну-}$ (IV разряд): тонѣу — тонѣнешь — тонѣи, сербское тонѣнути — тонѣнѣм, — тонѣи; дѣхнутѣи — дѣхнѣнѣм — дѣхнѣи; вѣрни, гѣрни, мѣнутѣи — мѣнѣнѣм — мѣнѣи; мѣхнутѣи — мѣхнѣнѣм — мѣхнѣи; мѣгнѣи, тѣгнѣи, зѣвнѣи.

г) Глаголы $\frac{-и-}{-ѣ-}$, как держѣу — держѣишь — держѣи, в сербском имеют одинаковое ударение в обеих темах: трѣпѣјѣти — трѣпѣјѣм — трѣпѣјѣи.

д) Глаголы $\frac{-и-}{-и-}$: возѣу — возѣишь — возѣи; любѣю — любѣишь — любѣи = сербским вѣзѣитѣи — вѣзѣјѣм — вѣзѣи; љѣбитѣи — љѣбѣјѣм — љѣбѣи.

§ 4. ГЛАГОЛЫ С ОДНОСЛОЖНЫМ ХАРАКТЕРОМ И ПОСТОЯННЫМ КАК В РУССКОМ, ТАК И В СЕРБСКОМ УДАРЕНИЕМ НА КОРНЕ

Глаголы с односложным характером и постоянным как в русском, так и в сербском ударением на корне по отношению к повелительному наклонению не представляют никаких особенностей. Повелительное наклонение здесь сохраняет ударение других форм: бѣдѣм — бѣди и пр. Только имеющие корень на гласную и сокращающие -и повелительного наклонения в -і удлиняют коренную гласную чѣјѣм — чѣј, рѣјѣм — рѣј, дѣјѣм — дѣј и пр.

§ 5. ГЛАГОЛЫ ЪМЬ, ДАМЬ, ВЪМЬ

Ъмь и дамь имеют повелительное наклонение ѡжѣ, старорусское дажѣ, несмотря на переход ударения в малорусском на окончание 2-го лица единственного числа, а в малорусском и сербском — на 1-м и 2-м лице множественного числа. Старинное вѡжѣ согласно с постоянным ударением в настоящем времени и неопределенной форме.

IV. ПРИЧАСТΙΑ И ДЕЕПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ

Причастия настоящего времени (форма книжная, по звукам церковнославянская). Так и в малорусском книжном «дати дорогу [для сонця. — А. П.], ніби для царя іного, діючого добро всему миру» (К в. - О с н., I, 30). Вообще имеем ударение на том же слогe по счету, на котором — настоящее время: *ведéшь* — *ведúщий*.

Правила этого достаточно для глаголов с постоянным ударением на характере односложном — двухсложном и на корне. Глаголы с подвижным ударением распадаются в

этом отношении надвое: а) глаголы III, 1, б $\left(\frac{-je-}{-н-}\right)$; III, 2,

б $\left(\frac{-je-}{-а-}\right)$; IV $\left(\frac{-не-}{-ну-}\right)$ — держатся ударения 2-го и следующих

лиц: *пíшущий*, *хлопóчущий*, *тя́нущий*, *ко́лющий* (*ко́лешь*).

б) глаголы II, 1, а $\left(\frac{-е-}{-и-}\right)$; V, 1 $\left(\frac{-ѣ-}{-и-}\right)$; V, 3 $\left(\frac{-и-}{-и-}\right)$ следуют уда-

рению 1-го лица: *имú* — *ймешь* — *имúщий*; *идú* — *идешь* — *идúщий*; *могú* — *можешь* — *могúщий*, *держú* — *дérжишь* — *держáщий*; *люблю* — *любишь* — *любя́щий*.

Замечание Востокова, что причастия действительные настоящего времени, произведенные от глаголов: «дразню́, хвалю́, давлю́, резвлю́сь, травлю́, гублю́, люблю́, принимают ударение 2-го лица» (Русская грамматика, § 187), кажется неверным. Слышно только *любя́щий*.

Для сербских причастий настоящего времени действительных (формы тоже книжной) Мажуранич выставляет следующее правило: «Причастия настоящего времени действительные имеют суффиксы $-y\check{h}\bar{y}$, $-e\check{h}\bar{y}$ (с новым облеченным из чакавского $-y\check{h}\bar{y}$, $-e\check{h}\bar{y}$) и слог, к коим приставляются эти суффиксы, теряют с в о е ударение и долготу, если ее имели, и наслаются на суффиксы как проклитики», т. е. получают более тяжелое ударение.

Таким образом: *дмýh̄y*, $-ā$, $-ē$; *мрýh̄y*, *шльýh̄y*, *жгýh̄y* — согласно с русским, но при *дрēm* — не *дрӯхи*, а *др̄yh̄y* (что было бы в русском *орю́щий*); при *күпујем*, *крáљујем*, *бйчу-*

jēm kypūjūhī, kralūjūhī, bichūjūhī (Slovnica hèrvatska, § 181), что было бы в русском -ущий.

Вуич (Српска граматика) представляет это дело иначе: не только причастия (не деепричастия): *трèсући, зòвући* (зòвем), *дàјући* (дàјем), *познàјући* (пòзнāјем), *жèгући, хòтећи, двòрећи*, но и согласно с русским, с ударением на корне в глаголах = русским с подвижным ударением и с ударением на корне: *стèрући* (стèрēm), *òрући* (òрēm), *кòљући, вйдећи, нèгујући, чйјући* и опять согласно с сербским ударением настоящего времени, но не согласно с русским *йдући, кйјући, снйјући, кльйјући, бèрући, пèрући* (бèрēm, пèрēm), *жèнући* (жèнēm), *пèњући се* (пèњēmсе) и (с точки Мажуранича) по-чакавскому *прйући*. Быть может, Вуич смешивает здесь причастие с деепричастием (о коем ниже), которого вовсе не приводит. Даничич вовсе не приводит причастия настоящего времени действительного как формы ненародной.

§ 2. ПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ

Причастия настоящего времени страдательные (литературные) по отношению к ударению следуют тому же правилу, как и причастия настоящего времени действительные, т. е. сохраняют ударение настоящего времени в глаголах с постоянным ударением; а в глаголах с подвижным ударением следуют частью 1-му лицу (в глаголах $\frac{-\text{ѣ}-}{-\text{и}-}$, $\frac{-\text{и}-}{-\text{и}-}$: *держимый, терпимый, носимый, любимый, хвалимый*), частью 2-му и следующим лицам (во всех остальных, имеющих это причастие: *кóлемый, мéлемый, пйшемый*).

В сербском это причастие не сохранилось.

§ 3. ДЕЕПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Деепричастия на -а (-я)

Деепричастия на -а (-я) в малорусском употребительны только в нескольких глаголах $\frac{-\text{ѣ}-}{-\text{и}-}$, $\frac{-\text{и}-}{-\text{и}-}$, имеют ударение на том слогe, на котором и 1-е лицо настоящего времени (*ведя, пища, любя, дèлая, торгую* и пр.), так что глаголы с подвижным ударением и односложным характером здесь,

как при образовании повелительного наклонения, уравниваются с имеющими ударение на характере.

Из правила этого составляют исключения.

В малорусском те глаголы $\frac{-\text{Ь}-}{-\text{И}-}$ и с ударением на характере, которые, слагаясь с предлогами, получают в настоящем времени (не исключая 1-го лица) и во всех почти остальных формах ударение на корне, ср.: *сідя, глядя, мовча, сто́я, ле́жа* с *не всі́жу* и пр.

Вероятно, то же повторилось бы и в глаголах $\frac{-\text{И}-}{-\text{И}-}$: *во-ді́ти, возі́ти, гоні́ти, носі́ти, ході́ти* — в известных случаях (см. выше), при сложении с предлогами, переносящих ударение на корень; но из них употребительны только *хóдя* и *вóдя*; *вóзя, нóся, гóня* или не встречаются, или сомнительны.

В литературном языке Востоков (Русская грамматика, § 187), кроме общерусских *глядя, сідя, сто́я, мо́лча, ле́жа, хóдя*, находит еще шесть исключений — деепричастий от глаголов с подвижным ударением: *дрéмля, клéпля, трéпля, щéпля, щі́пля, смóтря*. «При этих, — замечает он, — в важной речи: *смотрим, сидя, ходя*».

В сербском этой формы деепричастий нет.

2. Деепричастия на *-учи, -ючи*

Глаголы с постоянным ударением на корне и на двухсложном характере сохраняют это ударение и в деепричастиях на *-учи, -ючи*: *кра́дучи, де́лаючи, игра́ючи, торго́ючи*. Глаголы с подвижным ударением следуют ударению 2-го лица единственного числа и следующих без тех исключений, какие в причастиях настоящего времени: *трéплючи, тéлючи, і́щучи, сто́нучи, тя́гнучи*, а в малорусском и от глаголов $\frac{-\text{Ь}-}{-\text{И}-}$, $\frac{-\text{И}-}{-\text{И}-}$: *те́рпячи, лю́блячи, са́дячи, голо́сячи*.

Исключается и в великорусском и в малорусском *могучі́* — от *мо́жешь, идучі́* (в малорусском и *йдучі́*).

Деепричастия от глаголов с постоянным ударением на односложном характере имеют ударение на последнем слоге суффикса: *бью́чі́, живу́чі́, берегу́чі́*, малорусское «встаю́чі́» (К в. - О с н., 2). В малорусском, где деепричастия

этой формы употребительны от глаголов $\frac{-\text{Ъ}}{-\text{И}}$, правило распространяется и на них: «свистючі» (Г р е б е н к а, 28); «летаючі» (М е т л и н с к и й, 64), «летючі» (ibid., 245); «не боячіся» (К в. - О с н., II, 4); «держачі» (ibid., I, 38), «кріплячісь» (ibid., 97). Однако: «лѣжачи» (ibid., 24), «лѣжучи» (ibid., 174), *сідячи, ходячи, стоячи*. Эти глаголы имеют деепричастие *-а, -я* с ударением на корне.

В сербском деепричастия настоящего времени следуют ударению настоящего времени. Мажуранич прибавляет: 3-го лица множественного числа настоящего времени на том основании, что гласный звук *-ў, -ѣ*, коим оканчивается 3-е лицо множественного числа, остается с тою же долготою и в деепричастиях: *плѣтў — плѣтўћї, вїдѣ — вїдѣћї*.

Деепричастия от глаголов, соответствующих русским с постоянным ударением на односложном характере, в сербском не составляют исключения и сохраняют ударение настоящего времени: *плѣтућї, вѣзућї, грѣбућї, пѣкућї, кўнућї, чујўћї, тўнућї, мѣлућї, бѣрућї, вїдећї, ўмијућї, хўтећї, нўсећї; кўјућї, кўпујућї*. Однако у Даничича *мрўћї* (*мрѣм*, 3-е лицо множественного числа *мрў*), *чўвајућї* (*чўвѣм*, но 3-е лицо множественного числа с ' : *чўвају*), *пїшућї* (*пїшѣм*, 3-е лицо множественного числа *пїшу*).

V. АОРИСТ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

§ 1. АОРИСТ И ПРЕХОДЯЩЕЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ

В современном русском языке эти времена не сохранились, и для сравнения с сербским будут служить только те данные, какие можно было извлечь из церковных книг, в коих могло хотя отчасти дойти до нас старинное русское произношение.

Заключения от современного сербского к древнерусскому затрудняются здесь тем, что об ударении рассматриваемых времен в самом современном сербском имеются различные показания.

По Мажураничу, аорист (кроме 2-го и 3-го лица единственного числа) и переходящее по ударению равны между собою и с неопределенной формой, от коей прои з в о д я т с я. О многих исключениях из этого правила—

ниже. Таким образом, по Мажураничу, от *г̀рнути* (*г̀рнем*; по Караджичу, *г̀рнути* — *г̀рнѐм*) будет аорист *г̀рнух*, переходящее *г̀р̀нах*; по Мажураничу, *л̀убити* — *л̀ублах*, *п̀исати* — *п̀исах* (по Даничичу, это иначе); от *зн̀ати*, *бр̀ати*, по присоединении суффикса *-ах*: *бр̀аах*, *зн̀аах* = *бр̀ах*, *зн̀ах*, независимо от ударения настоящего времени. Согласно с этим мы произносим старорусское *тон̀яху* (утопáли), *приход̀яше*, *принося̀ше* согласно с ударением неопределенного наклонения *тон̀ути*; *ход̀ити*, *нос̀ити*, а не настоящего времени *т̀онеши*, *х̀одиши*, *нос̀иши*.

Правило, которое можно извлечь из примеров, приводимых Даничичем, гораздо сложнее и ведет, как увидим, к иному заключению об образовании переходящего.

а) В глаголах, имеющих одинаковое ударение в настоящем времени и неопределенной форме, аорист и переходящее по ударению не различаются (кроме 2 и 3-го лица единственного числа аориста): *пл̀ести* — *пл̀етѐм* — *пл̀етох* — *пл̀етијах*, *гр̀ести* — *гр̀етѐм* — *гр̀ебох* — *гр̀ебијах*; *п̀екох* — *п̀ециј̀ах*; *ст̀екох* — *ст̀ецијах*; *т̀екох* — *т̀ецијах* (*т̀ечах*); *т̀укох* — *т̀уцијах*, *ж̀екох* — *ж̀ежијах* (*ж̀ежах*); *в̀езох* — *в̀езијах* (*в̀ести* — *в̀езѐм*); *ч̀у̀х* — *ч̀у̀ј̀ах* (*ч̀у̀ти* — *ч̀у̀ј̀ѐм*), *у̀мј̀ех* — *у̀мијах* (*у̀миј̀ети* — *у̀миј̀ѐм*); *в̀ид̀ј̀ех* — *в̀ид̀јах* (*в̀ид̀ј̀ети* — *в̀ид̀ѐм*), *к̀а̀ј̀ех* — *к̀а̀ј̀ах* (*к̀а̀ј̀ати* — *к̀а̀ј̀ѐм*).

б) В глаголах, имеющих различное ударение в неопределенной форме и настоящем времени, аорист следует ударению неопределенной формы, а переходящее — настоящего времени.

Так, аорист множественного числа *кл̀ємо* — *кл̀еши* — *кл̀еше* (1-е лицо единственного числа *кл̀ѐх*, — не знаю почему; 2-е и 3-е лицо единственного числа *кл̀ѐ* — по правилу, о коем ниже)¹, переходящее *к̀у̀нијах* (*к̀у̀нах*) — *к̀у̀ниј̀емо* — *к̀у̀ниј̀ете* — *к̀у̀ниј̀еху* (*кл̀ѐти*, *к̀у̀нѐм*); от настоящего времени *ж̀нѐм*, переходящее *ж̀н̀ах*; от настоящего времени *ж̀а̀нѐм* — *ж̀а̀нах*; между тем аорист по образцу *кл̀ѐх* — *ж̀ѐх* (неопределенная форма *ж̀ѐти*); при *п̀ѐти* — *п̀ѐнѐм* переходящее *п̀ѐнах*; при *ѝћи* (повелительное наклонение *ѝди*) аорист — *ѝдох* (*дáђох*), при *ѝдѐм* переходящее *ѝд̀ах* — *ѝђах*; при *мр̀иј̀ети* аорист *мр̀иј̀ех*; при *мр̀ѐм* переходящее *мр̀ах*; при *т̀днути* аорист *т̀днух*; при *т̀днѐм* переходящее *т̀днах*; *мл̀ѐх* (*мл̀ѐти*), *м̀ѐлах* (*м̀ѐлѐм*), *н̀дсих* (*н̀дсити*), *н̀дшах* (*н̀дсѐм*),

¹ По Мажураничу, здесь *кл̀ѐ* — *кл̀ѐ* — *кл̀ємо* — *кл̀ете* — *кл̀еше*.

вѣдах (вѣдити — вѣдѣм), *вѣжах* (вѣзити), *мѣлах* (мѣлити), *прѣшах* (прѣсити), *хрѣнах* (хрѣнати — хрѣнѣм), *мѣтах* (мѣтити), *гнијеѣх се* (гнијездити се), *лѣблах* (лѣбити)¹, аорист *пѣсах* (пѣсати), преходящее *пѣсах* (пѣшѣм); аорист *чѣвах* (чѣвати), преходящее *чѣвах* (чѣвѣм), аорист *купѣвах* и преходящее *кѣповвах* различаются ударением, так что первая форма ближе к неопределенной форме *купѣвати*, а вторая, по крайней мере по месту ударения, — к настоящему времени *кѣпујѣм*. Впрочем Мажуранич акцентирует аорист *купѣвах*, 3-е лицо *кѣпова*, а преходящее *кѣпих* (Slovnica hërgvatska, 90).

Тоническая связь преходящего с настоящим временем, а аориста с неопределенной формой согласуется с тем, что в старославянском в некоторых разрядах преходящее относится по образованию не ко второй теме, а к первой. Так во многих глаголах $\frac{-не-}{-ну-}$ — $\frac{-не-}{-нж-}$, но аорист не имеет гласного характера (*двиг-ох*), подобно тому, как некогда не имела его неопределенная форма (сербское *дѣћи* древнее по образованию, чем старославянское *двигнжти*), а преходящее снабжено характером, как и настоящее время (*двигнѣх*, *двигнж*), преходящее *бер-ѣ-ахѣ*, *женѣахѣ*, *зовѣахѣ* — по форме корня относится к первой теме (*берж*, *женж*, *зовж*), а аорист *брахѣ*, *звахѣ*, *гнахѣ* — ко второй. По мнению Миклошича (Vergleichende Grammatik, V. II, § 241), в некоторых преходящих: *красѣвах*, *минѣвах*, встречаемых большей частью в позднейших старославянских памятниках, лежит тема настоящего времени, а не видоизменение второй темы **-ова-** в **-уа-**.

К сказанному остается прибавить несколько подробностей.

§ 2. РАЗЛИЧИЕ АОРИСТА И ПРЕХОДЯЩЕГО

Относительно различия аориста и преходящего. В нескольких сербских глаголах (настоящее время, оба прошедших простых и повелительное наклонение) приставляется *д* (из *да* = *дѣ*) частью прямо к корню (*зна-д*), частью к теме (*им-а-д*, *ши-е-д*, *хтје-д*) (у Вуича *знѣѣх* — *знѣдох*, *ѣмаѣх* — *ѣмадох*). И в этих глаголах преходящее время сближается по ударению с настоящим, отличаясь от аори-

¹ Однако *лѣмѣлах* (*лѣмити* — *лѣмим*), *дѣжах* (*дѣжити* — *дѣјѣм*), *лѣжах* (*лѣжити* — *лѣјѣм*), *ѣчах* (*ѣчити* — *ѣчѣм*).

ста *знáдем* — *знáдијах* (по Мажураничу; у Даничича *знáдијах*), *знáдох* — *знáти* (= повелительному наклонению *знáди*); *имáдѣм* — *имáдијāх* (так Мажуранич; у Караджича *имáдијах*). У Даничича (Облицы, 109) *ѹмадијах* — *ѹмаѣах*, *ѹмадох* (ѹмах, ѹмати), *смјѣдох* — *смјѣдијах*; *мнѹдијах* (так Караджич и Даничич), аорист *мнѹх*, как *мнѹти*; другая форма преходящего времени *мнѹах*, *хтјѣдох* (*хтјѣти*), *шѣадијах* (Д а н и ч и ч, Облицы српскога језика).

Для аориста у Мажуранича п р а в и л о: все глаголы, имеющие на каком-либо слоге в неопределенной форме менее тяжелое или острое ударения, изменяют их во 2-м и 3-м лице единственного числа аориста в более тяжкое и облученное, которые правильно переходят на предыдущий слог, если таковой имеется, в виде менее тяжкого (Slovnica hèrvatska, § 182). Согласно с этим правилом находим у Даничича: *плѣтох* — 2—3-е лице *плѣте*, *плѣтосмо* — *плѣтосте* — *плѣтоше*; *грѣбох* — *грѣбе*; *пѣкох* — *пѣче*; *жѣнах* (*жѣнѣм*); *жѣнох* — *жѣнем*; *вѣзох* — *вѣзе*, *тонѹх* — *тѣну*; *нѣсих* — *нѣси*; но не согласно с изложенным правилом *купѣвах* — 2—3-е лице *кѹпова*, ибо усиленное ударение на втором слоге должно перейти на первый слог в виде *кѹ*, а не *кѹ*, что и находим у Мажуранича аналогично с *говѣрих* — *говѣри* — *говѣрисмо*; *прѣкопах* (*кѣпах*) — *прѣкопа* (*кѣпа*) — *прѣкопасмо*; *понѣсох* (*нѣсох*) — *пѣнесе* (*нѣсе*) — *пѣнесосмо*. Далее у Даничича: *пѣсах* — 2-е и 3-е лице *пѣса*, *ѹмјех* — *ѹмје*, *чѹвах* — *чѹва* вместо ожидаемых *пѣса*, *ѹмје*, *чѹва*.

Несмотря на эти частные разногласия, усиление ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа аориста не подлежит сомнению, по крайней мере в некоторых разрядах; и в церковнославянской русской редакции донныне аористы некоторых глаголов имеют во 2-м и 3-м лице единственного числа ударение на слоге, предшествующем тому, на котором стоит ударение в остальных лицах того же времени. Так, в следующих:

II, 1, а: *идѣхъ* — *ѹде* (*снѹде*, *изѹде*, *приѹде*, *преѹде*), но *приидѣхомъ* (*идѣсте* — *идѣша*); *обрѣтохъ* — *обрѣте(ся)*, *приобрѣте*, *срѣте* — *срѣтохомъ*; *отверзѣхъ* — *отвѣрзе* — *отверзѣша*, *возмогѣхъ*; *не мѣже*, *не возмогѣже*, *вергѣхъ*, *испровѣрже*, *повѣрже*, *свергѣша*, *сѣдѣхъ* — *сѣде*, *всѣде*, *сѣдѣша*, *лѣзѣхъ* — *влѣзе*¹.

¹ Формы *сѣде* и *лѣзе* приведены здесь потому, что остальные лица аориста этих глаголов имеют другое ударение (*сѣдѣша*, *лѣзѣша*), отклоняясь таким образом, от правила, что аорист вообще удерживает

Во многих других глаголах подобного строения этих переходов нет: *спасé, понесé, возведé, потрясé ся, речé, возложé, падé ся, облечé ся, прозябé, оживé*. Аористы от глаголов I разряда, образованные одинаково с вышеприведенным, тоже сохраняют постоянное ударение на гласной временного характера: *снѣдóхъ — снѣдé, дадóхъ — предадé*.

Из II, 1, б заметим редкий случай — *начатъ* (3-е лицо единственного числа аориста), обыкновенно *начáтъ*. В односложных формах аориста, как настоящего времени и других, как мы уже видели, движение ударения внутри простого слова заменяется переносом ударения на предлог.

Из II, 1, в — *умре* (постоянно), *измрѣша* и пр., но *прострѣ — прострѣша*.

Из IV разряда: *постигóхъ — пости́же; воскресѣша — воскрéсе, воздвигѣша — воздвѣ́же, (вскисѣша) — вскíсе, померкѣша — помѣ́рче, (издхѣша) — издше, гáше, однако потопé и др.; вместо усѣкнухъ — усѣкну можно было бы ожидать усѣкнѣхъ — усѣкнѣ́, но коснѣ́ся, минѣ́ и др.*

В остальных разрядах (III, V, VI) ударение аориста (не исключая 2-го и 3-го лица единственного числа) согласуется с ударением неопределенного наклонения.

§ 3. УДАРЕНИЕ АОРИСТА В БОЛГАРСКОМ

Немногое, известное нам об ударении аориста в болгарском, состоит в следующем.

Подвижности ударения в болгарском аористе нет. Переносу ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа на предшествующий слог в церковнославянском (и старорусском), — respective усилению ударения, — в тех же лицах в сербском соответствует в болгарском постоянное ударение во всех лицах аориста на слоге, предшествующем временному характеру; притом не во всех тех глаголах, где усиленное ударение в сербском.

В глаголах II, 1, а: настоящее время *бодѣ́*, аорист *бóдох — бóде, бóдохмо — бóдохте — бóдох*; преходящее (с ударением настоящего времени) *бодѣ́нах — бодѣ́ше, бодѣ́хми — бодѣ́хте — бодѣ́х*; *ведѣ́, идѣ́*, аорист *дáдох — дáдохте, извѣ́-*

ударение неопределенного наклонения (*сѣсти, лѣзти*). В исправленной псалтыри читаем: «Иже не иде на совѣтъ нечестивых и на седище губителей не сѣде».

де, завéде; предѣ́ — прéдох; рекѣ́, аорист обрече́ (обещал); сѣкѣ́ — насѣче; пекѣ́, аорист пéкох — пéче (опечé — Б е с с о н о в, Болгарские песни, 117); четѣ́ — прочéтох; влѣкѣ́ сѣ — привлѣче (ibid.); плетѣ́ — плéтох; несѣ́ — донéсох — донéсе.

Сюда же относятся аористы двух глаголов I разряда, в болгарском, кроме 1-го лица настоящего времени, перешедших во II разряд, при *ям*, *ѣдѣш — ѣдé, ѣдém — ѣдéте — надѣ́т*, аорист *ѣдох — ѣдохте*.

При *дам — дадѣш — дадé, дадém — дадéте — дадѣ́т* аорист *дадох — даде́* (пода́де). Ударение аориста здесь очевидно отлично от ударения настоящего времени, как тому и быть следует¹, но оно, за исключением *прéдох, сѣкох, ѣдох, дадох, найдох*, не сравниваемо с неопределенным наклонением *да́ти* (так как корень другой), отлично и от ударения, предполагаемого и в потерянном неопределенном наклонении, и в этом мы видим позднейшее и исключительно болгарское явление. Первоначально в болгарском должно было быть такое ударение аориста, как в сербском, именно *бодóхъ* (согласно с неопределенным наклонением *бостí* с неударяемым коренным слогом) — *бóде*. Затем ударение 2-го и 3-го лица распространилось на прочие лица. Образцы аориста других разрядов: II, 2: *перѣ́ — пра́х, берѣ́ — бра́х, дерѣ́ — дра́х; зовѣ́ — зва́х, ковѣ́ — кова́х*; III, 1: *кóлѣж — кла́х, по́рѣж — пра́х* (порю); III, 2: *ма́ж* (vegweile) — *ма́jah*; IV: ударение в аористе постоянно на корне; V, 1: *врѣ́тѣж — врѣ́тах; грѣ́мѣж — грѣ́мѣх; изгорѣ́х* (но западное *подгóръ* — Б е с с о н о в, Болгарские песни, II, 36); V, 2: ударение на характере *ѣ*: *пожлѣ́тъ, разболѣ́ сѣ*; V, 3: согласно с ударением настоящего времени — *поцвѣ́ли* (настоящее время *цвѣ́лѣ*), *изва́ди* (*изва́диж*), *чи́ни* (*чи́ниж*), *ско́чи* (*ско́чиж*).

¹ Исключаются *ѣдох = ѣдж* (ибо *вѣ́дѣ, вѣ́дѣх*); *похвали́ — похвалѣ́*; *сѣгрѣ́ших — сѣгрѣ́шь — V, 4; разигра́ся* (*игра́ж*); *кади́хж* (*кадѣ́*), *кροίх* (*кροίж*). Болгарское *дойдох* (ни аорист, ни преходящее. Н. В. ударение; у Бессонова — Болгарские песни, II, 46) — аорист *поведé — заведé, дадé* (аорист *освдла́*).

VI. ПРИЧАСТΙΑ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИЧАСТΙΑ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НА -ЛЪ

Причастия эти разделяются на: 1) имеющие одинаковые ударения во всех трех родах и двух числах и 2) имеющие ударение различное.

1) Неизменно сохраняют ударение неопределенной формы причастия от глаголов III, 2 ($\frac{-je-}{-a-}$); IV, 2 ($\frac{-не-}{-ну-}$); V и VI. Из разряда IV сюда не подходят IV, 1 — глаголы, лишенные характера в некоторых формах второй темы. Между ними встречаются еще, хотя изредка, глаголы, от коих причастия имеют подвижное ударение (*досѣћи = сѣћи — сѣгао — сѣгла = малорусскому дoсягті (сягну) — досяг — досягла*). Исключаются: односложные во втором образце, III, 2, б — *стлать, здать*; один глагол V разряда — *родить*, от коего: *родил — родила — родило, родили*. Между всеми глаголами III, 2—VI разрядов общее то, что в старинном языке (до потери глухих звуков) во всех их вторая тема двухсложная. Глаголы, как *мстить, тмить*, которые представляются исключениями с точки зрения современного языка, в старинном — вовсе не исключения *мьсті-ти, тьмі-ти*.

Относительно постоянства ударения во всех родах и числах причастия на -лъ изложенное правило, безусловно, годится и для сербского; относительно согласия ударения с ударением неопределенной формы — с некоторыми, впрочем сомнительными, ограничениями. Ср. *кајати — кајао — кајала — кајало; писати — писао — писала — писало; тонути — тонуо — тонула — тонуло; вїдјети — вїдјео — вїдјела — видјело; умјети — умїо — умјела — умјело; носити — носїо — носила — носило; чувати — чувао — чувала — чувало*; однако, по Даничичу, *куповати — куповао — куповала — куповало*, хотя, по Мажураничу, по-видимому, вернее, т. е. древнее: *куповао — куповала — куповало — куповали*.

2) Остальные разряды (I — III, 1 и IV, 1) имеют то общее, что (за исключением нескольких глаголов II, 2: *стнать, сосать* и пр.) и в древнем языке их тема односложна. Русские полногласные глаголы, как *стеречь, тереть, колоть*, предполагают односложные формы: *стрѣ-, трѣ-*,

кла- и уравниваются в тоническом отношении с односложными глаголами, как существительные *бóров, бéрег* (= *брáв, брêг* = *брÿјег*) с *дрÿг* (*дрÿг*) и пр. Можно бы сказать, что вторая тема в разрядах I, II, III, 1 и IV, 1 не имеет характерной гласной, но этому мешают глаголы II, 2 (*рвáти, брáти*), в коих тема, хотя уже в очень древнее время была односложна, но тем не менее имеет по всей вероятности гласную характера **-а-**.

По отношению к причастию **-ль** разряды эти заключают следующие различия.

а) Глаголы образцов *вестÿи, мочь* (= *мочи*), т. е. имеющие в русском ударение на окончании **-тÿи**, в сербском `или` на корне, в женском и среднем роде единственного числа и во множественном числе причастия **-ль** в русском переносят ударение на окончание (*вел* — *велá* — *велó*, *вели*), в сербском усиливают ударение неопределенной формы в мужском роде единственного числа и оставляют его неизменным в остальных формах: *плèсти* — *плèо* — *плèла* — *плèло*; *мèсти* — *мèо* — *мèла* — *мèло*; *грèпсти* — *грèбао* — *грèбла* — *грèбло* (и по этому образцу *гнèсти, нèсти, тèпсти* и др.); *мòћи* — *мòгао* — *мòгла* — *мòгло*; *лèћи* — *лèгао* — *лèгла* — *лèгло*; *рèћи* — *рèкао* — *рèкла* — *рèкло*.

В русском *шёл* — *шла* — *шлó* = сербскому *шао* — *шла* — *шлò* в сущности равно по ударению предыдущим формам, что становится очевидным, как скоро ударение `переходит в виде ` на предшествующий слог: *йшао* — *йшла* — *йшло* — *йшли* = малорусским *йшóв* — *йшла*; *дòшао* — *дòшла*; *вèзти* (*вèз* — *вèзао* — *вèзла* — *вèзло* = *вез* — *везлá* — *везлó*); *рàсти* — *рàстао* — *рàсла* — *рàсло* и, таким образом, *трèсти, мèсти* (*мáти*), *дÿбсти, скÿбсти, зèбсти*. В малорусском отлично и от сербского *скÿбла*, потому что отлична уже неопределенная форма *скÿбти*. Великорусское *зýбла* не от *зýбтÿи*, а от *зýбнуть* (в малорусском сюда *рív* — *ревлá* — *ревлó* от *ревтÿи*).

Из глаголов IV, 1, б сюда относятся три малорусских глагола: *тягтÿи* — *тягнÿ* — *тяг* — *тяглá* — *тяглó* — *тягли*; *простяг* — *протяглá* — *протяглó*, *сгтÿи* — *сгнÿ*; *досг* — *досяглá* — *досяглó*; *одгтÿи* — *одгнÿ* — *одг* — *одглá* — *одглó*. В великорусском литературном нет ни одного из них. В сербском тоже лишь очень немногие этого образца имеют в неопределенной форме менее тяжкое или острое на корне. Из них *лèћи, рèћи* с причастиями (*лèгао* — *лèгла* — *лèгло*; *рèкао* — *рèкла* — *рèкло*) могут вовсе не от-

носиться к IV разряду, потому что имеют настоящее время не только *лѣгнѣм*, *рѣкнѣм*, но и согласно с русским *лѣжѣм*, *рѣчѣм* (последнее отлично по ударению от русского). Затем остальные несколько глаголов *запрѣћи* — *зѣпрѣгнѣм*; *досѣћи* — *досѣгнѣм*; *мѣћи* — *мѣкнѣм*; *улѣћи се* — *улѣкнѣ се* (*sich senken*), *прислѣћи* — *прислекнѣм* (уступить), *натѣћи* — *натѣкнѣм*, в коих причастие на -ль может иметь ударение *прѣгао* — *прѣгла* = *прѣг* — *прѣгла* и т. п. В славянских наречиях эти формы не отмечены, кроме *пѣткао* (= *тѣкао*) — *пѣтѣкла*.

Причастиям образца *вѣл* — *вѣла* — *вѣло* — *вѣли* соответствуют по ударению прилагательные неопределенные, как *бел* — *бѣла* — *бѣло* — *бѣлы*; *высок* — *высока* — *высоко* — *высоки* = сербским *бѣжел* — *бижѣла* — *бижѣло*; *висок* — *висока* — *високо*.

б) Глаголы с ударением на корне неопределенной формы представляют по отношению к ударению причастий на -ль два различия:

аа) Следующие глаголы в литературном языке переносят ударение только на окончание женского рода по образцу *был* — *была* — *было* — *были* (см. Востоков, Русская грамматика, § 187, примечание 2): *дать*, *жить*, *быть*, *плыть*, *слыть*, *клясть*, *братъ*, *звать*, *рвать*, *прать*, *ждать*, *бить*, *лечь*, *пить*; *стлать*, *здать* (*зизжду*), *родить*.

Некоторые из этих глаголов по сложении с предлогами (кроме *въ* — постоянное ударение в глаголах совершенных) переносят ударение на предлог в мужском и среднем роде единственного и множественного числа причастия: *дѣдал* — *пѣредал* — *пѣредало* — *пѣредали* — *пѣредала* (*нѣ жил* — *нѣ жила*, *нѣ был*) — *дѣдала*, *пѣролил*, *дѣлил*, *ѣтлил*, *пѣрожил*, *пѣплыл*, *пѣрѣбыл* — *пѣрѣбыло* — *пѣрѣбыли* — *пѣрѣбыла*, *дѣлила* и пр., *сѣздал* — *сѣздало* — *сѣздали* — *сѣздала*.

Таким же изменениям подвергаются причастия предложных глаголов -*ячь*, -*чачь*, *мерѣчь* и *перѣчь*, из коих первые два неупотребительны без предлога, а два последние без предлога имеют в причастии -ль неподвижное ударение: *начал*, *занял*, *рѣзнял* — *рѣзняло* — *рѣзняли*, *начал*, *умер*, *ѣтмер* — *ѣтмерло* — *ѣтмерли* — *ѣтмерла*. Соединяясь с возвратным местоимением *ся*, причастия эти в литературном русском переносят ударение на *ся*, а в остальных формах — на окончания перед *ся*: *дался*, *удался*, *прижился*, *пожился*, *влился*, *начался*, *заперся*, *звался*, *назвался*, *дождался*,

брался, родился, женский род — ась(ся), средний род ось(ся), множественное число — ись(ся).

В малорусском: *брав, звав, прав, ірвав, ждав, слав, родів, умёр — умёрла* («Анхиз з горілочки умёр» — К о т л я р е в с к и й, 31); *одпёр* («Щоб бог душі свій рай одпёр» — *ibid.*) — сохраняют то же ударение в женском, среднем роде и множественном числе. Остальные глаголы изменяют в причастии ударение по образцу: *вів — велá — велó — вели́*, именно: *далó — дали́, жилó — жили́, булó — були́; плилó, клялó, узялó, почалó, лилó, вилó, пилó*. Кроме этих глаголов, в малорусском сюда относятся: *заня́в — заняла́ — занялó, утя́в — утяла́ — утялó — утяли́; нап'я́в — нап'яла́ — нап'ялó; наду́в — надула́ — надулó* («надулась» — Г р е б е н к а, 12), на предлог здесь в малорусском ударение не переносится: *забрáв, почáв, пропів* и пр. Не переносится и на *ся*: *почáвся, удáвся* и пр.

Малорусское наречие здесь н о в е е великорусского, что видно из сравнения с сербским, где, по Мажураничу (*Slovnica hèrvatska*, § 183), имеются двадцать два глагола, коих причастия -л имеют в женском роде на предпоследнем слоге острое ' (= русскому ударению на последнем -ла́), а в среднем роде и множественном числе на том же слоге. Таковы: *дàти — дàо — дáла — дáло — дáли, -е, -а* и по этому образцу: *брàти, прàти, спàти, звàти, жгàти, чѐти — чѐо — чѐла — чѐло — чѐла, -е, -а* и по этому: *јѐти (уз-ети), пѐти, жѐти (жѐм), бѝти (быть) — бѝо — бѝла — бѝло — бѝли, -е, -а* и по этому *гнѝти, вѝти, нѝти — нѝо (= неслъ), нијѐла — нијѐло — нијѐли, -е, -а* и по этому *дрàти, ждр̀ти, п̀рти, стр̀ти, вр̀ти*, разумеется, не в этой форме, в коей приводит их Мажуранич и от коей у него же самого причастия: *тр̀зо — тр̀ла — тр̀ло, умр̀зо — умр̀ла — умр̀ло* (= Даничич *мр̀зо — мр̀ла — мр̀ло*) от формы с -рије: *мријѐти* и пр.

Проверить вполне эти показания нечем, так как Караджич лишь изредка отмечает ударения причастий; но есть основания думать, что многие из приведенных форм в других сербских говорах ударяются не так. Так, у Даничича: *бр̀о — бр̀ла — бр̀ло*, что по-русски было бы *брала́ — бралó*; у Караджича *п̀нијети — п̀нио* (согласно с Мажураничем), *п̀нијела* (а не *понјела*) и, вероятно, *п̀нијело*.

Однако в существовании в сербском языке замеченного Мажураничем типа акцентуации причастия на -лъ, подтверждающего глубокую древность соответствующих явле-

ний в великорусском, сомневаться нельзя: у Караджича находим от *бѣти* (быть) *бѣо* — *бѣла* — *бѣло*, что, за исключением краткости коренного слога в *бѣо*, зависящей от неопределенной формы *бѣти*, соответствует акцентуации прилагательных, как *дрѣг* (дóрог), *дрѣга* (дорогá). Средний род, оставшийся как мужской, *дрѣго* (дóрого) и т. п.

бб) Многочисленные остальные глаголы I, II, III, 1, IV, 1, имеющие ударение на корне неопределенной формы, удерживают это ударение и во всех формах причастий на -ль. В сербском этому соответствует постоянное ` на корне: *прѣсти*, *стрѣћи*, *бѣо* (*бѣти*), *брѣо*, *крѣо*, *мѣо*, *шѣо*, *тѣо*, *дѣо*, *смѣо*, *спѣо*, *чѣо*, *знѣо*. См.: В о с т о к о в, Русская грамматика, 255.

Клáла, *пáла*, *прýла*, *грýзла*, малорусское *пáсла* (но в литературном *спастí* — *спáс* — *спаслá* — *спаслó* — *спаслí*), малорусские *бíгла*, *стрíгла*, *сíкла* (так по-малорусски, но в великорусском неопределенное наклонение может иметь ударение и на суффиксе, и поэтому может быть местами *секлá*) и глаголы II, 1, а с ударением на корне в настоящем времени: *крáла*, *лézла*; сюда *былá* (не от той темы, что *бýду*); *дýла* (*дму* — в малорусском *надулáсь*), *жáла* (*жму*), *жáла* (*жну*), *ýла* (в книжном языке без предлога и с предлогами **из**, **об**, **от**, **при** без эвфонического **н** — В о с т о к о в, Русская грамматика, 255), *м'ýла*, *мёрла* (без предлога), *пёрла* (без предлога), *тёрла*, *простёрла*; малорусское *задёрла*; малорусское *пожёрла* (земля); *гнáла*, *срáла*, *сосáла*, *врáла*, *ткáла*, *мáла*, *жрáла*, *стонáла*, *бýла*, *шýла*, *вопýла* и все глаголы III, 1, а с ударением на корне в настоящем времени и неопределенной форме (*знáла* и пр.), все глаголы III, 1, б (*молóла*), все глаголы IV, 1, за исключением трех приведенных выше малорусских.

Причастия эти, за исключением *мер*, *тер*, *пер*, о коих было упомянуто выше, не переносят ударения ни на предлог (кроме **вы**, стоящего в этом отношении особняком), ни на возвратное местоимение в мужском роде.

В сербском (как штокавском, так и чакавском) русскому ударению на корне и в причастии, как в неопределенной форме соответствует постоянное ударение ` на корне же: *прѣо* — *прѣла*; *срѣо* = *срѣо* — *срѣла* (*встрѣла*), *стрѣгао* — *стрѣгла*; *сјѣо* = *сјѣо* — *сјѣла*, *бѣо* (*бѣти*), *брѣо*, *крѣо*, *мѣо*, *шѣо*, *тѣо*, *дѣо*, *смѣо*, *спѣо*, *чѣо*, *знѣо*. Отклоняются в сербском глаголы II, 1, в, в причастии переносящие ударение на предлог и в таких случаях, где в русском постоянное:

дријети (дрѣти), дрѣо—дрѣла—дрѣло; прѣдријети (прѣдрѣти)— прѣдрѣо — прѣдрѣла (sic — Караджич, Вуич), хотя из дрѣла должно выйти прѣдрѣла; прѣждријети (прѣждрѣти) — прѣждрѣо — прѣждрѣла (как выше), зѣпријети — зѣпрѣо — зѣпрѣла — зѣпрѣло, прѣстријети — прѣстрѣм — прѣстрѣо — прѣстрѣла.

Б о л г а р с к и й. Что в болгарском некогда переносилось ударение на окончание женского и среднего рода в тех же случаях, приблизительно, как в русском и чакавском, — в том удостоверяет акцентуация прилагательных, как *цѣлъ — цѣла — цѣло*, и незначительные следы такого же ударения в причастиях *-лъ*: *билѣ* (Бессонов, Болгарские песни, II, 37; ср. малорусское *булі*), *порасло* (ibid., I, 89). *Плел — плела — плело — плелѣ*; *рекл — рекла — рекло — реклѣ*. В большинстве случаев основная подвижность ударения потеряна: *проклѣла, взѣла, завѣло — завѣли, занѣсло, нашла, отишла, нагнила, рекла*.

Из следующих примеров можно заключить, что тоническое различие второй темы от первой потеряно вместе с неопределенным наклоном и что причастие на *-лъ* по ударению уподоблено первой теме: *писал — писала — писало* (*писа́ть — писáл*; болгарское *пишѣ*; сербское *писа́ти*); *давала* (сербское *давати*, *дáјѣм*, *дáвѣм*; болгарское *давам*); *жѣнила* (болгарское *жѣнѣ*; сербское *жѣнити — жѣнѣм*); *любила* (болгарское *любѣ*, *либѣ*; сербское *люби́ти — люби́м*); *хранила* (болгарское *хранѣ*; сербское *хра́нити — хра́нѣм*); *походила* (болгарское *ходѣ*; сербское *ходѣти — ходѣм*); *водила* (болгарское *водѣ*; сербское *водѣти — водѣм*); *сторила* (болгарское *сторѣ*; сербское *твѣрити — твѣрѣм*, но *за-твѣрити*); *пофалила* (болгарское *фа́лѣ*; сербское *хва́лити — хва́лѣм*); *окѣпала* (болгарское *кѣпѣ*, вероятно, и *кѣпам*; сербское *кѣпати — кѣпѣм*).

Однако в песнях, изданных Бессоновым: *будила* (болгарское *бѣдѣ*), *сърдила* (*сърдѣ*), *позгодилъ сѣ*, *годила* и *сгудила* (болгарское *годѣ*), *проговорило* — I, 89 и *отговорила*. Согласно с русским ударением причастий от глаголов: *лежѣлъ — лежѣла (= -ѣла*; болгарское *лежѣ*), *врѣвѣлъ (врѣвѣ)*, *изврѣтѣлъ (врѣтѣ)*, *родила (родѣ)*, *разболѣлъ сѣ*, *болѣла*; *оголѣлъ*; *закопѣла (копѣ)*, *игрѣло (игрѣ)*. Однако у Бессонова *фанѣла*, *стигнѣла*, между тем как мне не встречалось форм настоящего времени с ударением на характере: форма *видѣлъ* — Б е с с о н о в, Бол-

гарские песни, II, 63 — вместо *вѣдѣль*, предполагаемого русским и сербским, лишена всякого исторического оправдания (*исписувал, правило, наклало, думалъ, слѣшалъ, глѣдалъ*).

§ 2. ПРИЧАСТΙΑ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ

Форма эта производится от темы неопределенного наклонения, но, если это возможно, не сохраняет ударения этой темы, а передвигает его на предыдущий слог. Такое передвижение невозможно, если уже в самом неопределенном наклонении (беспредложном) ударение стоит на первом слоге (*дѣлать — дѣлан*); перенос ударения с коренного слога причастия на проклитику имеет место здесь, как и в других случаях, только в формах односложных (кроме конечного ера).

Исключений из приведенного правила довольно много. Здесь укажем на самое крупное: глаголы VI разряда, б на *-ыва, -ива* и соответствующие им по значению и ударению малорусские на *-ова, -ева* и в причастиях страдательных, как во всех остальных формах, имеют ударение на слоге, предшествующем характеру.

Глаголы без характера во второй теме с корнем на согласную и с ударением на суффиксе. В малорусском с переносом ударения по указанному выше правилу и с постоянным ударением во всех родах и числах: *вѣдена — вѣдено, мѣтена — мѣтено, плѣтено, вѣзено, нѣсено, скрѣбено, запряжено, спряжено (assatum), пѣчено, товчено, волочено*. От *берегтѣ, стерегтѣ* было бы *берѣжено, стерѣжено*.

В определенных формах причастия ударение то же, но в прилагательных той же формы — на гласной суффикса: *плѣтѣный, пряжѣный* (горох), *печѣный, товчѣный, стережѣный, бережѣный*.

Такое ударение неопределенной формы причастия, как *плѣтен, нѣсен*, не есть исключительно малорусское. У Востокова (Русская грамматика) в необластных спряжениях находим беспредложные причастия *пѣчен, скрѣбен* и при них как употребительные только с предлогом: *печѣн, скребѣн* (*испечѣн, соскрѣбѣн*).

Другие неопределенные причастия того же образца, по Востокову, имеют (в литературном, который здесь равен великорусскому) в мужском роде единственного числа ударение на гласной суффикса, в женском, среднем роде и множественном числе переносят ударение на окончание по образцу прилагательных, как *бел* — *белá* — *белó* — *белы́*, и причастия на -л, как *плéл* — *плелá* — *плелó* — *плелы́*, *ведén* — *веденá* — *веденó* — *ведены́*, *плетén* — *плетенá* — *плетенó* — *плетены́*. Несомненно таково ударение в *соблюдén*, *обретén*, *прочтén*, *погребén*, *бережén*, *изречén*, *жжén*; но я сомневаюсь, чтобы формы *ведén* — *веденá* — *веденó* — *ведены́*, *плетén*, *метén*, *везén*, *несén*, *пряжén*, *толчén* — были исключительно употребительные в великорусском. По крайней мере мое ухо привыкло к выражениям, как «коса заплётена», «вещи перевезены», «перенесены», «лошади запряжены».

В определенной форме в литературном языке причастия страдательные принимают второе неорганическое -н-: *погребénный*, *ведénный*, *плетénный*, *несénный*, *жжénный*, *толчénный* (П а в с к и й, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, 120). Прилагательные удерживают одно н и то же ударение, как в малорусском: *плетénный*.

Для сербского языка Мажуранич ставит следующее правило: глаголы (первообразные) с корнем на согласную, если имеют на корне менее тяжкое ударение (*плéсти*, *пèћи*), удерживают его и в причастиях прошедшего времени страдательных именительного падежа мужского рода на том же слоге, а в остальных родах и падежах подвигают на следующий слог: *пèчен* — *печèна* — *печèно* и пр. Глаголы, имеющие в корне острое ударение (*тýћи*), в именительном падеже единственного числа мужского рода причастия изменяют ' в ` (менее тяжкое) и в остальных родах и падежах подвигают это последнее ударение на один слог к концу: *тýчен* — *тучèна* и пр. (Slovnica hèrvatska, § 185). Мажуранич, стр. 88: *мèтен*, *плèтен*, *трèсен*, *вèзен*, *грèбен*, *скýбен*, *тèпен*, *жèжен*, *тýчен*, *вýчен*, но — может быть, по опiske, — *пèчен* (болгарское *печén*).

Согласно с этим у Даничича (Облици српскога језика) *плèтен* — *плетèна* — *плетèно*; *грèбен* — *гребèна* — *гребèно*; *пèчен* — *печèна* — *печèно*; у Караджича (Српски рјечник) *жèжен* — *жежèна* — *жежèно*; определенное: *жèженй̄* — *жèжен̄а* — *жèжен̄о*, но у Даничича от *вèсти* — *вèзём* (ringere аси) *вèзен* — *вèзена* — *вèзено*; у Вуича (Српска граматика)

тѹчен — тѹчена — тѹчено не согласно с правилом Мажуранича. Как бы ни было, сербские *плѣтен — плетѣна — плетѣно* предполагают то же ударение *плетѣн — плетѣнѧ — плетѣнѡ*, а определенное *жѣжени — жѣжѣна — жѣжѣно* с неподвижным ударением предполагает *жжѣни — жжѣна — жжѣно*. То и другое находим в великорусском.

При *и-тѹ* — не от темы ид без характерной гласной первой темы — причастие *ѹден (нѧѹден, прѡѹден — прѡѹдена — прѡѹдено; сербское нѧѹен)*. От *мочи*, равного предыдущему в тоническом отношении, — книжное *изнеможѣн — изнеможѣнѧ — изнеможѣнѡ*. Сербское *пѡможен* (М а љ и г а п и ѣ, Slovnica hѣrvatska, 88) указывает на *мѡжен*.

Глаголы III, 1, б $\left(\begin{array}{c} -je- \\ -н- \end{array} \right)$ — *молѡть — мѡлот, колѡть — кѡлот, полѡть — пѡлот, порѡть — пѡрот, борѡть — бѡрот*. В сербском иначе образовано *мљѣвен (мљѣти — мљѣѣм; вероятно, и от плѣти — плѣѣѣм — плѣѣвен)*.

Глаголы II, 2, а $\left(\begin{array}{c} -je- \\ -ѣ- + -а- \end{array} \right)$. По образцу *ковѧть (ковѧти) — ковѧн, лѡман, снѡван, блѣван, плѣван, клѣван — клѣвана — клѣвано*. В сербском согласно с русским относительно ударения, но с другим суффиксом — *кѡвѧт* (Д а н и ч и ѣ, Облици српскога језика, 117) и отлично от русского *кѡвѧн — ковѧна — ковѧно* (М а љ и г а п и ѣ, Slovnica hѣrvatska, § 186).

В древности акцентуации *кѡвѧн (= основному кѡвѧн)* можно так же сомневаться, как и в *купѡвѧн — купѡвѧна*, которые Мажуранич подводит под одно правило с *кѡвѧн*. Болгарское *ковѧн* — множественное число *обковѧни*.

Глаголы II, 2, б. По образцу *чесѧть — чѣсан, полоскѧть — полоскѧн* идут: *клѣпан, крѣсан, глѧдан, ѡран, тѡптан, ѹскан, кѧчан, пѧхан, нѹзан, лѹван, пѹсан, щѹпан, вѣзан, свѹстан*, но *клеѣтан* и некоторые другие; *слан* и *слан* (от *стлатъ — стелѡ* и *слать — шлю*) вследствие односложности переносят ударение на предлог: *прѡстлан — прѡстлана — прѡстлано, пѡслан*.

Сербские согласно с русским усиливают ударение неопределенного склонения ' в ^, ` в ``: *писати — пѹсан — пѹсат* (Д а н и ч и ѣ, Облици српскога језика, 112), *глѡдати — глѡдан*, и по этому образцу сербские *чѣсан, крѣсан, тѣсан, зѡбан, кѧзан, лѹзан, вѣзан*. Глаголы III, 2, и: *давѧть — дѧван, сербские дѧвати — дѧван*.

Глаголы IV: *обману́ть* — *обма́нут*, *тяну́ть* — *тя́нут*, *помяну́ть* — *помя́нут*. В малорусском хотя эти глаголы могут принимать и другой суффикс причастий прошедшего времени страдательных, но ударение — то же: *обма́нено*, *затя́гнуто*, *помя́нуто*, *протя́гнутий* — *протя́гнений*, *пове́рнутий* — *пове́рнений*, *зго́рнутий* — *зго́рнений*. *Гнуть*, *мкнуть* и *ткнуть* по односложности переносят ударение на предлог: *со́гнут* — *со́гнута* — *со́гнуто*. Малорусские *зі́гнутий*, *за́мкнутий* — *за́мкнений*, *за́ткнутий*.

Такой перенос ударения в причастиях страдательных имеет место не в одних только глаголах с подвижным ударением в настоящем, но и в глаголах, сохраняющих в настоящем времени постоянное ударение на характере: *взбо́лтнут*, *сві́хнут*, *ко́льхнут*, *оку́(н)нут*, *обма́нут*, *всполо́снутый*, *вспу́гнутый*, *отры́гнутый*, *засты́гнутый*, *подстрéкнутый*, *встря́хнутый*, *то́лкнутый*, *заче́ркнутый*, *подче́ркнутый*, *ше́пнутый*.

Усиление ударения есть и в сербском: *га́нути* — *га́нем* — *га́нут*; *звну́ти* — *звне́м* — *звнут*; *грну́ти* — *грнут*; *ма́кнути* — *ма́кнут*, *врну́ти* — *врнут* — *поврнут*, *досе́гнути* — *досе́гнут*, *зави́нути* — *завинут*. Немногие глаголы, отбрасывающие в причастиях страдательных характер -н- (формы исключительно письменной и архаической), колеблются между неподвижным ударением на корне и подвижным; два глагола с ударением на характере в неопределенном наклонении (*гнуть* и *тяну́ть*) образуют причастия (кроме упомянутых выше форм) *согбе́н* — *согбе́на* — *согбе́но* — *согбе́ны*, *протяже́н* — *протяже́на* — *протяже́но* — *протяже́ны*, определенные на -енный и пр.; форма *успе́н* выводится из существительного *успе́ние*; глаголы с ударением на корне — *отто́ржен* и *отторже́н*, *отве́ржен*, но *воздвиге́н* (*воздвиге́ние*) и **движе́н* (*движе́ние*), сербское *ди́жен*.

Впрочем не всегда можно заключать об ударении причастия по ударению существительного на -ие, образованного от причастия. Ср. *пи́сан* — *писа́ние*, *ковáнье*, *колотье́*. У Востокова и Даля *колотье́*. *Чи́тан* — *чита́ние*, *веле́н* — *веле́нье*, *лю́блен* — *любле́нье*, *во́еван* — *воева́нье* (В о с т о к о в, Русская грамматика, 88).

Причастия от тем на -ну- с усиленной конечной гласной архаические, большею частью употребляющиеся только в определенной форме, все ударяют гласную суффикса е: *отринове́н*, **манове́н* (старое), *вдохнове́н*, *обыкнове́н*, *усекнове́н*, *повинове́н* (*повиновение*), *преткнове́н*, *помянове́н* (*помяновение*), *поползнове́н* (*поползновение*), *мгнове́н* (*мгнове-*

ние), *миновѣн* (миновение), *дуновѣн* (дуновение), *помановѣн* (помановение) (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 54).

Глаголы V, 1 $\left(\frac{-и-}{-ѣ-}\right)$. По образцу *держать* — *дѣржан*, *вертѣть* — *вѣрчен* идут: *тѣрпен*, *смѣтрен* и все глаголы с неподвижным ударением на характере в обеих темах: *лѣжан*, *сѣжен*, *гляжен*, *стоян*, *мѣлчан*, *зрен* (*узрен*), **мчѣн* (*прѣмчан*), *дѣржан*.

Сербское. При *држати* — *држѣм* причастие *држѣн* и *држат*. Болгарское. При *дръжѣ* — *дръжѣн*, *врѣтъж* — *врѣтъжн*.

Глаголы V, 1 $\left(\frac{-и-}{-и-}\right)$. Глаголы, имеющие в настоящем времени только подвижное ударение, в причастии прошедшего времени страдательном переносят ударение неопределенного склонения на предыдущий слог: *хвалю* — *хвѣлишь* — *хвалѣть* — *хвѣлен*. Глаголы, имеющие в настоящем времени и подвижное и постоянное ударение на характере, имеют в причастии или только ударение предшествующего образца (*садѣть* — *сѣдишь* — *сѣжен*), или двойное: *чѣрчен* — *чѣрчена* — *чѣрчено* или *черчѣн* — *черчена* — *черчено*. Отпричастные прилагательные имеют ударение постоянно на глагольном суффиксе: *посажѣнный отец*, *дарѣнный*, *варѣнный*, *прощѣнный*, *клеѣнный*, *чинѣнный*, *крошѣнный*, *сушѣнный*, *тушѣнный*, *сучѣнный*, *белѣнный*.

В сербском неопределенного склонения в причастиях изменяется в ` , ' в ^, если в настоящем времени то же ударение (= русскому подвижному ударению): *вѣжен*, *гѣжен*, *нѣжен*, *мѣчен*, *хѣжен*, *вѣжен* и пр., *вѣжен*, *мѣлен*, *пѣштен*, *кѣштен*, *лѣмлен*, *дѣжен*, *лѣжен*, *ѣчен*, *трѣшен*, *твѣрен*, *брѣжен*, *хрѣжен*, *мѣжен*, *бѣчен* (*бѣцити*), *лѣблен*.

Болгарские примеры мало говорят, так как хотя в причастии ударение на том месте, где ему быть следует, судя по русскому и сербскому, но и в настоящем времени глаголов, соответствующих русским с подвижным ударением, в болгарском ударение тоже большей частью на корне: так, при *залѣжен*, *накѣплен*, *хрѣнѣн*, *бѣлен*, *кѣнен* (*приглашен*), *заклѣчен* глаголы *залѣжа*, *хрѣня* и пр. При *напѣен*, однако, *поѣж*; при *кроѣж* — *кроѣн*.

Русские глаголы $\frac{-и-}{-и-}$, имеющие и в настоящем времени

и в неопределенном наклонении ударение на характерной гласной, и в причастиях страдательных ударяют в именительном падеже единственного и множественного числа гласную перед суффиксом, а в женском, среднем роде и множественном числе — окончание: *прощён — прощёна — прощёны*; *лищён, смирён, побеждён, воспрещён, пленён, покорён, ободрён, наводнён, навощён, раздвоён, раздроблён, углублён, погружён, запылён, усыплён, проторён, пленён, покорён, ободрён, наводнён, повторён, обременён, одушевлён, усыновлён*.

Глаголы, заимствованные из церковнославянского с *ра, ла*, имеют ударение только на характере и согласно с этим причастия — на *-ён, -ена, -ено* (*возвращён, приглашён, ограждён, позлащён, сокращён, наслаждён, охлаждён, сохранён, омрачён, осрамлён*), между тем соответствующие им русские глаголы имеют или подвижное, или постоянное ударение на корне и в причастиях страдательных тоже на корне (*позоло́чен* и пр.).

В малорусском приведенные глаголы с ударением на характере или неупотребительны вовсе, или не имеют причастий, однако от малоросса, мало знакомого с литературным языком, можно услышать: *просвѣщена, побѣждена, покóрена, усыно́влен* и т. п., так как вообще ударение *-ён, -ена, -ено* почти чуждо малорусскому.

В сербском русском *лищён — лишена — лишено — лишены* — соответствуют причастия от глаголов с постоянным менее тяжким ударением на слоге перед характером: *брѣжити — брѣжѣм — брѣжен — брожена — брожено*; множественное число *брожени — брожене — брожена*. По этому образцу: *чи́нен, гно́жен, двѣрен, говѣрен* (= великорусскому *говорён*, но малорусское *говѣриш — говѣрено*), *лѣвѣн* (*лѣвити — лѣвѣм* отлично от русского *лови́ть — ловлен*), *лѣжен* (*лѣжити — лѣжѣм* отлично от русского), *погѣжен, рѣжен* (и согласно с этим определенное *роѣени — роѣена — роѣено*, хотя *ро́дити — ро́дим*, как в русском), *со́лен*, (*со́лити — со́лим* отлично от русского *со́лим*), *у́чен* (*у́чити — у́чим* отлично от русского) и др. (см.: *Маѣгапѣ, Slovnicka hěrvatska, § 187*).

В болгарском встречаются причастия, как *позлатён*, но с неподвижным ударением женского рода *позлатѣна*.

Глаголы V, 4, а $\frac{-ae-}{-a-}$ с ударением на *-а-* характера в настоящем времени и неопределенной форме в причастиях

страдательных переносят ударение на предыдущий слог: *бóлтан, бормóтан, брéхан, бýван, вáлян, вáян, вёрстан, вíдан, вéнчан, брóсан, úгран, кáтан, кóпан, кúсан, лóман, мáран, мéнян, мéшан, пúтан, пýтан, стрéлян, сéдлан, úздан, хвáтан, хлéбан, чíтан, úзган, колúпан, полýхан, крómсан, мáкан, мáхан, пелéнан, пúган, пýтнан, сáжан, стрóган, тáскан, тёрзан, трéпан, шáтан, шéптан*. Немногие прилагательные отпричастные имеют ударение на -а характера: *благоухáнный, желáнный*.

В сербском глаголы образца: *пúтати — пúтáм* (' и ^) усилиют ударение и в причастиях: *пúтан*. Таковы: *бáцати, бýвати, дáвати, кúпати, кúсати, лáмати, мијèњати, мијèшати, стрáдати, штúпати, вáвати* и др. (М а ж и г а п и ё, *Slovnica hèrvatska*, § 186, 2). Таким же образом усилиют ударение и те, в коих в настоящем времени и неопределенном наклонении стоит на слоге перед характером ` : *кòпати — кòпáм — кòпан, рачúпати — рачúнам — рачунан*. Таковы: *úграти, мòтати, орúжати, сèдлати* и др. (М а ж и г а п и ё, *ibid.*, § 187, 2).

В болгарском *игра́ж*, — вероятно, *úгран*.

Глаголы VI, а на -овá-, -евá- в неопределенной форме в причастии переносят ударение на предыдущий слог -óва-, -áва-: *балóван, боронóван, вербóван, воéван, волнóван, колдóван, межéван, толкóван* и пр. Так и в малорусском.

На этом основании следовало бы ожидать в сербском (штокавском) *кúпован, дáрован*. Так действительно и говорят некоторые (М а ж и г а п и ё, *Slovnica hèrvatska*, § 187, 2), но у Даничича (Облици српскога језика) только одна форма: *кúповáн — кúповáна — кúповáно*, а Мажуранич более верным считает третье ударение: *купòван — купòвана — купòвано, дарòван — даровáна — даровáно* — согласно с ударением неопределенного наклонения. Как вторая, так и третья акцентуация, кажется, новее первой. Акцентуация глагола *купòвати*, по Даничичу, вообще представляет много странного. Согласно с русским настоящее время *кúпујём*, повелительное наклонение *кúпúјј*, деепричастие настоящего времени *кúпујúћи*, деепричастие прошедшего времени *купòвáвши, купòвáв*, неопределенная форма *купòвати*. Но в аористе при 1-м лице *купòвах* 2—3-е лицо *кúпова* вместо ожидаемого *кúпова*, переходящее *кúповах* вместо ожидаемого (согласно с настоящим временем) *кúповах*, причастие прошедшего времени *кúповао* вместо ожидаемого (и действительно встречаемого у Даничича) *купòвао*, нако-

нец, причастие прошедшего времени страдательное *кѹпован* вместо *кѹпован*. Ни одно из этих отклонений не может быть объяснено только штокавским стремлением подвигать ударение к началу слова. Принимаемая Мажураничем акцентуация *купѹван* отклоняется от правила об усилении ударения в страдательном причастии.

Правило Мажуранича, что аорист согласуется относительно ударения с неопределенной формой, не вполне прилагается к церковнославянскому. В последнем некоторые глаголы разряда II, I с ударением на корне в неопределенной форме следуют образцу имеющих в неопределенной форме ударение на суффиксе: *сѣдѹша, влѣзѹша* (*сѣсти, лѣзти*).

Преходящее ни в одном из наречий не переносит ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа, respect не усиляет ударения в штокавском; в этом последнем *плѣтијаше, вѣзијаше, грѣбијаше, пѣцијаше, кѹпијаше, ѹмијаше* (*умѣ*) с тем же ударением, как и в 1-м и прочих лицах преходящего и как в настоящем времени и согласно с церковнославянским и предполагаемым древнерусским: *плетѣаше, плетѣаше, умѣаше*.

Там, где, по Даничичу, ударение преходящего отлично от неопределенной формы и согласно с настоящим временем в церковнославянском и, вероятно, в древнерусском, — правило, которое Мажуранич выставляет и для сербского, именно, что преходящее следует ударению неопределенного склонения. Сравни штокавское преходящее по Даничичу: *тѹнах* (*тѹнѣм — тѹнути*), *мѣлах* (*мѣлѣм*), *нѹшах* (*нѹсѣм — нѹсити*), *вѹѣах* (*вѹдѣм — вѹдити*), *вѹжах* (*вѹзѣм — вѹзити*), *мѹлах* (*мѹлѣм — мѹлити*), *прѹшах* (*прѹсѣм — прѹсити*), *хрѹнах* (*хрѹнѣм — хрѹнити*), *мѹѣах* (*мѹѣтити — мѹѣтѣм*), *лѹблах* (*лѹбити — лѹбѣм*), *чѹвѣах* (*чѹвѣм — чѹвати*), *пѹсах* (*пѹшѣм — пѹсати*) — с формами у Мажуранича, как *лѹблах, брѹнах* (*брѹнити — брѹнѣм*), *пѹтах* (*пѹтати — пѹтѣм*), и церковнославянскими *моляше, храняше, кричаше* и пр.

Выставленная Даничичем форма преходящего *кѹповѣах — кѹповѣаше*, не согласная ни с неопределенным склонением *купѹвати*, ни с настоящим временем *кѹпујѣм*, согласная только с *кѹповао* и *кѹповам*, могла произойти из *кѹповах* (согласно с настоящим временем, хотя не от темы настоящего времени). У Мажуранича согласно с русским *купѹвах — купѹсѣше — купѹвао*, но *купѹвѣан*.

Где в сербском настоящее время и неопределенное наклонение имеют одинаковое ударение, там и преходящее (по Мажураничу и Даничичу) имеет такое же: *чѹ̀ј̄ах* (*чѹ̀-ј̄ем — чѹ̀ти*), *вѹ̀ђах* (*вѹ̀д̄им — вѹ̀д̄јети*), *чѸ̀пах* (*чѸ̀пати — чѸ̀пам*), *др̄жах* (*др̄ж̄им — др̄жати*), *сл̄вљах* (*сл̄вити*), *д̄ојах* (*д̄ојити*), *ѹ̀чах* (*ѹ̀чити*), *ка̀јах* (*ка̀ј̄ем — ка̀јати*).

В болгарском преходящее, по-видимому, согласуется по ударению с настоящим временем: *бодѣх* — *бодѣше* — *бодѣхме* — *бодѣхте* — *бодѣху* (*бодѣ*), *сѣчѣх* (*сѣкѣ*), *стрижѣх* (*стригѣ*), *вѣртѣх* (*вѣртѣ*), *пи́ах* (*пишѣ*), *сѣдѣх* — *сѣдѣше* (*сѣдѣшѣ*), *дрѣжѣх*, но *ши́јах* (*шишѣ*), *ѹ̀дѣх* (*ѹ̀дѣшѣ*), *пи́шех* (*пишѣшѣ*), *ходѣше* (*ходѣшѣ*), *ронѣше* (*ронѣшѣ*), *молѣше* (*молѣшѣ*), *свѣрѣше* (*свѣрѣшѣ*), *цвѣлѣше* (*цвѣлѣшѣ*), *дѹ̀маше*, *ка̀раше* (*дѹ̀мам, ка̀рам*), *хвѣташе*, *сти́гаше*, *купѹ̀вах* — *купѹ̀ваше*, *пи́сувах*, *ми́наше*(мы), *ста́вяше*, *стрѣлѣхѣ*, *грѣяше*, *по́наше* (*пошѣ*), *зобнаше* (*зобшѣ*), *колиха́ше*, *зарѣчѣше*, *чѹ̀ше* *сѣ*, *вѣѣше* (*вѣтѣ*), *бѣѣше*, *тѣпчѣше* (*тѣпчѣшѣ*), *цѣвтѣхѣ*, *влѣчѣше*, *горѣхѣ*, *жѣнѣхѣ* (Бессонов, Болгарские песни, I, 118), *сто́ахѣ*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Не могут принадлежать ни к какому разряду [глаголы] с характером -а- в неопределенном наклонении, потому что они также лишены этого характера, как и *мѣти*. Ср. русское *моло-ть*, *боро-ть*.

Великорусское и малорусское *колю́* — *ко́лешь* — *ко́ли*, *ко́лючи*, *ко́лол* (малорусское *ко́лов*) — *ко́бла* и пр., *ко́ловши*, *ко́лот* (малорусское *ко́лотий*), *ко́лоть* (малорусское *ко́лоти*).

Разница между великорусским и малорусским, кроме отмеченного в скобках, только в произношении *лѣ*, *ѣ*, *и*. Отклоняется от образца глагол *молотъ*: в первой теме *мелю́* — *мелю́* — *мѣлючи*; во второй — *молоти* и пр.

Ударение в неопределенном наклонении соответствует сербскому: *кля̀ти*, *мѣ̀ти*; в настоящем времени — за исключением 1-го лица: в сербском уже в 1-м лице *кды́ем*, *мѣ́ем*. Повелительное наклонение должно бы быть *кды*, *мѣи*, *плѣти*, но *плијевѣм*.

Глаголы на **-ну-** (Почему начинательный суффикс *sc* только в некоторых временах — P o t t, *Etymologische Forschungen*, 627. Обратитъ внимание на переход **н** в **нѣ** и на разницу. M i k l o s i c h, *Vergleichende Grammatik*, в. II, 433, где ошибочно...).

Некогда характер **-н-** принадлежал только первой теме (настоящее время, повелительное наклонение, причастие настоящего времени и *imperfekt*); вторая тема (аорист, причастие прошедшего времени, 1-е и 2-е неопределенное наклонение) вовсе лишена была характера.

Во всех славянских наречиях вторая тема постепенно уступала и уступает место первой. В сербском она сохраняется в большем числе случаев, чем в древних наречиях, не исключая и старославянского.

Именно [здесь] есть значительное число глаголов, удержавших бесхарактерный корень в аористе или в причастиях настоящего времени, или в причастиях прошедшего времени страдательных, или неопределенном наклонении, или в двух-трех, или всех этих формах вместе: *пăсти*(*пăнути*) — *пăднѣм*; *сјѣсти* (и *сјѣднути*) — *сјѣдох* — *сјѣо* — *сјѣо* — *сјѣднѣм*; *срѣсти* и *срѣтох*, *срѣо* = *срѣо* — *срѣла*, *срѣтнѣм* (и *срѣтѣм*); *крѣнути* (тронуть, поворотить) — *окрѣтох* (и *окрѣтнух*) — *крѣнѣм*; *грнути* — *грнѣм* — *гртох*; *кѣнути* — *кѣнѣм* — *скѣдох*; *ѹгрзнути* — *ѹгрзнѣм* — *ѹгрзех* (и *ѹгрзнух*); *прѣвићи се* — *прѣвикох се* — *прѣвикао се*, *прѣвикнѣм се* и *прѣвикнути се* — привыкнуть. Литовское *puksti*, *pukti* — исчезать, погибать; *смрзнути* — *смрзох*; *побјећи* (*бјѣгнути*) — *бјѣгох* — *бјѣгао* — *бјѣгнем*; *дѣћи* (двинуть) — *дѣгнути* — *дѣгох* — *дѣгао* — *дѣгнѣм*; *врћи* — *вргох* — *вргао* — *врнѣм*; *досѣћи* (*сѣгнути се*) — *сѣгох* — *сѣгао* — *сѣгла* — *сѣгнѣм се*, *лѣћи* — *лѣгох* — *лѣгао* — *лѣгла* — *лѣгнѣм* (и *лѣжѣм*); *стѣћи* — *стѣгох* — *стѣгао* — *стѣгнѣм*; *тргнути* — *трнѣм* — *тргох* — *тргао*; *зámћи* (замкнуть) — *зámкнѣм* — *зámкох* — *зámкао* или *смáћи* — *смáкнѣм* (принять; отодвинуть); *обѣћи се* (привыкнуть) — *обѣкох се* — *обѣкао се* — *обѣкнем се*; *ѹмући* (и *ѹмукнути*) — *ѹмукох* — *ѹмукао* — *ѹмукнѣм*; *клѣћи* — *клѣкнути* — *клѣкла* — *клѣкао* — *клѣкнѣм*; *клѣћи* (*клѣкнути*) — *клѣкох* — *клѣкао* — *клѣкнѣм*; *улѣћи се* (*улѣкнути се*, уклониться) — *улѣкнѣ се*; *мáћи* (*мáкнути*) — *мáкнѣм* — *нáмакох*; *смрћи се* (*смркнути се*) — *смркло се* — *смркнѣ се*; *нѣћи* (*нѣкнути*) — *нѣкох* — *нѣкао* — *нѣкнѣм* (*progermino*); *нѣћи* (*нѣкнути*) — *нѣкох* — *нѣкнѣм* (взводить ру-

жье); *црћи* (цркнути) — *цркох* — *цркао* — *цркнѣм* (лопнуть, треснуть; пропасть); *прснути* — *прскох* (*прскнух*) — *прскао* — *прсла* (*прснуо* — *прснула*) — *прснѣм* (лопнуть, треснуть); *тйснути* — *тйскох* (*тйснух*) — *стйскао* — *стйсла*; *свйснути* — *свйскох* — *свйскао* — *свйсла* (лопнуть, треснуть); *издѣхнути* — *издѣхох* (и *издѣхнух*); *усѣхнути* — *усѣхох* (*усѣхнух*) — *усѣхла* — *усѣхло* (*усѣхнуло*) — *усѣхнѣм*; *пдгинути* — *пдгибох*; *стѣти* — *стѣтох* — *стѣнѣм*; *дјѣсти* (*ддети*) — *дјѣнѣм* и *дјѣдѣм*.

Изредка попадаются и причастия страдательные от чистого корня: *поприджен*, *раскиден*, *стиснен* (Миклошич). Рядом с этим есть и спряжение, в котором -н- проходит через все формы, что отчасти видно из отмеченного в скобках. Старославянское здесь новее в том отношении, что хотя в нем глаголы этого класса с корнем на согласную иногда образуют от чистого корня оба аориста (*двигъ* — *двиговъ* — *двигомъ* и *двигохъ*), причастие прошедшего времени (*двиглъ*), причастие прошедшего времени страдательное (*движенъ*), но только весьма немногие лишены характера и в неопределенном наклонении: таковы, между прочим, *стѣти* — *стѣнж* и некоторые др. (Miklosich, *Vergleichende Grammatik*, В. III, 131).

В польском многие глаголы из рассматриваемых не имеют характера в деепричастии прошедшего времени и в причастии на -ль или только в тех формах этого причастия, которые были бы прилагательными, если бы имели -нж- (*gwiznał*, *gwizła* — *ibid.*, 504). Сверх этого некоторые глаголы не имеют -нж- и в неопределенном наклонении: *śiec* — *śieknę* и менее употребительное *śiekę*, *lec* (от *lecz*) — *legł* — *legnę* (лягу), *biec* — *biegł* — *biegnę* (реже разноспрягаемые, как в русском *biegu* — *bieżysz*), *przać* — *zaprzagł* — *zaprzęgnę*, *rzec* — *rzeknę* — *peku*; *leć* — *legł* — *legnę* (реже *lagł*), *grzać* — *ugrzazł* — *grzęznę*.

Все эти глаголы и в настоящем времени принадлежали некогда только к классу *peku*. Сколько известно, единственные во всех славянских наречиях примеры обратного перехода представляют польские *giać* и *sprozać*. Эти поздние образцы возникают в силу ошибочной аналогии с глаголами, как *жати*: если при *znę* неопределенное наклонение *żać*, то *gnę* (гънж из гъбнж, *rosznę* (по-чи-нж), откуда и **почьнж*) — *giać*, *sprozać*. В чешском и словацком от глаголов с корнем на согласную и с характером -и- в неопределенном наклонении до настоящего времени употреби-

гельны бесхарактерные формы, как *trh*, *trhši*, *trhsě*, *trhl* (словацкое *tuhol*) — *tržem*, но они вытесняются формами с *-ну-*: *tuhnuo* — *tuhnul* — *tuhnul*. В старинном языке встречается и несколько глаголов неопределенного наклонения без *-ну-*: *leci* (новое *lehnouti*), *dosici* (= *dosahnouti*) — *dosahnu*, *zarřici* (*zarřahnouti*) — *zarřahnu*, употребляющихся и теперь (H a t t a l a, *Srovnávací mluvnice*, 282).

Блеснуть, пискнуть, тиснуть, плеснуть, плюсовать, полоснуть, сверкнуть, трескнуть, дернуть, двинуть, брызнуть, тронуть, продрогнуть, дрягнуть, лягнуть, мерзнуть, прыгнуть, пугнуть, ругнуть, стегнуть.

Великорусское *зя́бну* (мерз) — *зя́бни* (зябнешь) — *зя́бнучи* — *зя́бши* — (о)зя́б — (о)зя́бла — *зя́бнуть*; *двинувши* — *двинул* — *двинул*.

Не имеют характера *-ну-* в деепричастиях прошедшего времени и причастиях на *-ль* только глаголы предложные с корнем на согласную, не опускаемую перед *-н-*, и с ударением на корне: *погиб* — *погибши*, *озяб*, *окреп*, *прилип*, *осип*, *ослеп*, *охрип*, *поблек*, *обрюзг*, *отполз*, *привык*, *оглох*, *продрог*, *издох*, *опух*, *засох*, *достиг*, *иссяк*, *притих*, *потух*, *зачах*, *повис*, *увяз*, *погас*, *погряз*, *прокис*, *воскрес*, *замерз*, *исчез*. Без предлога: *киснул*, *мерзнул* и пр.

В этих глаголах и некоторых других формы на *-нувши*, *-нул* менее или вовсе неупотребительны.

Из глаголов, опускающих согласную перед *-н-*, очень немногие (у Павского только два) не имеют характера в упомянутых формах; (*за*)вья́вши, *зая́л* при *вя́ну* (корень *вяд*); *засты́вши* — *засты́л* — *сты́ну* (корень *стыд*, *студ*); *поги́б* имеет при себе не *ги́нуть*, которое тоже употребительно, а *ги́бнуть*.

Остальные с корнем на гласную или опускающие согласную имеют только *-нувши*, *-нул*: *гря́нул* (гром), *пря́нул* (пред), *гля́нул* (глед), *ки́нул* (кид), *тро́нул* (трог), *трѣ́нул* (трѣск), *ка́нул* (кан), *сви́нул* (свист). По этим образцам — два глагола с корнями на гласную: *ду́нул*, *ри́нул* (*су́нул*, *клю́нул*, в коих нет нужды предполагать опущение *в*), и все с ударением на *-ну-*, все равно, опускают ли они согласную перед *-н-* или нет: *гь́нул* (гьб), *прильну́л* (льн), *успи́л* (сьн), *утони́л* (тон), *тяну́л* (славянский корень *тжг*, неорганически образованный из *тан*, санскритское *танъти* из *тан-нъти*, тянешь, растягиваешь), *верну́л* (врьт), *окуну́л* (кун); *помяну́л* (мъ, мьн), *толкну́л* и т. п. *Усо́пший*, *уто́пший* — архаизмы, сохраненные книжным путем.

Неопределенное наклонение не имеет характера только в двух глаголах: *стать* — *ставши* — *стал* — *стану*, *дѣть* — *дѣвши* — *дѣл* — *дѣну*.

Причастий прошедшего времени страдательных без характера (как *согбен*, *движен*) в живом языке не заметно, а есть образованные от них архаические и книжные формы: *движение*, *протяженный* — *протяжение*, *восторженный*, *достижение*; народная: *привычный*.

Заимствованы из церковнославянского книжные формы, предполагающие причастия на *-новень*: *дуновение*, *усекновение*.

Сокращают *-и* в *-ь*, в повелительном наклонении по образцу *глянь* глаголы на гласную ударяемую (*стань*, *дунь*, *плюнь*) и на одну согласную, опускаемую перед *-н-*, если ударение на коренной гласной (*вянь*, но *свисни*, *трѣсни*).

Из того, что опущение характера *-ну-* в известных формах возможно только в глаголах с ударением на корне, не следует, что все глаголы с ударением на характере *-нунее* тех, которые имеют ударение на корне. Однако эти последние образуются только от чистых корней с основной или ослабленной гласной (*сѡхнуть*, *глѡхнуть* — церковнославянское *сѡх*, *глѡх*), между тем, как между первыми есть и глаголы, в коих характер *-н-* присоединяется к другому классовому характеру: *рвануть*, *зѣвнуть* (от *зѣваю*, в коем *а* опущено, а эвфоническое *в* осталось), *махнуть* (*х* — эвфоническое в *махāju* = *(по)мавати*, *вихнуть*, малорусское *вихати*), *колебать*, *качать*, корень *ви-* — польское *wuwiјаb* (шевелинуть, гульнуть).

Малорусское *мѣрзну* — *мѣрзни* — *мѣрзули* (*мерзши*) — *мѣрзучи* — (*з*)*мѣрзши* — *мѣрзла*, *глянувши* — *глянув*—*глянь*, *пригорнутий*.

«Він, як муха в зіму, слиз» (Котляревский, 32), «Из-за гори два соколи ленé» (Гродненская губ., Кобринский у., село Озяты — Сборн. Сев.-зап. кр., 16) = *летать*; Сокол говорит: «Ой лісу, лісу... Через тебе лѣну, крыльцем не тѣну, Крыльцем не тѣну (корень *тен-*), пирцем не рухну» (*ibid.*, 87). *Поглинуть* (глотать) (Черниговская губ.: здесь *ы* и *и* различны).

-И в повелительном наклонении сокращается при тех же условиях, как и в великорусском *уплѣнь*, *полѣнь* (из *полѣній*, *полѣній*) и «прилені» (Метлинский, 60), *захолѣнь*, *в'янь*, *стань*, *дѣнь* и т. п.

Неизменность характера *-ну-* в деепричастии прошедшего времени и в причастии на *лъ-*: *згіб, прилип, осліп, охрип, привик, здох, смерклося, змок, замовк, запах, засох, затих, затух—затухне, в'яз, гас, пас, крес, мерз, щез, зав'яз, (за)холов (холонув), застиг (корень стид), простяг и протяг, одягшись — одягся (одягну), поблід — поблібла, став, плив («Плив, плив, плив він, що аж обридло, І море так йому огидло, Що...» — Котляревский, 8).*

Не имеют *-ну-* в неопределенном наклонении *тягті—тягнү, замёрзти — замёрзну, стійгти—стігну* (стид), *одягті — одягнү, стáти — стáну, діти — діну, досягті — досягнү, здóхти — здóхну, зустріти — зустріну.*

УДАРЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

І. СКЛОНЕНИЕ 1-е

§ 1. ИМЕНТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. Малорусским и великорусским существительным односложным в именительном падеже, сохраняющим ударение на первом слоге в родительном падеже единственного числа, соответствуют сербские:

а) С $\hat{\ }$ в именительном падеже единственного числа сохраняющие то же ударение в родительном падеже: *сѣн — сѣна, дѣб — дѣба*.

б) С $\hat{\ }$ в именительном падеже и с $\grave{\ }$ на первом слоге в родительном падеже: *бѣк — бѣка, гнѣј — гнѣја*.

в) С $\grave{\ }$ на том же слоге в именительном и родительном падеже: *брѣт — брѣта*.

Сюда следует отнести русские двухсложные полногласные существительные, коим соответствуют сербские односложные.

Эти двухсложные служат чуть ли не единственным доказательством, что в русском была некогда разница между $\hat{\ }$ и $\grave{\ }$. Словам с $\hat{\ }$ соответствуют русские с ударением на первом слоге (*влѣс, глѣд, глѣс, жлѣб, клѣс, слѣд, хлѣд, врѣг* (ошибочно у Лавровского *врѣг*), *врѣн, врѣт, грѣд, прѣх, срѣм, брѣг, брѣст*), а сербским с $\grave{\ }$ — русские с ударением на втором слоге (*влѣх, грѣх, мрѣз, прѣм, прѣг*).

2. Малорусским и великорусским двухсложным с одинаковым ударением в именительном и родительном падеже единственного числа соответствуют:

а) Сербские с $\hat{\ }$ на первом слоге и второю беглою гласною: *бѣбон — бѣбна*.

аа) Сербские с $\hat{}$ на первом слоге и второю постоянною гласною: *tāбор*.

б) С $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге и второю гласною беглою: *vjèтар — vjèтра*.

бб) с $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге и второю гласною постоянною: *гдлуб*.

в) С $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге в именительном падеже и $\hat{}$ на первом слоге в родительном падеже и второю беглою гласною: *стāрац — стāрца*.

г) С $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге в именительном и родительном падеже: *jèлен*.

д) С $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге: *зāклад, зāкон, зāлив, зāлог*.

В первых трех случаях русское ударение на первом слоге, во вторых — на втором.

3. Образцы многосложных с одинаковым ударением в именительном и родительном падеже: *tāтарин, госпōдин, црндōгорац, влāдалац — влāдаоца*.

Русским с ударением в родительном падеже на конце соответствуют:

Односложные:

а) $\hat{}$ в именительном падеже, $\hat{\ }^{\prime}$ в родительном падеже: *двōр — двōра*.

аа) $\hat{}$ в именительном падеже, $\hat{\ }^{\prime}$ в родительном падеже: *вōл — вōла*.

б) $\hat{\ }^{\prime}$ в именительном падеже, $\hat{\ }^{\prime}$ в родительном падеже: *снōп — снōпа*.

Двухсложные:

а) $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге в именительном и родительном падеже: *òгаъ — òгъа*.

б) $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге в именительном падеже и $\hat{\ }^{\prime}$ в родительном падеже: *òвас — òвса*.

в) $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге в именительном падеже и на втором слоге в родительном падеже: *жйвот — живòта*.

г) $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге в именительном падеже и $\hat{\ }^{\prime}$ на втором в родительном падеже: *рйкав — рукава*.

д) $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге и в именительном и в родительном падеже: *пётак — пётка*.

В русском полногласные слова этого разряда (т. е. имеющие $\hat{\ }^{\prime}$ в сербском на первом слоге), по-видимому, отличаются от имеющих в сербском $\hat{\ }^{\prime}$: ср. *глāсак — клāсак, лāдак* (холодок), *прйтак, влāтак* (волоток); *влāсац, брāвац, грāдац, врāнац, врāбац, ждриjèбац* и с другой — *грāшак* (от *грāх*) — *горóшек*. Такого различия не следовало бы

ожидать, потому что по правилу сербскому ` на первом слоге и сербскому ' на первом должно бы одинаково соответствовать русское ударение на втором.

Однако *грáшак* = *горбшек* не есть единственный случай удержания в русском производном слове ударения на том же слоге, на котором оно стояло, и изменения в сербском этого ударения (``) на менее тяжкое ('): ср. *брèзица*, *клядица*, *кравца*, *мрèжица*, *трèшница*, *брèзов*, *граов*, *кравтов*, *трèшнов*.

Многосложные:

а) На втором слоге в именительном падеже ` , а на третьем в родительном падеже ' (ср. выше г): *господар* — *господара*.

§ 2. ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Малорусское народное, сохранившее в единственном числе звательный падеж, сберегло и свойственное этому падежу ударение. В с а н с к р и т е звательный падеж всех трех чисел имеет ударение на первом слоге, переносит на него ударение, если в именительном и других падежах оно стояло на втором слоге или на следующих. Так, именительный падеж единственного числа *питâ'*, *мâtâ'*, звательный *пítар*, *мâ'тар*; именительный падеж множественного числа *питáрас*, *матáрас*, звательный *пítарас*, *мâ'-тарас*.

Остатки подобного явления сохранились и в греческом; ср. звательный падеж *пáтер*, *μῆτερ* с винительным *патéра*, *μητέρα* (санскритское *питáрам*, *матáрам*).

В с е р б с к о м для ударения в звательном падеже следующие правила:

а) Слова с ^ или `` на первом слоге в родительном падеже в звательном этого ударения не меняют.

б) Имеющие в родительном падеже единственного числа ' или ` на первом слоге в звательном падеже изменяют ' на ^, ` на ``; *кравь* — *кравья* — звательный падеж *кравью*, именительный падеж множественного числа *кравьи* — звательный *кравьи*; *желен* — *желени*, звательный падеж *желене* (так по Мажураничу, у Даничича *желене*); множественное число и именительный падеж и звательный *желени*; *пõп* — *пõпа* — *пõпе*, именительный падеж множественного числа *пõпи* (звательный не знаю); *õтац* — *õца* —

оче, множественное число именительный падеж *ѡци* (звательный не знаю); *ѡрло* — *ѡрла* (звательный падеж должен быть *ѡрле*).

в) Имеющие в родительном падеже единственного числа ' на втором слоге получают в звательном падеже единственного и множественного числа более тяжкое ударение (˘) на первом: *ѡрѡч* — *ѡрѡча*, звательный падеж *ѡрѡчу*, именительный падеж множественного числа *ѡрѡчи*, звательный падеж *ѡрѡчи*.

г) Имеющие в родительном падеже единственного числа ' на третьем слоге в звательном падеже получают менее тяжкое (˘) на первом: *погаѡч* — *погаѡча*, звательный падеж *погаѡчу*. Не можем решить, есть ли штокавское ударение звательного падежа в) и г) исконное, или же оно позднейший результат свойственного этому наречию стремления передвигать ударение к началу слова. По-чаковскому должно быть вместо штокавского *ѡрѡч* — *ѡрѡча*, *госпоѡр* — *госпоѡра*, как по-русски *ѡрѡч* — *ѡрѡчѡ*, *госпоѡр* — *госпоѡрѡ*.

Будет ли и при таком ударении родительного в звательном падеже ударение стоять на первом слоге?

В малорусском все имеющие в родительном падеже единственного числа ударение на последнем слоге в звательном переносят это ударение на п р е д п о с л е д н и й. Дальше ударение не заходит: *корѡлю*, *пѡпе*, *ѡтче*, *ѡрле*, *соколе* (и *сѡколе* — от *сѡкил*), *солѡвю*, *богѡтирю*, *богѡчу*, *козѡче*, *молѡдче*, *шинкѡрю*, *ковѡлю*, *Сѡрку*, *чередниче*. Исключения: *синочку*, *пѡночку* (если от *синочок*, *пѡночок*).

При других условиях ударение в звательном падеже на том же месте и, по-видимому, то же, что в именительном падеже. Во множественном числе разница между именительным и звательным падежами потеряна.

§ 3. ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

а) Разница с великорусским в таких случаях, как *на двѡри*.

б) В малорусском предложный падеж на -у отличается ударением от подобно-звучного дательного или родительного: 1) во всех односложных в именительном падеже единственного числа; 2) в двухсложных с ударением в именительном падеже на первом слоге. В двухсложных с ударением на втором (*горѡд*). [В] имеющих ударение на втором, а

равно (и в тех, которые имеют ударение на первом) — в словах с суффиксами **-ко**, **-ик**, **-ок** ударение не изменяется: *у Дуна́ю, у за́мку, у ба́тьку*.

Трехсложные с неизменным ударением в предложном падеже в других падежах не изменяют ударения, и в этом великорусский язык отличается в этих случаях от малорусского не ударением самим по себе, а тем, что имеет окончание **-у** с ударением там, где малорусский имеет **-і** без ударения (малорусское *увéчери*, великорусское *ввечеру́*, малорусское *у го́роді*, великорусское областное *в городу́*) и **-ѣ** неударяемое там, где в малорусском **-у** неударяемое: малорусское *у ви́ночку*, великорусское *в венóчкѣ*.

Перенесению ударения на **-у** в предложном падеже в сербском соответствует частью ослабление ударения \wedge на **'**, \wedge на **''** (в односложных в именительном падеже единственного числа и в двухсложных со второю беглою), частью его ослабление и перенесение на следующий слог (в двухсложных без беглой гласной).

Явления этого не заметно:

а) В односложных с неизменным более тяжким ударением в именительном и родительном падеже: *бра́т — бра́та — бра́ту*.

б) В тех, которые уже в родительном падеже единственного числа имеют **'**, а не \wedge : *но́ж — но́жа, рѣб — рѣба; је́лен — је́лена, о́рач — о́рача; предложный падеж је́лену, о́рачу*.

Зато в о д н о с л о ж н ы х:

а) Во многих, имеющих в именительном и родительном падеже \wedge : *ста́до — ста́да, предложный падеж ста́ду; гно́ј — гно́ја, предложный падеж гно́ју*.

б) Во многих, изменяющих в родительном падеже \wedge на \wedge , а в звательном падеже на \wedge : *до́м — до́ма, предложный падеж до́му*.

В д в у х с л о ж н ы х:

в) В некоторых с \wedge в именительном и родительном падеже, но со второю беглою гласною: *во́сак — во́ска, предложный падеж во́ску*.

г) В некоторых с \wedge в именительном и родительном падеже и без беглой гласной: *го́вор — го́вора, предложный падеж говòру; ра́зум, предложный падеж разу́му, слѹчај — случáју*.

О м н о г о с л о ж н ы х ничего не скажем.

Ясно, стало быть, что русское перенесение ударения на **-у** в предложном падеже имеет доисторические основания.

§ 4. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В малорусском ударение переносится на последний слог, т. е. на окончание -и.

а) Во всех, имеющих ударение на конце в родительном падеже единственного числа (*очеретá, бур'яні, козакі* — великорусское и литературное *казáки*). Исключений мало: общерусские *кінь* — *коня́* — именительный падеж множественного числа *ко́ни* — родительный *ко́ней* — *ко́нями* — *кіньми* — *ко́нях*; исключительно малорусское *грóш* — *грóша* — *грóшу*, *по грóшу*, *грóші* — *грóшей* — *грóшам* — *грíшми* — *у грóших*, *грóшах*. *Штані*, но *у штáнях*; *час* — *часá* и *чáсу*, но *чáси* (=времена: «у останні чáси», «за давніх чáсів» — К в. - О с н., I, 85); *пісо́к* — *піску́* — *піски* — *піскі́в* — *піска́м* и пр.; *васі́льки* (растение) не есть неправильность: именительный падеж единственного числа *васі́лок* — *васі́лька* — *васі́льчок*; *молоде́ць* — *молодця́* — *молодці́*, но «добрі молодці», «хло́пці молодці»; *гребéць* — *гребця́* — *гребці́* и *гребці́*; *рукаве́ць* — *рукавця́*: «Я ви́шию, вималюю милому рука́вці» (рифма: «пья́льці» — М е т л и н с к и й, 20). Ср. «Ой ви́шию... рука́вця» (рифма: «пья́льця» — *ibid.*, 21).

«Аж човні́ на морі тряслись» (К о т л я р е в с к и й, 28); «Верті́лись чо́вни, мов дурні́» (*ibid.*); «швидко поробивши чо́вни» (*ibid.*, 1); «човні́ Троянські́» (*ibid.*, 45); *ibid.*, 46: «чо́вни» (одним словом — по требованию размера), «човні́в» (*ibid.*, 47).

б) Во всех остальных с ударением на первом слоге в родительном падеже. Исключения — частью только малорусские, частью — общие, частью только великорусские.

И с к л ю ч и т е л ь н о м а л о р у с с к и е: *бо́ки* — «в бо́ки» (Г р е б е н к а, 13); «з трех бо́ків» (К у л и ш, I, 279); *го́дів п'ятнадцять*; *дзвóни*, *жа́рти* — «жа́ртів» (М е т л и н с к и й, 49; К в. - О с н., I, 56); *кумі́* и *у ку́ми*, *ку́мами* (мужской род); *ро́ків зо два*; «п'ять плу́гів» (Г р е б е н к а, 27); «зелені́ лу́ги» (К у л и ш, II, 99); «скарби́» (*ibid.*, I, 225); «підняли́ сно́пи» (К в. - О с н., I, 133); «ро́ги» (К у л и ш, I, 306) (виставив ро́ги); «па́ни» (*ibid.*, I, 136 — обыкновенно *пані́*); *у́си* — *у́сам* — *в у́сах*.

О б щ и е м а л о р у с с к и е с в е л и к о р у с с к и м и: *на ві́ки* — *вікі́в*, *ра́ки* — *ракі́в*, *зу́би* — *зубі́в*, *зві́рі* — «зві́рів» (К у л и ш, II, 31, но *ibid.*, 32 «зві́рі»); *го́сті* — *госте́й*.

Исключительно великорусские *бо́ги* (малорусское *богі*), *дру́ги*, *свѣты*, *чѣрти* (малорусское правильно и по окончанию: *чорті*), *во́лки*, *во́ды*, *го́ды*, *ро́ды*, *тру́пы* (может быть, так и в малорусском), *до́ми*, *гро́мы*, *до́лы* и др.

в) Во всех двухсложных с постоянным ударением на первом слоге: *горо́ді*, *ба́тько* — *ба́тькі*, *кре́мені* (*крѣмінь* — *крѣміня*).

Исключаются в малорусском: аа) Многие на *-ик*: *віники*, *во́лики*, *гро́шики*, *до́щики*, *ко́ники*, *бу́блики*, *му́цики*, *цу́цики*, *дзвѣоники*, *сто́ліки*, *ко́шики*, *пря́ники*. Так и в великорусском. Однако в малорусском *пра́ник* — *праникі*, *мі́сник* — *миснікі*, *візні́к* — *візнікі*.

бб) Многие на *-ець*: *бра́тець*, *хло́пець* — *хло́пці*, *пра́нци*, *ла́нець* — *ла́нці*, *па́лець*. Так и в великорусском, но в малорусском «ста́рці» (К в. - О с н., I, 78) и *ста́рці*.

вв) Некоторые на *-ок* с постоянным ударением на первом: *за́мки*, *ту́рки*. Так и в великорусском. *Про́мінь* — «про́міні» (К в. - О с н., I, 30), *по́води*, *со́боль* — звательный падеж *со́болю*; «со́болі» (М е т л и н с к и й, 322, Шклов.).

Правило под в) для великорусского совсем не годится, потому что в нем перенос ударения на окончание именительного падежа множественного числа *-и* (а не собирательное *-а*, *-ья*) есть исключение: *го́луби*, а не как по-малорусски *голубі*.

Не переносится ударение на окончание именительного падежа множественного числа в малорусском:

а) Во всех двухсложных с постоянным ударением на втором слоге. Ср. *го́род* — *горо́ді*, но *горо́д* — *горо́ди*; *ячмінь* — *ячме́ню* — *ячмені*.

б) Во всех трех- и четырехсложных с постоянным ударением: *суходо́ли*, *огіро́чки*, *барвіночки*.

Таким образом, если не брать во внимание исключений, везде, где в малорусском не переносится ударение на окончание именительного падежа множественного числа, там не переносится оно и в великорусском, но не наоборот. Великорусский ставит ударение на *-а́* в окончании собирательных, исключая имена на *-ин*, *-анин*, *-арин*; иногда *-ья* (*зятья́*, *кумовья́*). Где в малорусском есть эти окончания, там и они принимают на себя ударение.

Другие падежи множественного числа вообще сохраняют ударение именительного падежа множественного числа. Для родительного падежа множественного числа исключение: великорусское *во́лка*, но *во́лков*.

В сербском не видно оснований русским переходам ударений в именительном падеже множественного числа и вообще во множественном числе. Сербохорватское изменение ударения в родительном падеже множественного числа во всех тех случаях, где усиливается ударение единственного числа (*отац* — *оца*, родительный падеж множественного числа *отаца*), не подходит к русскому (*отца* — *отцов*), не говоря уже о различии окончаний.

II. СКЛОНЕНИЕ 2-е

1. Русским двухсложным с неизменным ударением на первом слоге во всем единственном числе соответствуют сербские:

а) с $\hat{}$ на первом слоге: *месо*.

б) с $\grave{}$ на первом слоге: *поле*.

К этому разряду принадлежат: сербские трехсложные с *ије*, происшедшим из разложения *ѣ* (*сијено* = *сѣно* = *сѣно*) и русские трехсложные полногласные (с *оро*, *оло*, *ере*, происшедшим из разложения *ра*, *ла*, *рѣ*) с ударением на первом или втором слоге: сербские *благо*, *злато*, *дрѣво*, *црѣјево* (у Караджича *цријѣво* = *црѣво*), *блато*. Русскому переходу ударения на втором слоге во множественном числе соответствует сербское изменение $\hat{}$ в $\acute{}$ и $\grave{}$ в $\grave{}$: *сијено* = *сѣно* = *сѣно* = *сино*, но множественное число *сијена* = *сѣна* = *си́на*; *по́ле* = *по́ле*, множественное число *по́ља* (родительный падеж *по́ља*, дательный-творительный-предложный *по́љима*) = *по́ля* и т. д.

Не можем сказать, составляет ли этот переход правило в сербском, так как в Словаре Караджича переходы ударения в этих именах не отмечены. Верно только, что есть имена, не изменяющие ударения: *брѣдо* — множественное число *брѣда* — родительный падеж *брѣда*.

Так и в малорусском рядом с *житá*, *жнивá*, *дивá*, *хутра́*, *просá* встречаем *пúта* («На коники пúта» — песня), *ли́ка*, *свя́та*. *Боло́то* (блáто) должно бы иметь *болотá*, но в песне — *болóта* рифмуется с *ворóта*; *дѣрево* (дрѣво) должно бы иметь *деревá*, но употребительнее и в малорусском собирательная форма *дерѣв'я*. Великорусское *дрова́* оправдывается сербским *дрѣва* — родительный падеж *дрѣва*, а малорусское *дрóва* — народное. *О́ко*, *у́хо* имеют согласно с сербским *о́чи*, *у́ши* (сербское *о́ко*, *у́хо*, множественное число

уши, родительный падеж *ушӣ* (= *ушей̄*) — *ушију*; *дчӣ* — *дчију*). *Перевесла, бельма*.

2. а) Русским трехсложным с ударением на первом слоге соответствуют сербские с *˘* на первом слоге: *јѣзеро, прѣвило, кѣливо* (кутья на похоронах). Изменяет ли в сербском слово *јѣзеро* свое ударение во множественном числе — не знаю. Великорусское и малорусское *озѣра*, малорусское *кѣлесо*, великорусское *колесѣ*; множественное число, вероятно, и в малорусском — *колѣса*: в сербском нет соответствующей формы. Великорусское *воротѣ* соответствует сербскому *врѣта*, а малорусскому *ворѣта* — нет.

б) Русским трехсложным с ударением на втором слоге = сербские трехсложные с *˘* на первом: *кѣлено, кѣпито, ђрудѣје, ђрѣжје, кѣрито*. Сербский родительный падеж множественного числа *кѣлена, кѣрита* не находит соответствия в русском: *корѣт, колѣн* (*корѣт* — *колѣн*).

в) Русским трехсложным с ударением на третьем слоге: *помѣлѣ*.

3. Русским двухсложным с ударением на втором слоге соответствуют сербские:

а) с *˘* на первом слоге: *вино*.

б) с *˘* на первом слоге: *сѣло*.

Сюда относятся сербские трехсложные с *ије* из *ѣ* (*ждријело* = малорусскому *жерелѣ*) и русские трехсложные полногласные: *длѣто* = *длѣто*; великорусские *долотѣ, плѣтно, млѣко, срѣбро*.

Русскому переходу ударения во множественном числе на первом слоге соответствует сербское усиление *˘* в *˘˘* (*гѣвно* — множественное число *гѣвна*) и *˘* в *˘˘*: *бѣдро* — множественное число *бѣдра* — родительный падеж *бѣдрѣ*. В сербском этот переход, по-видимому, довольно распространен.

Малорусскому множественному числу *черѣсла, полѣтна* должно бы соответствовать в сербском изменение *˘* в *˘˘*, но так ли это? Малорусское *жерелѣ*? Русское *плечѣ*, великорусское *плечѣ* — множественное число *плѣчи*, сербское *плѣће* — *плѣћи*.

В звательном падеже единственного числа ни сербские, ни русские ударения не усиливают и не изменяют, потому что звательного падежа в средних именах нет и не было.

§ 1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С НЕИЗМЕННЫМ УДАРЕНИЕМ
В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

1. Двухсложным русским с неизменным в единственном числе ударением на первом слоге соответствуют сербские:

а) сербские с $\hat{}$ на первом слоге: *práвда*,

б) сербские с $\`$ на первом слоге: *ríба*.

Сюда же русские трехсложные полногласные с ударением на втором = сербским: *влáга, клáда, слáма, врáна, дрáга* (= *долíна*, но первоначально одно с нашим *дорóга*), *крáва, крáста, плéва* (= *полóва*), *брéза, мрèжа; сторóжа* = сербскому *стрáжа; черéшня*.

В сербском единственное в именах а) и б) изменение ударения имеет место в родительном падеже множественного числа: *дй̑на* — родительный падеж множественного числа *дй̑нā*, *вй̑шня* — родительный падеж множественного числа *вй̑шаня*, *плётва* — *плётвāвā*. По двум последним образцам изменяются имена, имеющие перед конечным -а стечение согласных.

В малорусском переносят ударение на второй и третий слог во множественном числе:

а) Весьма немногие с одной согласной перед -а: *бáба* — *бáбй* — *бáб* — *бáбáм* — *бáбáми* — *бáбáх*; *свíта* — «у сви-тáх» (К в. - О с н., I, 114).

б) Многие с двумя и тремя согласными перед окончанием именительного падежа единственного числа: *скй̑рта* — *скирты́*, *плáхта* — *плахты́* — *плахóт* — *плахтáм* — *плах-тáми* — *плахтáх* (но *крй̑хта*, множественное число *крй̑х-ти* — «крй̑хот» (К в. - О с н., I, 71); *цёрква* — *церкви́* — *церкóв*; *крóква* — *кровокй̑*; *мóрква*; *шáбля* — *шаблй̑* — *шабéль* — *шаблй̑м* — *шаблй̑х*; *пíснй̑* — *пíсэнь* и пр.; *вй̑дмй̑* — *вй̑дбóм*, но «вй̑дем» (К у л и ш, II, 42); *балкй̑*, *банькй̑*, *брй̑вкй̑*, *дошкй̑*, «до шапóк квй̑ткй̑» (К в. - О с н., I, 9); *ворожкй̑*, *дорожкй̑*, *скринькй̑* (см. ниже трехсложные с ударением на предпоследнем); *качкй̑*, *люлькй̑*, *голкй̑*, *жерткй̑*, *низкй̑*, *мискй̑*, *ложкй̑*, *дй̑жкй̑*, *гречкй̑*, *стрй̑чкй̑*, *хусткй̑*, *шпилькй̑*, *жй̑нкй̑*, *трй̑скй̑*, *скалкй̑*, *вй̑жкй̑*, *сваткй̑*, *пй̑скй̑* — *пй̑скáми*, *мамкй̑*, *нянькй̑*.

Однако: «хмáрки» (К в. - О с н., II, 8); «нй̑ток» (ibid., I, 34); *дй̑мки*, *дрй̑жки* (от *дрй̑жка*; от *дрй̑жко* — *дружкй̑*), *лáски*, *рй̑ски*; как будет от *пй̑тря*, *пéтря*, *сёрга*, *чёрга*.

грéбля, кáпля, крóпля, сóпля, прáвда, дóвбня, вíшня, (вi-шень); слúжба, прóзьба, грóзьба, вóвна? Лáйка, бiйка, свáрка, спóрка, «суча дóчка» (Котляревский, I), ткáнка («ткáнку» — Метлинский, 266). Сúкня — сúконь.

Это изменение исключительно малорусское и не находит оправдания ни в великорусском, ни в сербском.

2. Трехсложные с постоянным ударением на первом слоге соответствуют сербским:

а) с $\hat{}$ на первом слоге: *црквица*;

б) с $\grave{}$ на первом слоге: *jàгода, кньйжица* (п. в. — *ягiд*).

Сюда относятся малорусские, не находящие соответствия в сербском.

Немногие трехсложные на *-ина*: *дiвчина* (и *дiвчiна*), *рiбчина, цáрина, Брiнцина* («Брiнщини» — Кулиш, I, 56), *пáнцина*.

Часть имен на *-иця*: *тérниця, брлиця* (сербское *грлиця*), *вiнниця* (Беринда, стр. 14), *гiрниця* («гiрницях» — Кулиш, I, 15), *п'яниця, пáлиця, бúквиця* (ригит), *кiтиця, стрéлиця* («стрéлицю»: жидкий, узкий? лесок — Кулиш, I, 105), *úлиця, рáтиця* (копыто вола).

Часть имен на *-ка* с предыдущей согласной несмягченной: *в'язанка, схóванка, крáшанка, пiсанка, склáданка, сáкавка* (Беринда, стр. 151), *сáжавка, ящурка* (Беринда, стр. 274: *ящорка*), *цérковка, крóковка, мóрковка, тáбелька, бурулькi, «мотузкi»* (Кв. - Осн., I, 8); *мáтирка* (саппабис), *мотузкáми* (ibid., 179), *вiгадка, знáхурка, лáстiвка, ляхiвка* — род узора; все трехсложные на *-очка, -ечка* от перечисленных выше на *-ка* и вообще все трехсложные на *-очка, -ечка*, образованные из двухсложных от первообразных на *-а*, какое бы ни было ударение этих последних: *зоря — зiрочка, бджолá — бджiлочка* и т. д.

Все трехсложные на *-онька, -енька, -iнька*: *брiвонька, гiронька, кiзонька, зiронька, рúченька, нiженька, мáтинька, úтинька, п'ятинька*.

Все эти на *-ка, -очка, -ечка, -онька, -енька, -iнька* отличаются от соответствующих великорусских тем, что в именительном падеже множественного числа принимают ударение на *и* и оставляют это ударение на том же месте в остальных падежах: *хусточкi, нiжечкi, слiзонькáми* (однако: «iграшки» — Кв. - Осн., I, 7).

3. Четырех- и пятисложные с посто-

я н н ы м ударением на третьем слоге от конца. В малорусском:

а) Часть имен на -иця: *ші́бениця, поті́лиця, метéлиця, помійниця, ожелéдиця, гололéдиця, околóтиця* («околóтиці»: околиця — Кулиш, II, 42).

б) Часть имен на -ина, особенно предполагающих прилагательные на -ський, -цький: *розві́дина, одві́дина*, ср. сербское *дóмовина*, «хуртóвина» (Гребенка, 21), *колі́вщина, кумівщина* («кумівщини» — Кулиш, I, 56), *Москóвщина, хмельні́щина, коза́ччина, Німе́ччина, Турéчина, виші́ванка*.

в) Все четырех- и пятисложные на -очка, -ечка, -онька-енька, -інька от трехсложных с ударением на предпоследнем: *голúбочка, неді́лечка, грома́донька, порáдонька, черéшенька, голúбонька, субі́тонька, неді́ленька, матúсенька, жалі́бні́ченька, диті́ночка*.

Однако: *деревéнька, конопéлька, головéнька, земéлька, потебéнька, витребéньки* («Кислиці, ягоди, коржі і всякі різні витребеньки» — Котляревский, 39) сюда не идут, потому что образованы от имен с ударением на конце. Точно так же и все от имен с ударением на третьем слоге от конца. Эти последние сохраняют ударение своих первообразных: *ма́тіночка, виші́ваночка*. Все указанные под б) редко встречаются во множественном числе и, по видимому, отличаются от соответствующих трехсложных тем, что не переносят ударения на последний слог в именительном падеже во множественном числе: «з галúшечкамі» (Кв. - Осн., I, 50), *черéшеньки*.

4. Русским трехсложным с ударением на втором слоге = сербские:

а) с ' на первом слоге: *ва́рница*,

б) с ' на первом и ^ на втором слоге, т. е. вторым долгим: *Ја́дрāнка*,

в) с ` на первом слоге и вторым коротким: *ма́слина*,

г) с ` на первом и вторым долгим: *ма́слї́нка*,

д) с `` [на первом] и вторым долгим: *кўе́арка, цї́гāнка*.

В русском следовало бы ожидать ударения на первом слоге. Сербские изменения ударения в родительном падеже множественного числа (*ма́слї́нā*) не находят соответствия в русском.

В малорусском сюда относятся:

а) трехсложные с одной согласной перед -а: *легéня, соба́ка, кімна́та* (великорусское *кóмната*), *зозу́ля, недúга*

(«од недуги» — К в. - О с н., I, 24), *надія, олія, громада, порáда, госпóда* («просимо до госпóди» — *ibid.*, I, 52), *тарáня,*

б) на *-уха*: *бреху́ха, свекру́ха, маку́ха,*

в) *-уся*: *мату́ся, тіту́ся, Мару́ся, Насту́ся, Ганну́ся,*

г) *-аха*: *бідáха*, четырехсложное: *бідолáха,*

д) *-ака*: *ужáка, маня́ка* (приведение), «друзя́ка» (К в. - О с н., I, 3), «коля́ка» (*ibid.*, 15); четырехсложные: *розбиша́ка, харцизя́ка,*

е) *-ука, -уга* — трех- и четырехсложные: *змію́ка, гадю́ка, звірю́ка, падлю́ка, волоцю́га, злодю́га, «ланцю́га»* (ругательное — М е т л и н с к и й, 263); *п'яню́га, татарю́га, козарю́га, но діду́га,*

ж) часть имен на *-иха*: *Морозі́ха, Грици́ха, Харчі́ха, Коновчі́ха* (от предслагаемого *Коновко́?* потому что от *конóвка* было бы *Конóвчиха*, а от *Коновчénко* — *Коновчénчиха*); *-ота*: *жінóта, свинóта, нудóта, скорбóта, тіснóта, робóта*, «играшки та пустóта» (К в. - О с н., I, 7); «не рад своїй лихóті» (К о т л я р е в с к и й, 39). Ср. *Покрóва* («С Покрóви» — К в. - О с н., I, 66), *дітворá*. Сербское *ра́бота*.

з) на *-иця*, за исключением имеющих ударение на третьем слоге от конца, трех- и четырехсложные: *удові́ця* (откуда *Удові́ченко*), *грімні́ця, гребові́ця, дійні́ця*, «плахт дрібні́ця», *дурні́ця, жарівні́ця, зові́ця, каплі́ця, копі́ця, косові́ця, крині́ця, ладівні́ця, ледаці́ця, м'ясні́ці* (мясоед), *пивні́ця, різні́ця, сирі́ця, скрипі́ця, спідні́ця, світлі́ця, стадні́ця* («у стадницю» — М е т л и н с к и й, 74), *сестрі́ця, телі́ця, драні́ця, паляні́ця, пашні́ця;*

и) большая часть имен на *-ина*. Суффикс этот здесь именно сохраняет преимущественное значение выделения из рода одного из многих: *годі́на, диті́на, дубі́на* (значение собирательное), *дівчі́на, доли́на, базарі́нка* (. . . .), *билі́на, волосі́на, «щовечері́нки»* (М е т л и н с к и й, 109), *домові́на, драбі́на, дружі́на* (= друг: «чоловіче мій, дружі́но моя» — песня), *жупані́на, зерні́на, калі́на, кедрі́на* (как материал), *клені́на, ключі́на* (тоже), *круші́на* (зіллячко), *лісі́на* (хворостина), *лучі́на, люди́на* (один человек или женщина), *мали́на, ожі́на* (растение), *опанчі́на, оружі́на, пері́на, пилі́на, поясі́на, роді́на* (один из родни и родня: «сестро мила, роді́на сердечна», «вся роді́на»; великорусское *ро́дина* — место рождения), *рибчі́на, роді́ни, рябі́на, рядні́на, свиті́на, сироті́на, тичі́на, траві́на,*

Україна (великорусское *Україна*), *хворостіна*, *хлопчіна*, *хмеліна*, *хрестіни*, *часіна*, *челядіна* (одно из челяди), *чистіна* (між травами?), *чужіна* (чужой человек, чужие люди; *чужинá* — чужая сторона), *чумачіна*, *яблуніна*, *яліна*, *третіна*, *дев'ятіна*, *полусорочіни*, *сорочіни* («справляти» — К в. - О с н.) «заставціни» (залог — К у л и ш, I, 206);

-*иня* — *княгіня*,

-*изна* — *дідізна* («дідізни» — К у л и ш, I, 65),

-*ка* — с предыдущею согласною (плахта): *калітка* з грішми, *чернітка*, *синятка*, «коси плести у дрібушки», *видёлка*, «світійлка» (К в. - О с н., I, 50), *серпанка* («серпанкою» — М е т л и н с к и й, 304, Остер.); *болячкі*, *веровкі* (уже Б е р и н д а, стр. 15, 17), *жидівкі*, *оболонкі*, *скоркі*, *плювкі* (*ibid.*, 65), *мурашкі*, *комашкі*, *подушкі*, *скиндячкі*, *могилкі*; но «Шовкові вервечки» (М е т л и н с к и й, 4 — *вервь*).

§ 2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ИЗМЕНЧИВЫМ УДАРЕНИЕМ

В великорусском и малорусском только имена с ударением на последнем слоге в именительном падеже единственного числа могут перемещать это ударение; в других падежах они распадаются на два разряда.

К первому — такие, которые отодвигают ударение на предпоследний слог; в малорусском в звательном падеже единственного числа и именительном падеже множественного, а в великорусском — только в именительном падеже множественного числа.

Ко второму — такие, которые сверх этого отодвигают ударение и в винительном падеже единственного числа.

По именительному падежу единственного числа ни в русском, ни в сербском нельзя отличить одного разряда от другого.

В сербском к п е р в о м у р а з р я д у принадлежат:
Двухсложные:

а) *Свіна* — *свіну* — *свіно* — *свіње*.

б) *зміја* — *зміју* — *зміјо* — *зміје*.

Т р е х с л о ж н ы е, изменяющие ударение только в звательном падеже единственного числа, но не в винительном, не изменяют и в именительном падеже множественного числа: *красџа* — *красџу*, *крџото*, *крџоте*.

Ко второму разряду:

Двухсложные: а) *дѹша* — *дѹшу* — *дѹшо* — *дѹше*,
б) *вѹда* — *вѹду* — *вѹдо* — *вѹде*.

Трехсложные: *сирѹта* — *сѹроту* — *сѹрото* — *сѹроте*.

В малорусском, кроме соответствующих перечисленным сербским, относятся:

К первому разряду:

а) Двухсложные: *бровá* — *бровѹ* — *брови*; *вагá*, *війнá*, *дїжá*, *дочкá*, *журбá*, *їзбá*, *купá*, *пеня́* — «пеню́» (К в. - О с н., I, 77); *рудá* — *рудѹ* (кровь), *червá*; неупотребительное во множественном числе «ляхвá» (Кулиш, I, 167), *драхвá*, *красá* («краси» — Метлинский, 152), *сумá* (печаль — Гребенка, 22); *стерня́*, *сагá* (западня — безвыходные заливы по реке), *скалá*, *лускá*, *кутя́* (множественное число *кѹти?*), *лукá* (множественное число *лѹки?*), *ордá*, *петля́*, *ропá*, *струнá*, *сурмá* (труба — Беринда, стр. 153), *суддѹ*, *тумá* (полутатарин, перевертень), *удовá*, *уздá*, *Сулá*.

Трех- и четырехсложные: *сирѹтá* — *сѹротѹ* — звательный падеж *сирѹто?* — множественное число *сѹроти?* *Ковбасá* — *ковбасѹ* — *ковбáси*, *лободá* — *лободѹ* — *лобѹди?* Неупотребительное во множественном числе *жидовá*, *татарвá*, *попадѹ* — *попадѹ* — *попадѹ*; *яринá* — *яри́ни*. Вероятно, на этот образец: «гущинá» (Кулиш, I, 297), «новинá» (ibid., 217); «панщинá» (ibid., 291) — обычно *пáнщина*; *старшинá*, «бистринá» (Гребенка, 20), *рядовинá* (известного рода толстое полотно), *в старовинѹ*, *яровинá*.

По второму разряду: *веснá* — *вѣсну* — *вѣсно*, *губá*, *дѣсна*, *копá*, *корá*, *но́рá*, *порá*, «*рїкá*» (Метлинский, 342; Кулиш, I, 319 — «*рїко*»), *соснá*, *сем'я́* — *в сѣм'ю*, но «*сѣм'я*» (Метлинский, 281); «*у. . сѣм'ї*» (ibid.), *ступá* (винительный падеж — *ступѹ*), *трунá* (*трунѹ?*), *тугá*, *щокá*. Сюда же трехсложные полногласные: *борознá*, *сковородá*, *пеленá*.

Трех- и четырехсложные: *слободá* — *слѹбоду*, *Покровá* — «*Покрѹву*» (Кулиш, I, 63), *простиня́* — *простѹню*, *сулія́* — *сулію*.

Кажется, не ошибемся, если скажем, что в русском, особенно в великорусском, с течением времени несколько уменьшилось число слов, изменяющих ударение в винительном падеже единственного числа. Так, сербские *їгла*,

игра, мѣѣа, мѣла (омелá), мѣтла, винительный падеж *йглы* и пр., в великорусском имеем *иглы* и пр.; сербское *магла, рѣа* (двухсложные) не может иметь ударения на первом слоге, в великорусском (*мгlá, ржá*), но могли бы иметь в малорусском, но не имеют (*имглы, иржы*); в малорусском в словах: *росу, «смóлу»* (К у л и ш, I, 308), *вѣсну, вѣрбу* (и *вербу*), *вѣрству* (и *верству*), *лóзу, Дѣсну, сѣм'ю, сóсну, рíку*, а в великорусском *росы* и пр.

В некоторых словах ударение, изменчивое в сербском, стало постоянным на первом слоге: сербские *служба, дружба, муха* (винительный падеж *службу* и пр.), *срна, торба* (именительный падеж множественного числа *срне, торбе*) — в русском *служба*.

Ср. еще сербские на *-ина* и *-ота*.

Великорусский и малорусский в других падежах множественного числа, кроме именительного, частью сходятся (*ногáм — ногáми, бровáми, столáми, мечáми, но сѣстрами, жбóнами* и т. д.); частью расходятся, причем малорусский удерживает правильное ударение на первом слоге: *гóрам — гóрами — гóрах, дýшами — «дúшах»* (К у л и ш, II, 42); «у лóзах» (*ibid.*, I, 135); *на стрýнах, «гúбами»* (грибами — К в. - О с н., I, 89); «пьятами» (К у л и ш, I, 202, 227) и *п'ятáми, рíками, пчóлами*.

Некоторые трехсложные имеют в великорусском ударение на последнем, в малорусском — на предпоследнем: *нiмóта* (немцы), *дiтвóра* (великорусское *детворá*), *жiнóта, нудóта, «пустóта»* (К в. - О с н., I, 7), *тiснóта, скорбóта*. Сербский согласно с великорусским в именительном падеже единственного числа и сходных с ним по ударению *добрóта, красóта, лепóта, тјеснóѣа*, звательный падеж *дòброто* и пр. Малорусское *робóта*, великорусское *рабóта* согласны с сербским *работа*.

Некоторые малорусские отклоняются от правила в предложном падеже единственного числа: *у Мiбсквi*, «На тебе десь туман у Лiтвi навели» (Г р е б е н к а, 29) — польское?

Не изменяют в именительном падеже множественного числа: *жнiя — жниї — «жнiями»* (М е т л и н с к и й, 322); *рiллá — рiллáми — «рiлли»* (К в. - О с н., II, 7).

И в великорусском, и в малорусском ударение родительного падежа единственного числа во всех именах этого склонения такое же, как в именительном падеже единственного числа. В сербском этому соответствует или неизменное ударение, или изменение $\hat{}$ на $\`$. Русским односложным соответствуют такие же сербские.

а) В именительном падеже единственного числа $\hat{}$, в родительном падеже $\`$, в предложном падеже $\`$: *бръв, вѣш* — родительный падеж *вѣши* (великорусское *вошь* — *вши*; малорусское *вош* — *воши*), *крѣв* — *крѣви* — предложный падеж *крѣви*, *кѣст* — *кѣсти* — предложный падеж *кѣсти*, *нѣћ* — *нѣћи* — предложный падеж *нѣћи*, *пѣћ* — *пѣћи* — предложный падеж *пѣћи*, *рѣјеч* — предложный падеж *ријечи*, *сѣ* — *сѣли* — предложный падеж *сѣли*, *чѣст* (честь) — *чѣсти* — предложный падеж *чѣсти*. По Мажураничу, $\hat{}$ в именительном падеже единственного числа в предложном падеже изменяется только в $\`$, т. е. сохраняется долгота слога: *брѣви*, *ћѣди*, *лѣжи*. По отношению к русскому языку это все равно.

б) В именительном и родительном падеже единственного числа $\`$, в предложном падеже $\`$: *длѣн* (мужской род), *мјѣд*, *нѣт*, *рѣт*, *смрѣт*.

Изменение ударения в предложном падеже единственного числа оставило следы в великорусском и малорусском. Малорусское: *у ночі*, *у печі*, *вись*? Великорусское *в груді*, *кості*, *часті*, *меді*, *на релі*. Малорусское *ярь* имеет в именительном падеже множественного числа *ярі* («колись були ярі та пшениці» — песня), чему не находим соответствия в сербском.

В сербском в родительном падеже множественного числа на коренном слоге ударение острое ($\acute{}$), если этот слог долгий (*рѣж* — *рѣжи* (*рѣжи*), Караджич: *рж* — *ржи*), и менее тяжкое ($\`$), если он короткий: *вѣш* — *вѣши*, родительный падеж множественного числа *вѣши* и *вѣшију*, *кѣст* — *кѣсти*, родительный падеж множественного числа *кѣстѣ* — *кѣстију*, *нѣћ* — *нѣћи*, родительный падеж *нѣћи*, *рѣјеч*, родительный падеж множественного числа *ријечи* (речи). В великорусском и малорусском этому соответствует ударение на -ей: *грудей*, *остей*, *костей*, *мышей*, *курей* (малорусское), *гусей*, *печей*, *ночей*, *синей*, *дверей*.

При этом великорусский сохраняет ударение на втором слоге, во всех остальных на последнем, кроме имени-

тельного падежа, а малорусский, по-видимому, нет, по крайней мере — не везде: «о́стями» (К у л и ш, I, 309); *у грúдях, сiнях, сiньми*, но — как в великорусском — *дверми́*.

Русским двухсложным с ударением в именительном падеже единственного числа на первом слоге соответствуют сербские с ударением ` на первом: *бòлест, гòлијен, жàлост, јèсен, кòкош, мiлост, пòмоћ, рàдост, свјèтлост, стàрост, òбласт, чèљад*.

Ср. малорусское *гúсiнь, дòбич, зàвiть* («чоботи з золотою зàвiттю на закаблуках чи задках» — строчка), *пòвiдь* (половодие), *пòстать* («жита пòстать заняти»), *прòдаж, лèдарь, пòгань, кúпiль* (Б е р и н д а, стр. 290), *щiрiсть, дòбрiсть* и все на -щi в именительном падеже множественного числа (хвáстощi); *мáкотерть, óжеледь* («Би́ла óже-ледь» — Г р е б е н к а, 31). В малорусском неправильно *рòскiш*, родительный падеж *рòскошi*, родительный падеж множественного числа «роскóшiв» (К у л и ш, I, 240), *роскóшей, у роскóшах*. «Не труни́ на чужой пролуби́» (Д а л ь, 675).

Сербские без различия долготы или краткости второго слога в именительном падеже единственного числа, в предложном падеже единственного числа имеют на нем ` (менее тяжкое): *болèсти, жалòсти, милòсти, помòћи, радòсти*. Однако: *голијèни*. По Мажураничу, согласно с этим последним примером, в предложном падеже на втором слоге стоит ', если он долгий, и ` , если короткий: *у облàсти, но заповијèди, у немòћи, памèти*. В русском почти нет ничего соответствующего. Единственно известное нам исключение — малорусское в *осенí*.

Сербские в родительном падеже изменяют ударение, как в предложном падеже единственного числа: *кокòши, голијèни, облàсти, болèсти*. В русском этого нет.

Русским с ударением на втором слоге (малорусские «метiль» — М е т л и н с к и й, 185; *крòвать* и *кровáть, постiль, верстáть, печáть*) должны соответствовать сербские с ` на первом слоге, судя по *пèчат* (мужской род), *пòстеля*. В русском они во всех падежах единственного и множественного числа сохраняют ударение. Исключаются малорусские *корогòв, цèрков* — во множественном числе *корогвí, цèрквí*.

В Домострое: «посъевъ всякiе съмена» (78); «а съмена бы всякiе у себя водить» (79).

УДАРЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. ОДНОСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Образец 1-й: а) Великорусские *бѣл* — *белá* — *белó*; *бѣлый* — *бѣлая* — *бѣлое*.

б) *Дѣрог* (основная форма — односложная) — *дорогá* — *дѣрого*, *дорогóй* — *дорогáя* — *дорогѣ*.

Соответствующие сербские прилагательные в мужском роде принадлежат к одному разряду с теми односложными существительными, которые в родительном падеже единственного числа не изменяют ударения именительного падежа: *жѹт* — родительный падеж *жѹта* — дательный *жѹту*. Именительный падеж множественного числа *жѹти* и т. д. Склоняются, как *глас* — *гласа* и т. д. Так в хорватском, по Мажураничу (*Slovnica hërvatska*, 16, 50), исключая *бѹжел*, *гѹл*, *црн*, *дѹбар*, имеющие родительный падеж *бијела*, *гѹла*, *црна*, *дѹбра*.

По Даничичу, *жѹт* изменяется в мужском роде, как *плѹг* — *плѹга*; *нѹж* — *нѹжа*; *жѹт* — родительный падеж *жѹта* — дательный - предложный *жѹту* — творительный *жѹтијем*. Множественное число именительный падеж *жѹти* — родительный падеж *жѹтијех* и т. д. По этому образцу *жѹв*, *лѹјен*, *бѹжел* и многие подобные этому соответствующе изменяют ударение, встречаемое в великорусских былинах: *добрá коня*, *молодá Добрыни* (*Мажугапи́е*, *Slovnica hërvatska*, 51, примечание).

В женском роде великорусскому переносу ударения на окончание по правилу соответствует штокавское изменение \wedge в $\acute{}$ на первом слоге и чакавская долгота без ударения на первом и $\grave{}$ на втором: *бѹжел* — *бијела*, *дрáг* — *дрáга*, *жѹт* — *жѹта*.

По Мажураничу, *жѹта* изменяет в винительном-звательном падеже единственного числа и во всем множественном числе $\acute{}$ на \wedge (*жѹта* — *жѹту* — *жѹта* — *жѹте* — *жѹтах*). По Даничичу, изменения этого нет: *жѹту* — *жѹте*, *врѹћ*, женский род *врѹћа* — *врѹћу*, множественное число *врѹће*.

В среднем роде в великорусском большею частью ударение такое же, как в мужском роде именительном падеже, т. е. на первом слоге, а не на втором, как в женском; отклонений, кажется, мало (*набелó*, *начернó*, но «это чѣрно, бѣло»). Так и [в] малорусском, сохранившем неопределенную форму прилагательных среднего рода в наречиях. Согласно с этим находим у Мажуранича *жѹт* —

жу́та — *жу́то*, *дра̑г* — *дра̑га* — *дра̑го* (и *дра̑го*). Но в Словаре Караджича подобных примеров весьма мало: *дра̑г* — *дра̑га* — *дра̑го* и только как наречие *дра̑го*, *ма̑ло* (предполагаемое *ма̑о* или *ма̑о* — *ма̑ла* — *ма̑ло*, наречие *ма̑ло*), *љу̑т* — *љу̑та*, наречие *љу̑то*, а по общему правилу ударение в среднем роде, как в женском и косвенных падежах мужского рода *жу̑т* — *жу̑та* — *жу̑то*.

Так как в русском, особенно великорусском, незаметно стремления подвигать ударение к началу слова, то следует думать, что русские прилагательные среднего рода и наречия — *мо̑лодо*, *пу̑сто*, *ча̑сто* и пр. — сохранили более древнее ударение, чем сербские *мла̑до*, *пу̑сто*, которым должны бы соответствовать: *молодб̑*, *пустб̑*.

В о п р е д е л е н н о й форме все сербские прилагательные (с немногими исключениями), имеющие в именительном падеже единственного числа мужского рода неопределенной $\acute{}$, в женском роде и косвенных падежах, по Даничичу и Караджичу — \prime , во всех падежах всех родов и чисел склонения определенного имеют на первом слоге $\acute{}$: *би̑јел* (*бѣл*) — *би̑јела* — *би̑јело*, *би̑јели̑* — *би̑јела̑* — *би̑јелб̑*; *ма̑ли̑* — *ма̑ла̑* — *ма̑лб̑*; *гру̑б* — *гру̑ба* — *гру̑бо* — *гру̑ба̑*; *жу̑т* — *жу̑та* — *жу̑то* — *жу̑тб̑*; *љу̑т* — *љу̑та* — *љу̑то* — *љу̑ти̑*; *ри̑ћ* — *ри̑ћа* — *ри̑ћо* — *ри̑ћб̑*; *си̑њи̑* — *си̑ња̑* — *си̑нб̑*; *твр̑д* — *твр̑да* — *твр̑до* — *твр̑дб̑*; *ци̑јел* — *ци̑јела* — *ци̑јело* — *ци̑јели̑* (*цѣли*); *че̑ст* — *че̑ста̑* — *че̑стб̑* — *че̑сти̑* (и *че̑сти* — Даничић).

Так и во всех великорусских, соответствующих вышеприведенным: *бѣлѣй*, *ма̑лѣй*, и в малорусских, за исключением *малѣй*, *твердѣй*, *частѣй*. Но в большинстве случаев великорусские и малорусские имеют в определенном склонении ударение на конце (*святѣй*, *святбѣй*, чему соответствует сербское — Караджич: *свѣт* — *свѣта* — *свѣти̑*) и тем отклоняются от сербских *бр̑з* — *бр̑за* — *бр̑зо* — *бр̑зи̑* (великорусское *борзбѣй* и, кажется, *борзѣй*); *вр̑н* — *вр̑на* — *вр̑но* — *вр̑ни̑*; *глу̑х* — *глу̑ха* — *глу̑хо* — *глу̑хи̑*; *гњи̑л* (Караджич *гњи̑о*) — *гњи̑ла* — *гњи̑ло* — *гњи̑ли̑*; *гу̑ст* — *гу̑ста* — *гу̑сто* — *гу̑сти̑*; *жи̑в* — *жи̑ва* — *жи̑во* — *жи̑ви̑*; *кр̑в* — *кр̑ва* — *кр̑во* — *кр̑ви̑*; *кру̑т* — *кру̑та* — *кру̑то* — *кру̑ти̑*; *мла̑д* — *мла̑да* — *мла̑до* — *мла̑ди̑*; *ни̑јем* — *ни̑јема* — *ни̑јемо* — *ни̑јемѣ̑*; *пла̑в* — *пла̑ва* — *пла̑во* — *пла̑ви̑*; *пу̑ст* — *пу̑ста* — *пу̑сто* — *пу̑сти̑*; *ру̑д* — *ру̑да* — *ру̑до* — *ру̑ди̑*; *си̑јед* — *си̑једа* — *си̑једо* — *си̑једи̑*; *сла̑н* — *сла̑на* — *сла̑но* — *сла̑ни̑*; *сли̑јеп* — *сли̑јена* — *сли̑јено* — *сли̑јепѣ̑*; *су̑х* — *су̑ха* —

сúхо — *сúхї*; *тúћ* — *тúћа* — *тúћо* — *тúћї*; *тúп* — *тúпа* — *тúпо* — *тúпї*; *хúд* — *хúда* — *хúдо* — *хúдї*.

В великорусском в определенном склонении имеют ударение на первом слоге несколько прилагательных, в сербском сохраняющих ударение¹: *дѡбар* — *дѡбра* — *дѡбро* — *дѡбрї*, наречие *дѡбро*; *вѣт* (*ветх*), определенное *вѣти*, *вјѣшт*, *дúг* (однако в определенном, по Караджичу, *дúгї*), *здрáв* (здорóвый), *кúс* (малорусское *кúций*; однако, по Караджичу, *кúс* — *кúса* — *кúсо* — *кúси*), *мїо* — *мїла* — *мїло*; *ндв* (определенное *ндви* — Даничић), *мѣк* (мягok, однако, по Караджичу, *мѣки* = малорусскому *мнякїй*), *прáв*, *прѡст* (малорусское *прѡстїй*, великорусское *простѡй*), *рáд*, *сїв* (по Караджичу и по Мажураничу, *сїв*), *сїт*, *слáб*, *стáр* (Караджич *стáрї*), *тáшт* (тощїй), *тїх*, *тúст* — *тúста* — *тúсто* (по Мажураничу, *тúст*), *црн* (по Караджичу, *црн* — *црна* — *црно* — *црнї*). По-малорусски, однако, *новїй*, *мнякїй*, *слабїй*, *старїй*, *щїй* («на щѣ сердце»), *товстїй*; малорусские *новá*, *старá*, хотя ничем не отличаются от великорусского *новá*, но другого происхождения: малорусское *новá* = *нóвая*, а великорусское — старинная неопределенная форма.

§ 2. ДВУХСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1-й о б р а з е ц: великорусские *глáдок* — *гладкá* — *гладко* — *гладкїй*.

В соответствующих сербских в женском роде большею частью на первом слоге ' (по одногласным известно), что соответствует русскому и чакавскому ударению на втором, но в мужском и среднем роде, по Мажураничу, согласно с великорусским, на первом слоге ^, а по Караджичу — ' (с некоторыми исключениями). Нельзя заподозривать ни того, ни другого. В определенном склонении, по Караджичу и Мажураничу, на первом слоге ^, но рядом с этим, по свидетельству Даничића, и ' на первом слоге в тех же словах: *бїједан* — *бїједна* — *бїједно* — *бїједнї*. Мажуранич: *гладан* — *гладна* — *гладно* (Караджич, *гладан* — *гладна* — *гладно*) — *гладнї*; Мажуранич: *дúжан* — *дúжна* — *дúжно* (Караджич, *дúжан* — *дúжна* — *дúжно*), *дїван* — *дївна* — *дївно*. Мажуранич: *жїдак* — *жїтка* — *жїтко* (Караджич,

¹ В единственном числе, а в определенном склонении, по Даничичу, изменяют ^ в ^.

жїѣдак) — жїѣткї (и, по Даничичу, жїѣтки), крѣтак — крѣтка — крѣтко (Караджич, крѣтак — крѣтка — крѣтко) — крѣткї (и крѣтки, Даничич); судя по русскому, следовало бы ожидать крѣтки.

Караджич: крѣсан — крѣсна — крѣсно — крѣснї. Мажуранич: тѣѣан — тѣѣни; крѣгал (Мажуранич), крѣпан — крѣпно — крѣпна (Караджич, крѣпан) — крѣпнї (и крѣпни, Даничич), мѣтан — мѣтно — мѣтна (Караджич, мѣтан) — мѣтнї, прѣзан — прѣзно — прѣзна (Караджич, прѣзан) — прѣснї, прїѣсан — прїѣсно — прїѣсна (Караджич, прїѣсан) — прїѣснї, рѣван — рѣвно — рѣвна (?) (Караджич, рѣван) — рѣвнї, рїѣдак — рїѣтко — рїѣтка (Караджич, рїѣдак) — рїѣтки (и, по Даничичу, рѣтки), свїѣтао — свїѣтла — свїѣтло (по Караджичу), слѣван — слѣвна — слѣвно, стрѣщан (?) (Караджич, стрѣщан — стрѣшна — стрѣшно — стрѣшни и стрѣшни — Даничич), тїѣсан — тїѣсна — тїѣсно (Караджич, тїѣсан) — тїѣснї, Караджич: тѣман (и тѣман) — тѣмна — тѣмно — тѣмни, трѣдан, хлѣдан (?) (Караджич, хлѣдан — хлѣднї).

Как в некоторых из вышеприведенных и в следующих (в мужском неопределенном склонении на первом слоге), в сербском ударение не только в среднем роде, но и в женском такое же, как в мужском, хотя великорусским предполагается изменение в женском в `: глѣдак — глѣтка — глѣтко — глѣткї (и глѣткї — по Даничичу), бїстар, дрѣбан, мрѣзак, пѣзнї и пѣзнї (Даничич), пѣснї и пѣснї (Даничич), вїѣран, нїзак, слѣдак — слѣтки и слѣткї (Даничич), тѣнкї и тѣнкї (Даничич), Мажуранич: тѣжак (Караджич, тѣжак), Караджич: тѣшкї и тѣшкї, ѣзак — ѣскї и ѣскї (Даничич), јѣсан.

В малорусском старинное ударение на первом слоге в неопределенном склонении этих прилагательных сохранилось частью в мужских формах, какие остались (смѣтен, слѣвен), и в средних на -о, употребляемых в значении наречий.

В малорусском наречия от полногласных прилагательных (гѣлодно, кѣротно, хѣлодно) согласны с приведенными Мажураничем формами: глѣдан — глѣдно, крѣтак — крѣтко и предполагаемую нами хлѣдан — хлѣдно; великорусские голодно́, коротко́, холодно́.

В определенном склонении малорусское наречие в большей части случаев переносит ударение на второй слог. Таким образом, из двух русских наречий одно, малорусское,

предпочитает форму, соответствующую сербской с ` на первом слоге (малорусские *страшній, гладкій*, сербские *глаткї, страшнї*), а другое — соответствующую сербской с ^ или ^ (срѣшній, сербские *срѣшни, глатки*). Почему некоторые прилагательные в малорусском не переносят ударения на второй слог в определенном склонении, а другие переносят, сказать трудно.

К первым принадлежат: *бідний, красний, прїсний, рівний, сла́вний, тёмний, вірний, ясний, «грізний»* (Метлинский, 148), *кіслий, півний, пішний, рідний* (великорусское *родно́й*), все на -ний. Ко вторым: *мутній, рідкій, страшній, тісній, гладкій, тонкій, тяжкій, баскій* (кінь), *близькій, бридкій, важкій, видкій, гидкій, гіркій, гнучкій, дурній* (великорусское *дурно́й*), *жаркій* (великорусское *жа́ркий*), но существительное *жарко́е* (областное *жарко́й*), *курній, кріпкій, низькій, нудній, палкій* (*палка́я* работа), *трудній, пашній* («пашну́ рожу» — Метлинский, 96), *рясній, смутній, стидкій, хуткій, швидкій*. Как первые, так и вторые имеют в наречии ударение на первом слоге (*срѣшно, нудно, прудко, хутко, швидко*). Но в среднем роде определенного склонения — на втором (*страшне́, хутке́*).

Женская форма на -а, по виду неопределенная, имеет ударение такое же, как определенная всех трех родов: *бідна, сла́вна, тёмна, пішна, рідка, півна* — как *бідний* и пр.; *гладка́, тісна́, рясна́* — как *гладкій* и пр.

Из этого можно заключить, что не только те малорусские формы, которые отличны от великорусских по ударению (малорусские *сла́вна, тёмна*; великорусские *славна́, темна́*), но и сходны с великорусскими (*гладка́, тесна́*), произошли из стяжения определенного окончания -ая; поэтому-то первые из них (*сла́вна*) и отличаются от великорусских (*славна́*), что суть собственно формы определенные. Есть впрочем остатки настоящих неопределенных женских форм, например, в выражении «ясна́, красна́ у лузі калина» (песня) *красна́* не есть форма определенная, потому что в таком случае имела бы ударение на первом слоге: *красний* — *красная* — *красна*.

2 - й о б р а з е ц: *вѣсел* — *веселá* — *веселó*, наречие *вѣсело*; *весѣлый*; сербские с неизменяемым `: *вѣсео* — *вѣсела* — *вѣсело, тѣпао* — *тѣпла* — *тѣпло, вѣликї*. Великорусское наречие *теплó*, малорусское *тѣпло*. Великорусское *зѣлен* — *зеленá* — *зеленó*, наречие *зѣлено*; *зелѣный*; малорусское на-

речие *зѣлено*; *зелѣний* отклоняется от сербского, который по ударению мужского рода неопределенного склонения относится к следующему образцу; *зѣлен* — *зелѣна* — *зелѣно* — *зѣленї*; малорусские *зелѣна*, *весѣла* — согласно с вышесказанным — формы определенные.

Сербские *вѣдени* и *водѣни*; *зѣмљани* и *земљани*, *пѣштани* и *поштани*, *лѣдени* и *ледѣни*. Русский держится вторых форм: *водяной*; *водяний*; но сербское *мѣслени* (и *маслѣни*) = русскому *масляный*.

3 - й о б р а з е ц: *высок* — *высока* — *высоко*; *высокий*. В сербском ` , переходящее с первого слога на второй: *висок* — *висока* — *високо*, наречие *високо*; *високи*; *далек*, наречие *далеко*; *дубок* — *дубока* — *дубоко*; *дубоки*; *жесток* (Мажуранич; Караджич — *жесток*; ср. великорусское *жесток* и *жесток*); *црвен* — *црвена* — *црвено*; *црвени*, *широк* — *широка* — *широко*; *широки*. Малорусские *високий*, *далекий* и пр., но наречие отлично от сербского и великорусского и аналогично с *зѣлено*: *високо* (и *високо*), *зда́лека* (но *далеко*), *глі́боко*, *ши́роко*. Ср. «хороше» (К в. - О с н., II, 4) (великорусское *хорошо*); но *червѣно*. Малорусские *висока*, *далека* и пр. — формы определенные, отличны от великорусских неопределенных (*высока*, *далека*).

4 - й о б р а з е ц: великорусские *богат* — *богата* — *богато*; *богатый*. В сербском неизменное ` на первом слоге: *бѣгат* — *бѣгата* — *бѣгато*, *убог*, *брѣстов*, *вѣзов*, *дубов*, *желов*, *клѣнов*, *ѣрлов* (и *ѣрлов*). В малорусском, как и в великорусском *убогий* — *убого* и т. д., *бобрѣвий*, *баѣва* юпка, *валѣвий* (з валу), *грезѣтѣвий*, *грушкѣвий* («грушкѣва плахта» — с узором в виде груши), «морѣва запаска» (К в. - О с н., I, 6); «В єдимашкѣвому шушонї» (К о т л я р е в с к и й, 134); *парчѣвий*, *рожѣвий*, *тисѣвий* («столи тесѣвиї» — М е т л и н с к и й, 170), *шкапѣви* (чоботи), *шовкѣвий* (великорусское *шелков* и *шелков*), *юхтѣвий*, *хмелѣвий* (но *хмелѣвая*, *горѣвая*), *стѣповий*, *терновий*, *низовий*, *Днѣпровий*, а с другой стороны — притяжательные личные от имен двухсложных на -ѣ с ударением на первом или втором слоге: *кѣропова луска*, *Івѣнів сад*; -*авий*, -*явий*: *ласкавий*, *чорнявий*, *бїлявий*, *русявий*; -*аний*, -*яний*: *кѣваний* («кѣвана із смугами свайка»); *погѣний* (сербское *пѣган*), *рїздвяний*, *рутвяний*, *рум'яний* (сербское *рѣмен* — *румѣна* — *румѣно*; *рѣмени*), *рядняний*, *слухняний*; -*иний*: *козїний*, *цапїний*; -*ачий*, -*ячий* от имен с ударением в именительном падеже единственного числа на конце: *свинячий* (но *мїшачий* от *мїша*);

-атий: *косма́тий, черча́тий*; **-астий, -истий:** *пері́стий* (віл із смугами), *трої́стий* (музика), *крапли́стий, черчі́стий* (черчик, «спідниця черчэстая, із самого черцю» — М е т л и н с к и й, 58); **-ний:** *напі́льний* («Під напільним віконечком» — М е т л и н с к и й, 275), *доді́льний* («сорочка додільна — з тонкого полотна до самого долу»).

§ 3. ТРЕХСЛОЖНЫЕ И ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Трехсложные и четырехсложные прилагательные в именительном падеже единственного числа действительной или предполагаемой неопределенной формы:

а) С ударением на втором от конца слоге в именительном падеже мужского рода единственного числа определенной формы: **-овий, -евий:** *каламайко́вий, кита́евий, кришталéвий, празникóвий, рогозо́вий, сап'яно́вий, соболéвий, сугакóвий* («сугакóві» — Кулиш, I, 317), *тяжинóвий, яблунéвий, ярмарко́вий*. Ср. сербские *јасенов, соколов* = малорусским *јасено́вий, соколóвий*; но *јасиков* = малорусскому *осіно́вий*; *јабуков, јаворов* = малорусскому *јаворóвий* (яворовий?); **-астий:** *попелáстий* (віл); **-ачий, -ячий:** *солов'я́чий*; **-ний:** *празні́чний*; **-цький:** *коза́цький, діво́цький, чума́цький*; **-ний, -ній, -аний, -енний, -езний:** *китайча́ний, біда́шний, тутéшний, остáнный, боро́шенний* (посудина), «нечувствéнный» (К в. - О с н., I, 65), *наві́жений, пашéний* (яма), *письме́нный, скаже́ний* и «ска́женний» (К в. - О с н., I, 8), *торопле́ний* («[вовк] підскочив, озирнувсь, мов тороплéний сів» — Г р е б е н к а, 31), *вточéнный, глибо́чений, здо́ровéнный, старéзний*;

-ивий: *милості́вий* (великорусское *мілостивий*, сербское *мілостив*), *жалослі́вий, жартовлі́вий, уродлі́вий* («на вигадки, танці — уродлі́вий»);

-енький: *біле́нький, благéнький, блідéнький, близéнький, бистре́нький, буйне́нький, бурéнький, важéнький, веселе́нький, вороне́нький, височéнький, вузе́нький, глибо́чений, далече́нький, жалібне́нький, зеленéнький, коротéнький, легéнький, малéнький, милéнький, м'яке́нький, повне́нький, низéнький, пізнéнький, пряме́нький, ранéнький, сильне́нький, тихéнький, тонéнький*.

Все эти [слова] образованы от прилагательных, некогда, судя по великорусскому, изменявших ударение в неопределенном склонении (*мал* — *мала́, висо́к* — *высока́*); от прилагательных с ударением неизменным образуются прила-

гательные на **-енький** с ударением на слоге, предшествующем этому окончанию: *лúчченький*. Первым малорусским на **-енький** соответствуют великорусские, изменяющие ударение по образцу *малéнек — ма́ленький*; вторые по ударению и в малорусском, и в великорусском сходны.

б) С ударением на третьем от конца слоге. Вышеупомянутые на **-енький** от прилагательных с постоянным ударением в предполагаемом или действительно неопределенном склонении: *безу́сенький, безхво́стенный, серди́тенький, кирпа́тенький, чорнявенький*, (однако *богатéнький*), *хреща́тенький, більшенький, лúчченький, старшенький, мёншенький*. С этими прилагательными сходны и по ударению существительные на **-онько, -енько** (*ба́тенько, зя́тенько*).

Все на **-есенький, -ісенький**: *повнісенький, прямéсенький, солодéсенький, однісенький* («ні однісенького набою»), *простісенький*. Такое же ударение в соответствующем русском **-ёхонький, -ёшенький**;

-ёлезний, -енезний: *оттакéлезний* («оттакéлезні» — Кулиш, I, 162); *старенéзний*.

§ 4. УДАРЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

Сербское ударение совершенно согласно с русским.

а) Все сербские прилагательные, образующие сравнительную степень по образцу старославянского *болий — больши* (основная предполагаемая форма окончания именительного падежа единственного числа мужского рода **-јас, -јанс**), имеют перед окончанием сравнительной степени ударение `', каково бы ни было ударение и количество этого предшествующего окончанию слога в первообразных прилагательных: *бјèльї, бр̑жї, др̑жї, гл̑шї, г̑шї, жївљї, ж̑ћи, кр̑вљи, кр̑ћи, л̑ћи, мл̑ћи, р̑ћи* (положительная степень определенной формы *р̑ћи*), *сјèћи, с̑ши, т̑пљи, твр̑ћи, х̑ћи, цр̑њи, чèшћи, ма̑ли* (во всех положительная степень по образцу *л̑т*, женский род *л̑та*, определенная форма *л̑тї*); *д̑жї, мèкшї, л̑кшї* (положительная степень, как *д̑г, д̑гї, л̑к*), *кр̑ћи, рјèћи, тјèћи* (положительная степень *кр̑так — кратка — кратко; краткї*), *гл̑ћи, н̑жи, мр̑жи, љ̑жи, жèжи* (положительная степень *гл̑дак*), ср. малорусские той же основной формы: *дóвший, кр̑щий, молóдший, корóтший* и великорусские *дóльше, гл̑же, молóже, корóче*.

б) Все сербские, имеющие в сравнительной степени *-ији* (*ста̀рији*, по старославянскому образцу *добр-ѣи*, *добрѣиши*; основная форма *-ијас*, *-ијанс*), имеют ` на слоге, предшествующем этому окончанию, все равно, каковы бы ни были по ударению и качеству слогов первообразные прилагательные: *сла̀ван* — *сла̀внији*, *крупан* — *крупнији*, *ста̀р* — *ста̀рији*, *хитар* — *хитрији*, *богат* — *богатији*, *па̀метан* — *па̀метнији*, *побожан* — *побожнији*, *за̀дово-лан* — *за̀довољнији*, *ра̀зуман* — *ра̀зумнији*. Этому по правилу соответствует ударение на первом слоге самого окончания в малорусском (*славни́ший*, *розумни́ший*) и в великорусском (*славне́е*, *славне́йший*). Для великорусского, по крайней мере письменного, исключением служат трех- и четырехсложные с постоянным ударением на втором от конца слоге или выше в положительной степени, сохраняющие это ударение и в сравнительной: *па̀мятнее*, *на̀божнее*, *до̀вољнее*, *ра̀зуме́нее*, *ра̀зуме́нейший*, *поко̀рнейший*. В малорусском *поки́рнийший*, *мото́рнийший*; однако — *письме́нныйший*, *завя́тыйший*.

СКЛОНЕНИЕ -Ъ, -Ь (ВАРИАНТЫ)

І ВАРИАНТ

Имена с одинаковым ударением в именительном, звательном, родительном, дательном, творительном падеже единственного числа.

Имена односложные в именительном падеже единственного числа (не считая конечных *-ъ*, *-ь*).

Примечание 1-е. Сюда же относятся русские полногласные двухсложные имена, так как их два коренных слога и по происхождению, и в тоническом отношении равняются одному основному.

С точки зрения русского языка эти односложные имена распадаются на два отдела.

А) Имена, сохраняющие ударение именительного падежа единственного числа в местном падеже единственного числа и во всем множественном числе, и Б) имена, переносящие ударение на окончание местного падежа единственного числа и на все или некоторые падежи множественного числа. В последних есть и подразделения.

§ 1. ИМЕНА С НЕИЗМЕННЫМ УДАРЕНИЕМ ВО ВСЕХ ПАДЕЖАХ

В литературном языке сюда принадлежат:

а) Имена, образованные от к о р н я посредством суффикса -ъ, одного или с предыдущими х, в, частью с предлогами, не составляющими слога (въ, съ, вз), по значению — отвлеченные или же хотя и конкретные, но с явственным для общего сознания отвлеченным значением.

Акад. Грот называет эти имена «явно отглагольными»¹, имея в виду тот же средний уровень сознания говорящих литературным языком; но это название не совсем удачно, так как, например, производство *слух* от *слушать* ошибочно, а производство от глагола *слу-ти* вовсе не общеизвестно.

Таковы: *клад* (В о с т о к о в, Русская грамматика, § 184 б причисляет это слово к переносным [ударение]), *склад* (в более отвлеченном значении сложения, строя, а также конкретном — места, где сложено: *скла́д* — *скла́ды* — *скла́дов*), но конкретно *скла́ды* — *складо́в* (в азбуке), *вклад*, *гнет* (в *гне́те* — давлении, но в *гнету́* — о гнетищем предмете, например, тисках), *бред* (однако в просторечии — в *бреду́*), *толк* (*то́лки* — религиозные, пересуды, но *читать по толка́м* — по верхам), *вдох*, *ток* (*то́ки* — *то́ков*! гальванические, но конкретное *на току́* — *токи́* — *токо́в* = расчищенное место), *сток*, *ввоз* (но *воз* — *возы́* — *возо́в*), *слог* (но *лог* — *логи́* и *лого́в*), *свод*, *взвод*, *снос*, *взнос*, *сгон* (но *гон* — в *гону́*), *сброд* (но *брод* — в *броду́*), *срок*, *мор*, *сбор*, *вздор*, *спор*, *взор*, *сход*, *всход* (но *ход* имеет на *ходу́* — *ходы́* — *ходо́в* и в *хо́де*, — в заднем *хо́де экипажа*, — *ходы́* — *ходо́в*), *рост*, *ков*, *кров*, *лов*, *вид* (в *ви́де того-то* — *ви́ды* — *ви́дов*, но наречное *ввиду́*), *крик*, *клик*, *иск*, *миг*, *сгиб*, *бег* (в *бе́ге* — *бе́ги* — *бе́гов* — отлично от наречия на *бегу́*), *спех*, *смех*, *слух*, *вкус*, *взгляд*.

Знак, *брак*, *визг*, *блеск*, *треск*, *вопль*, *тон*, *гнев*, в *ло́ме костей*, но в *лому́ ходит лошадь*, *ломы́ наемные*; *луг* с *дрязгом*. Ср. *вёсы* (различные), *звук*, *стук*, *гук*, *стон*, *звон*, *сплав*, *лай*.

В некоторых из приведенных примеров явственно стремление языка отличить неподвижностью ударения значение отвлеченное (действие, состояние как предмет) от конкрет-

¹ Я. К. Г р о т, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, «Известия», 1860, т. VIII, вып. 5, стр. 362.

ного (предмет действующий или подлежащий действию). Но стремление это не выдерживается частью вследствие легкости перехода от первого значения ко второму вообще, частью в силу влияния народного языка на литературный. Просторечие настроено, так сказать, конкретно, оно склонно представлять и отвлеченное в форме конкретного. Ср., например, слово *лад* (соглашение, согласие, строй), *в ладѹ* — *лады* — *ладѳв*.

б) Слова той же формы, со значением конкретным (потерявшие отвлеченное значение или, быть может, не имевшие его), но принадлежащие к области литературного языка и окрашенные тем самым свойственною этому языку отвлеченностью мысли; слова частью архаические, частью малоупотребительные в просторечии во множественном числе, как *гáды*, *грáды* (*grandiñes*), *бéды* (*ѳв*), *дѹхи* (*animae, daemones*), но народное *духѹ* — *духѳв* (*agmata*), *зѹбры*, *кмéты*, *лáки*, *лѹки*, *стяги* (знамена), *трѹпы*, *стáны* (но *на станѹ* — *станѹ* — *станѳв* ткацких), *сѳки* (народное *в сокѹ*), *хлéбы* (печеные, но *хлебá* — *хлебѳв* — *segetes*), *яды*, *юги*; *уд*, *тук*.

в) Слова заимствованные. Таковы церковнославянские: *глад*, *глас*, *хлад*, *страж*; между тем как соответствующие им русские полногласные во множественном числе переносят ударение на окончание. Таковы иностранные: *ад*, *бобр*, *балл* (шар), *барс*, *биль*, *блок*, *бриг*, *вальс*, *газ*, *грум*, *бек*, *граф*, *гриф*, *док*, *дюк*, *мол*, *мул*, *мер*, *нерв*, *тигр*, *том*, *флаг*, *франт*, *хор*, *шкаф*.

Грот (loc. cit., 364) замечает, что «чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка». «Если первоначально-иностранное слово, употребительное и во множественном числе, гибко в произношении [т. е. имеет подвижное ударение—*А. П.*], то значит, что народ совершенно сжился с ним, вовсе забыл его происхождение». Это верно, хотя неверны примеры: *рубль* — *рубля*, *врач* — *врача*. Есть много других, как *стих* — *стиха*, *дьяк* — *дьяка*, *царь*, *поп*, *бас*, *бунт* (в значении связки: *бунты* — *бунтов* — *бунтам*, а в значении мятежа: *бунты*), *винт*, *вист*, *герб*, *грош*, *грунт*.

Наконец, сюда принадлежат слова, не подходящие ни под один из приведенных разрядов, конкретные, употребительные в просторечии: *рак* — *раке* — *раки* — *раков*, *волѳх*, *холѳп*, *горѳх*, *морѳз* (полногласное с ударением на втором

слоге. Отлично малорусское *поромі* — «на поромàх» — Котляревский, 2).

В малорусском в общих чертах встречаем то же, что в литературном, только вследствие сравнительно меньшей письменной обработки меньше отвлеченных. С примерами под а) ср. малорусские *схóди*, «скóки» (К в. - О с н., I, 83), *смíхи*, *гніви*, *знáки*, *óхи* («Піднявся писк, стогнання, óхи» — Котляревский, 222); *крíки* («Там чутні жалібні крíки» — *ibid.*, 87), *стра́хи*, *-слýхи*; с б) и г) ср. *га́ди*, *гра́ди*, *ра́ки*, *воло́хи*, *горóхи морóзи*. Малорусское «воі́в» (*воі́* — Котляревский, 210); «дмуть в роги́» (*ibid.*, 217); «Тріщали кóсті, ре́бра, бо́ки» (*ibid.*, 221); «під бо́ки» (*ibid.*, 240). Сверх того в малорусском *passim* сохраняют постоянное ударение во множественном числе и такие слова, которые в литературном и великорусском во множественном числе уже в именительном или только в родительном и следующих падежах переносят ударение на окончание: «в бо́ки» (Гребенка, 13); «З трех (усіх) бо́ків» (Кулиш, I, 279); «ро́ги» (*ibid.*, I, 306), но и *рогí* — *рогíв?*, *ро́ки*, *ро́ків зо два* (часто), но и *рокíв*, *дзвóни* (постоянно) — *дзвóнів*, *дзвóнити*, *го́ди* (*годí*), «го́дів з дев'ятнадцять» (Котляревский, 203), *го́ни*, *го́нів з двоє*; «зелені́ луги́» (Кулиш, II, 99 и *лугí* — *лугíв*); *у кúми* (но именительный падеж *кумí*), «кума́ми» (мужской род — *ibid.*, I, 153), *ýси* — *ýсами* — в *ýсах* (но у Котляревского и «усáми»); *да́ри* («Енею да́ри одрядив» — Котляревский, 138; «мушу да́ри одрядити» — *ibid.*, 275, но и *дарí*). С в) ср. заимствованные с польского *скарби* — *скарбíв*; *жа́рти* — *жа́ртíв*; *шлю́би*.

§ 2. ИМЕНА, ИЗМЕНЯЮЩИЕ УДАРЕНИЕ В МЕСТНОМ ПАДЕЖЕ И МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

а) Местный на -у: Перечисление см. Восток-ов, «Русская грамматика», 27. Это окончание местного падежа принимают исключительно имена неодушевленные и почти исключительно конкретные. В малорусском и имена одушевленные имеют в этом падеже -у, но неударяемое: *на во́вку*. Таким образом, окончание -ѣ (без ударения) в великорусском и -ѣ = -і, -у без ударения в малорусском свойственны отвлеченным и одушевленным, а -у́ в обоих наречиях — одушевленным.

б) По Востокову (Русская грамматика, § 184), следующие имена в литературном, частью имеющие местный падеж на -у или -ѣ, или только на -ѣ, во множественном числе переносят ударение на окончание только в родительном падеже и следующих и сохраняют ударение именительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа.

С твердым окончанием — **-б:** *гроб, дуб, зуб, клуб*; **-м:** *гром, дом*; **-н:** *челн*; **-л:** *дол*; **-р:** *вор, ветер* (ветер); **-д:** *вид, год, град, род*; **-т:** *плут, мот, сорт, фунт, шут*; **-с:** *бес, трус*; **-г:** *бог, друг* (*друзи — друзей* — в церковнославянском), *круг, слог, струг*; **-к:** *волк, век, жук, крюк, сок*; **-х:** *дух, цех*. С мягким окончанием: *червь, зверь, гвоздь, груздь, люди* (*людѣй*), *гость, черти — чертѣй, тать, гусь, муж*.

Из этих имен некоторые мне известны только с постоянным ударением во всем множественном числе (*виды — видов — видами — видах, цех — цѣхов, соки — соков*); другие с ударением на окончании во всем множественном числе (*шуты, жуки, крюки*).

В малорусском уже в именительном падеже множественного числа переносят ударение на окончание: *гриб, дуб, ветер, год, чорт* (*чортѣй*), *бис* (*бисѣй*), *бог* — *богѣв, вовк, муж*, кроме вышеупомянутых *жук, крюк*. Тем не менее перенос ударения на окончание, начиная с родительного падежа, есть явление общерусское, так как и в малорусском *зуби — зубѣв*, «човни» (Котляревский, 28 bis., 46), хотя *ibid.*, 45, 47: «човнѣй» и «човнѣв»; *вітри — вітрѣв* (*вітри*); *на віки — вікѣв; звіри — звірѣв; гвозди — гвоздѣй, люди — людѣй*.

в) По Востокову же, следующие имена переносят ударение во множественном числе на окончание, начиная с именительного падежа.

На губные: *клев* (*хлев*), *зоб, пуп, шкаф* (вернее *шкафы*), *ком, корм, лом, сом, ям*; **-н:** *пан, стан, чин, чан*; **-л, -р:** *бал, вал, пол, бор, дар, жар, жир, мир, мір, пар, пир, сыр, щур*; **-д, -т:** *зад, клад, лад, мед, перед, под, склад* (*склады* — в азбуке), *пуд, ряд, сад, сот* (но, по Далю, множественное число *соты*, и это, если не единственно верное, то более известное ударение), *цвет*; **-з, -с:** *воз, раз, вес* (во множественном числе), *квас, нос*; **-г, -к, -х:** *бег, долг, мозг, стяг, торг, шаг, пук, шелк, верх, дух* (*запах*), *мех, пых*; **-й:** *бой, рай, слой, строй, чай*.

Такое перенесение ударения в соответствующих приведенным именах — есть господствующее в малорусском. Заключена ли какая-либо мысль в различии ударения между именами б) (*дóмы* — *домóв* — *домáм* — *домáми* — *домáх*) и именами в) (*хлéвы* — *хлевóв* и пр.) или это есть явление чисто фонетическое? Если следовать правилу, что в языке исчезающее явление есть более давнее, то можно думать, что перенос ударения на окончание уже в именительном падеже множественного числа по времени происхождения позднее переноса ударения лишь на окончание родительного падежа множественного числа, так как последнее явление исчезает в малорусском. Оставив на время в стороне различие между именительным падежом множественного числа имен б) и в), рассматривая их как одну породу, мы замечаем в ней различие между ударением единственного числа, остающимся на корне, и множественного числа, переходящим на окончание.

Различие это, по всей вероятности, обозначает, с одной стороны, большую индивидуальность единственного числа, с другой — собирательность множественного.

Для выражения собирательности в именительном падеже множественного числа рассматриваемого склонения великорусский и литературный язык имеет особое окончание, именно ударяемое *-á*, *-я́*, переносящее на себя ударение, стоящее в единственном числе, выше; но в остальных падежах имен, не принимающих особого суффикса для всего множественного числа (как *зуб-ья* — *зуб-ьев* и т. п.), собирательность может выражаться только ударением. Собирательное значение этого окончания не подлежит сомнению. В великорусском и литературном оно с очень немногочисленными исключениями имеет место в именах без этого окончания, сохраняющих ударение на корне (или первом слоге): *гóды* — *годá* (см.: В о с т о к о в, Русская грамматика, § 29, 3 и Г р о т, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных — в «Известиях», т. VIII, вып. 5, стр. 364—365). Так как в малорусском это окончание встречается весьма редко, но зато в этом наречии перенос на обыкновенное окончание именительного падежа множественного числа (*-и*) встречается в несравненно меньшем количестве слов, чем в литературном, между прочим именно в тех, которые в литературном имеют двойное окончание именительного падежа множественного чи-

сла (на *-ы*, *-и* неударяемое и на *-а* ударяемое: *хліві́*, *городі́*, *поясі́*, *снігі́* и т. п.), то, при сходстве категорий, различаемых обоими наречиями, следует думать, что и здесь малорусское окончание *-і́* имеет тот же собирательный смысл, что и великорусское и литературное *-а́*.

Отсюда в свою очередь падает свет на значение ударения в именительном падеже множественного числа тех имен, которые уже в этом падеже переносят ударение на окончание. Большинству этих имен не свойственно собирательное окончание *-а*. Почему? Потому ли, что они не нуждаются в оттенке собирательности? Нет. Это можно было бы сказать только об именах отвлеченных, каковы приведенные выше имена с постоянным ударением во всем склонении.

Потому ли, что язык встречал при этом фонетические или тонические препятствия? Тоже нет. О фонетических препятствиях говорить нечего, так как отсутствие их очевидно. Тонические не могли бы помешать, так как есть же имена, принимающие окончание именительного падежа множественного числа на *-а́*, несмотря на то, что и другое правильное окончание этого падежа имеет на себе ударение: *кормы́*, *кормá*. Я полагаю, что язык не распространяет на все имена этого рода (т. е. односложные, имеющие ударение на окончании в именительном падеже множественного числа) вследствие того, что само по себе перенесение ударения на окончание служит для той же цели, что и окончание *-а*, т. е. для выражения собирательности, и что окончание *шелка́* при *шелкі́* есть излишество, происшедшее от забвения смысла этой последней.

Тоническое препятствие к принятию собирательного *-а́* действительно встречается в именах, переносящих ударение на падежное окончание уже в родительном падеже единственного числа. Здесь именительный падеж множественного числа ничем бы не отличался от родительного падежа единственного числа. Поэтому только имена с ударяемым окончанием родительного падежа вовсе не принимают в именительном падеже множественного числа собирательного *-а́* (исключение *рукава́*, *обшлага́*). В малорусском принимают немногие, но замечательно как доказательство, что язык чувствует неудобство наружной тождественности именительного падежа множественного числа и родительного падежа единственного числа (в слове *рукáв* — родительный падеж *рукава́*, малорусский в именительном падеже множественного числа переставляет ударение: *рукáва*).

Возвращаясь к именам б), спрашиваю: какой смысл могло иметь сохранение ударения на корне в именительном падеже множественного числа, между тем как в остальных падежах множественного числа ударение падает на падежные окончания: *зубы*, но *зубов* — *зубам* — *зубами* — *зубам*. Конечно, причина может быть чисто фонетическая. Но, предположивши, что нет, легко можно объяснить это противопоставление именительного как наиболее индивидуализирующего прочим косвенным. Мы видели то же в местном падеже на *-ý* ударяемое при сравнении его с падежом на *-ъ* и *-ÿ* неударяемое.

II ВАРИАНТ

Имена с постоянным ударением в единственном числе, кроме местного падежа или и со включением его.

Для русского языка правило: если в родительном падеже единственного числа ударение остается на том же слого, что в именительном падеже единственного числа, то оно остается и в дательном, творительном. За указатель ударения во всех этих падежах принимается родительный. Местный падеж по ударению в таких именах то согласуется с родительным, то переносит ударение на падежное окончание.

§ 1. А. ОДНОСЛОЖНЫЕ ИМЕНА, КАК *ДОМ* — *ДОМА* — *ДОМУ* — *ДОМОМ*, МЕСТНЫЙ *ДОМЕ* — *ДОМУ*, И ДВУХСЛОЖНЫЕ ПОЛНОГЛАСНЫЕ ИМЕНА, КАК *ГОЛОД* — *ГОЛОДА* И *МОРОЗ* — *МОРОЗА*

В сербском этим именам соответствуют односложные и двухсложные с беглою гласною, гласною неорганической, т. е. эвфонической, не существующею в основной славянской форме и в русском, например, сербское *писак* = старославянскому и русскому *писк*; также двухсложные, коих двухсложность произошла от разложения *ѣ* на *ије* (*врѣје*).

а) Именительный падеж с ударением $\hat{}$ на коренной гласной в именительном и родительном падеже единственного числа образца *враг* — *врага* — *врагу* — *врагом* = русскому *врог* — *врога* и пр. Таковы из числа общих русскому и сербскому: а) *влас*, *влат*, (волос, волот); *глад*, *глас*, *клас*, *млат* (молот), *слад*, *хлад*, *члан* (и *член* — с разным значением; ср. старославянское *члѣнъ*); *брав* (боров),

врѣг, врѣн, врѣт, грѣд, мрѣз, мрѣк (морок), *прѣг* (порог), *прѣх, сврѣб, смрѣд, срѣм*; русскому *нѣров* должно бы соответствовать *нрѣв*, но у Караджича *нѣрав*, с эвфоническим *а* в первом слоге, на коем мы бы ожидали встретить *'*, а не *'*; *бѣн* (родительный падеж *бѣна* и *бѣна* = чакавское *бѣнѣ*; ср. *пан*), *дѣр, знѣк, зрѣк* (луч), *кѣл* (и *кѣо*, родительный падеж *кѣла*. См. примечание 1), *квѣс, пѣс* (= сербскому *пѣјас*). Последняя форма, общая русскому и сербскому, так относится к *пас*, как русское *гѣлос* к *глѣс*, *рѣст* (рост), *сѣд, сплѣв, стѣн, цвѣл* (и *цвѣо* — *цвѣла*. См. примечание 1); *вѣд, жѣг* (cauterium, орудие для выжигания); *бѣк* (lacus cataractae strepitosus, великорусское *бук* — у мельницы); *лѣк, лѣс, клѣк, пѣр*; *дѣх* (*дѣха* — дуновение, но *дѣх* — *дѣха* — Geist, spiritus); *дрѣг, клѣн* (клюв), *кѣм, слѣх, трѣп*; *трѣд* (*трѣда* = *трут*, отлично от *трѣд* = *труд*); *ѣд, вѣк* (волк); *дѣг* (долг), *сѣт* (сот), *трѣ* (товар); *трѣн* (по Мажураничу, § 39: *трѣн* — *трѣна*), *чѣн* (челн), *црѣв, сѣн, згѣб*; *брѣјест* (брѣст, бѣрест), *брѣјег* (брѣг, бѣрег), *жлѣјег* (жлѣб, жѣлоб); *ждрѣјег* (жѣреб, жрѣбий), *црѣјеп* (црѣп, чѣреп), *бѣјес* (бѣс), *блѣк* (balatus), *вѣјек* (вѣк), *гнѣјев* (так по Мажураничу; у Караджича *гнѣв*); *смѣјех* — *смѣјеха* (по-южному, но по-восточному у Караджича и затем у Даничича: *смѣх* — *смѣха*). Точно также: *мѣјех* (вероятно, родительный падеж *мѣјеха*, но по-восточному *мѣх* — *мѣха*), *бѣјег* (бѣг = fuga), *врѣсак, дрѣзак* (дрозд), *мѣзак, пѣсак, плѣсак, трѣсак, смѣсао* (смысл); *звѣјер* (звѣр), *лѣјес* (лѣс), *мѣјех* (мѣх), *свѣјет* (свѣт), *слѣјед* (слѣд), *снѣјег* (снѣг), *смѣјех* (смѣх), *трѣјасак* (с эвфоническим *а*, не изменяющим отношения к русскому *треск*), *цѣјеп*; *звѣк, кнѣз, рѣд, дѣб, зѣб, крѣг, кѣс* (кусать, вкус), *лѣб, лѣк* (отлично от *лѣк* — allium), *лѣг, (лѣга* — lucus отлично от *лѣг* — *лѣга* cipis — щелок), *мѣж, прѣт, сѣд* (сосѣд).

Есть впрочем немногие случаи несогласия с русским. Таковы сербские *грѣзд, дрѣзд* (*дрѣзак*), *лѣст*; *лѣст* — по Караджичу и Мажураничу. *Дѣн* — родительный падеж *дѣна*, *врѣјесак* (врѣсак) — род дуплистого растения (но звательный падеж *вѣреск*), *јѣж, пѣк* (плѣк), *стѣд, стѣб* (столб), *срп, стрѣк* (caulis), сохраняющие ударение именительного падежа в родительном и сходных, между тем как соответствующие русские имена переносят ударение на окончание родительного падежа единственного числа. Так по Караджичу, но Мажуранич: *грѣзд* — родительный падеж *грѣзда*, *дрѣзд* — *дрѣзда* согласно с русским (Slovnica hrvatska, § 39).

б) Имена с $\hat{}$ на коренной гласной в именительном падеже единственного числа и с $\grave{}$ на коренной гласной родительного и сходных с ним по ударению падежей (дательного, творительного).

О количественной разнице коренной гласной в именительном и родительном падежах см. примечание 1. В русском эта разница не отражается, т. е. ударение остается неподвижным.

Таковы в сербском склоняющиеся по образцу: *bõg* — *bõga* — *bõgu* — *bõgom*; *zmāj* (змея), *krāj*, *māx*, *strāx*, *rāj*; *mēd* (мёда), *čas*, *bõj* — *bojā* (по Мажураничу, отлично от русского *bõj* — *bõja*), *bõk*, *bõr*, *brõd*, *võj* (ряд при плетеньи плетня, от *ви-ти*), *gnõj*, *gõst*, *dõm*, *zõj* (куча, отдел стада, как сбитое), *zõr*, *znõj*, *kõv* (абстрактное ков, кованье и орудие дляковки, оковка), *krõv*, *krõj*, *lõv*, *lõj*, *rõt*, *rõg*, *rõd*, *rõj*, *rõk*, Мажуранич — *rõk* (срок), *svõj* (*с-ви-ти*; водоворот), *skõk*, *sõk* (*succus*), *srõk*, *strāx*, *xõd*; *lēd* (родительный падеж *лѣда*, с ударением как в малорусском *лїд* — *льõду*, но отличается от великорусского литературного *льдā*, *льдў*), *rõv* (родительный падеж *рõва*, как в малорусском, но отлично от великорусского *рвā*. По Мажураничу, *rõv* — *рõва*), *tāst* — *tāsta* (согласно с русским *тесть* — *тѣстя*, но отлично от *цтя*, *тстя*). По Мажураничу, сюда же и *grõm* — родительный падеж *грõма*, согласно с русским, но, по Караджичу, *grõm* — *грõма*, *võz* (*вõза*, но у Караджича при этом слове с единственным значением воза, как меры навьюченного, родительный падеж не обозначен). Сербское *prāx* — *prāxa* согласно с русским только в именительном, а не в родительном падеже, где в соответствии с русским *пõроха* следовало бы ожидать *prāxa*. Отклоняются от русского: *dājđ* — *дājда*, *mõst* — *мõста*, *plõd* — *плõда*, *põst* — *põста* (но у Мажуранича, § 39: *põst* — *põста*), *plõt* — *плõта* (плетень, русское *плõта* или *плотā*?).

в) Имена с $\grave{}$ в именительном, родительном и прочих падежах: *rāk* — *rāka* — *rāku* — звательный падеж *rāche* — *rāком*. Таковы: *vļāx* (волõх), *grāx* (горõх), *mrāz* (морõз), *prāg* (порõг), *prām* (порõм); *brāt*, *gād*, *grāb*, *grād* (*grando*), *žbān*, *māx* (мах, взмах), *plāč*, *rāk*, *stād*, *spās*, *kmēt*, *žїd* (малорусский родительный падеж *жїда*, но и *жидā*), *klїn*, *kõn* (русское *конь*), *lўk* (*allium*), *plўg*, *jўg*, *grk* (грек), *krst*; *võsak*, *mõzak* (это слово у Караджича: *mõzak* и *mõzak* и поэтому правильно и выше), *vєnar* (вепрь), *Pєtar*; *dїm* (дым), *cїr* (сыр), *tїn* (тын), *dїєd*, *xљєb*, *svїєt* (*consilium*), *srєz*

(округ), *зглѣд*, *зѣт*; *лѣн*, родительный падеж *лѣна*, согласно с украинским *льон* — *льону*, отлично от *лен* — *ленѣ*; при сербском *лѣв* — *лѣва* — русское *львѣ*. Ср. вышеприведенные *дѣн* — *дѣна* (дня), *тѣст* — *тѣста* (тестя), где на гласную из ъ, беглую в русском, падает ударение $\hat{\ }$ или $\grave{\ }$.

Различны ударения в сербском *скѣт* (родительный падеж *скѣта?*), *цѣр* — *цѣра*, при коих в русском *скотѣ*, *царѣ*, и наоборот: *мѣк* — *мѣка*, *свѣд* — *свѣда*, при коих в русском с постоянным ударением: *мѣку* — *мѣком*, *свѣда*.

Сравнивая между собою имена под **а**, **б**, **в**, замечаем, что в числе первых (образец *врѣг* — *врѣга*) вовсе нет имен с коренным **о** (за исключением сомнительных *грозд*, *дрозд*); что таких имен нет и под **в** (образец *рѣк* — *рѣка*), за исключением *кѣн*, и что особенно наклонны к ударению гласной (по образцу **б** *бѣг* — *бѣга*) имена с **о** в корне.

В великорусском литературном от именительного, родительного, дательного, творительного падежей имен с постоянным ударением отклоняется местный падеж имен **н е о д у ш е в л е н н ы х**, принимающих в нем **-ѹ** (ударяемое). В малорусском хотя окончание местного падежа **-у**, **-ю** имеет место не только в неодушевленных, но и в одушевленных, но в последнем случае не принимает на себя ударения в именах, не изменяющих ударения в родительном падеже. Ср. *при пѣну*, *при онѹку*, *на вѣвку с у снѣгѹ* и т. п. В сербском окончание **-ѣ** в местном падеже рассматриваемых имен совсем исчезло. (О хорватском, где оно отчасти сохранилось, см.: *Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. III, §424.*) Имена же **о д у ш е в л е н н ы е** и **н е о д у ш е в л е н н ы е** различаются в этом падеже тем, что первые сохраняют в нем ударение родительного падежа единственного числа и сходных с ним (не именительного, потому что в нем, как мы видели, основное $\grave{\ }$ может удлиняться в $\hat{\ }$), а вторые ослабляют ударение родительного падежа $\hat{\ }$ в $\acute{\ }$, а $\grave{\ }$ в $\grave{\ }$. Такое ослабление равно чакавскому и русскому переносу ударения на окончание **-у**.

Таким образом, **н е и з м е н я ю т** ударения в местном падеже единственного числа:

Из имен **а**): *брѣв*, *врѣг*, *врѣн*, *прѣг*, *бѣн* (по Караджичу), *дрѹг*, *звѣр*, *лѹс*, *вѹк*, *кнѣз*, *сѹн* и др. Из имен **б**): Даничич предполагает неизменность ударения (ср. Српски акценти, 13), так как у Караджича изменения не отмечены: *змѣј* (родительный падеж *змѣја*, дательный и местный падеж *змѣју*) и по этому образцу *бѣг*, *гѣст*, *тѣст*. Из имен

в): *брѣт, дјѣд, зѣт, кмѣт*. Впрочем: *влѣх — влѣха* имеет, по Даничичу, также *влѣху*.

Изменяют ударение в местном падеже:

Из имен **а):** *врѣт — врѣту* (великорусское *на вороту*), *грѣд — грѣду* (областное великорусское *в городу*), *мрѣк — мрѣку*, *брѣг — брѣгу* (*на берегу*), *хлѣд — хлѣду*, *глѣс — глѣсу*, *црѣп — црѣпу*, *дѣр — дѣру*, *сѣд — сѣду* (*в саду*), *стѣн — стѣну*, *пѣр — пѣру* (*на пирю*), *дѣг — дѣгу* (*в долгу*), *трѣн — трѣну*, *чѣн — чѣну*, *свѣтет — свѣтету* (областное великорусское *на свету*), *вѣјек — вѣјеку* (*на веку*), *зѣб — зѣбу* (*на зубу*), *снѣјег — снѣјегу*, *смѣсао — у смѣсау*, *лѣг — лѣгу* (*на лугу*), *рѣд — рѣду* (*на ряду*) и др. Из слов Даничича (Српски акценти) заключаю, что такое изменение в сербском свойственно в с е м неодушевленным этого образца.

Из имен **б):** *бѣј — бѣја — бѣју* — и, таким образом, *дѣм — дѣму*, *знѣј — знѣју*, *крѣв — крѣву*, *лѣд — лѣду* (малорусское *лѣд — льѣду — на льѣду*), *мѣд — мѣду*, *лѣв — лѣву*, *лѣј — лѣју*, *нѣс — нѣсу*, *рѣј — рѣју*, *рѣг — рѣгу*, *рѣд — рѣду*, *хѣд — хѣду* и, вероятно, все неодушевленные.

Относительно имен **в)** нельзя сказать того же. Даничич приводит только восемь имен этого разряда, в том числе одушевленное *влѣх — влѣху* и неодушевленные *прѣг — прѣгу* (что по-русски было бы *порог — порогу*), *прѣст — прѣсту*, *чѣс — чѣсу*, прибавляя, что, может быть, есть и еще такие слова, но он наверное не знает. Сюда и двухсложные с неорганической беглою: *вѣсак — вѣску*, *мѣзак — мѣзку*.

§ 2. Б. ИМЕНА ДВУХСЛОЖНЫЕ

В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. С ударением в русском языке на первом слоге (сюда не принадлежат причисленные к **А** существительные полногласные).

а) Со второю беглою гласною в русском и сербском. Им соответствуют в сербском:

аа) Имена с $\hat{}$ на первом слоге: *бѣбань — бѣбња* (бубен), *лѣкат — лѣкта* (локоть). Имена эти ничем не отличаются в настоящем времени от тех, в коих беглая гласная неорганическая и $\hat{}$ на первом слоге, как приведенные выше под **Аа)**: *врѣсак (врѣјесак), пѣсак, плѣсак, трѣсак*. Сюда же *жрѣвань — жрѣвња* (по Мажураничу, *жрѣван*) — перестановка

из *жрнав*, соответственно коему *жёрнов*, во избежание стечения согласных, имело второе *о* постоянное: *сѹ́јечаъ* (январь) — *сѹ́јечна*, *ср̑паъ* — *ср̑пна* (июль), *тра̑ваъ* — *тра̑вна* (апрель), *свѹ́баъ* — *свѹ́бна* (май), *лѹ́паъ* — *лѹ́пна* (май), *рѹ́јан* — *рѹ́јна* (сентябрь).

бб) Имена с *˘* на первом слоге в именительном и родительном падеже (и предложном): *гр̑шац* (*гр̑х*) (Ср. русские полногласные с ударением на втором *о*: *горóшец*, *морóвец*), *зн̑нац* — *зн̑нца* (знакомый), *ј̑мац* — *ј̑мца* (поручитель), *мѹ́тар*, *вл̑шац* (*allium ascalonicum*), *бр̑тац* — *бр̑ца* (брат), *хл̑бац* — *хл̑нца* (хлѐб), *вј̑тар* (*вѣтар*) — *вј̑тра*, *Пѣ́тар* — *Пѣ́тра* (= малорусскому на *Пѣ́тра*; ср. также родительный падеж *Пѣ́тра* = общерусскому *Петр̑а*); *вѣ́пар* — *вѣ́пра* (по Мажураничу, *вѣ́пар*), *см̑ток* — *см̑тка* (моток, см̑ток, клубок); ср. по ударению малорусские *см̑́ток*, *жм̑́ток*, *вз̑́ток*. Общерусские *кѹ́бок*, *з̑́мок*; малорусское *р̑́нок*. Малорусские *свѹ́ток*, *свѣ́рток*, *сн̑́сок*, *ск̑́лок*, *скр̑́ток*, *см̑́лок*, *сн̑́мок*, *сп̑́рок*, *ср̑́сток* и т. п. *Свѣ́жаъ* — *свѣ́жна* (связка; ср. русское *св̑́зень*, узник и многие на *-ень*, *-нь*: *бр̑́день*, *сг̑́бень*, *шв̑́рень*, *скл̑́день*, *ст̑́ержень*, *п̑́рень*, *ш̑́ршень*); *сѹ́жаъ* — *сѹ́жна* (= *св̑́зень*, пленник из *сѹ́* — *жз=ваз*), *к̑́шаъ* — *к̑́шья*, *ч̑́шаъ* — *ч̑́шья* (и *ч̑́шья*, *гребень*), *ѹ́гаъ* — *ѹ́гья*, *ѹ́гар* — *ѹ́гра* (= угрин); *вѹ́жаю* (*вѹ́жал*, *вы́жел*, *вы́жлец*), *с̑́рдао* (*с̑́рдал*, свердел, сверло, бурав); сербские *ѹ́гао* (*ѹ́гал*), *ѹ́зао* (*ѹ́зал*) — родительный падеж *ѹ́гла*, *ѹ́зла* — отличны от русских *угл̑́а*, *узл̑́а*, *н̑́кат* — *н̑́кта* (ноготь). Сюда или к *аа*) (*л̑́кат*) относятся русские: *к̑́готь*, *л̑́поть*, *д̑́готь*, *в̑́хоть*. Отклоняются, по Караджичу, *свѣ́кар* — родительный падеж *свѣ́кра*, но, по Мажураничу, *свѣ́кра* (*Slovnica h̑ervatska*, § 41).

вв) Имена с *˘* на первом слоге в именительном падеже единственного числа и с *ˆ* на том же слоге в родительном, дательном, творительном, звательном и местном падежах единственного числа: *ст̑́рац* — родительный падеж *ст̑́рца* — дательный *ст̑́рцу* — творительный *ст̑́рцем* — звательный *ст̑́рче*. Вообще *ˆ* остается во всех падежах множественного числа, где коренная гласная находится в среднем слоге (*ст̑́рца* — винительный падеж *ст̑́рце* — *ст̑́рцама*), но в родительном падеже (*ст̑́раца*) опять появляется *˘*, потому что изменение *˘* на *ˆ* есть следствие влияния среднего слога (respect позиции) и согласной, заключающей средний слог. Первоначально (до появления славянской позиции) имена, как *ст̑́рац* — *ст̑́рца*, вполне равны та-

ким, как *брѣтац* — *брѣ(т)ца*. О чем см. примечание 1.

По этому образцу: *сѣрац* (круг сыра), *ћѹраћ* = *ћѹрац* (Юрий), *дѹлац* — *дѹлца* (трубка, посредством которой надувается мех волынки; ср. относительно ударения *дѹльце*), *жѣлац* — *жѣлца* (жало; ср. *жѣльце*), *пѣлац* (палец), *пѣлац* (пьяница), *тѣлац* — *тѣоца* (шаль, заложник), *клѣнац* (гвоздь, в русском отлично по ударению *клинѣц*, но однако, в малорусском *клѣнци*), *тѣнац* и несколько других, отличных по ударению от русских: *гѣрнац* (горнѣц), *дѣнак* (денѣк), *сѣнак* (от *сѣн* — *снѣ*), *сѣнак* (сынѣк); *стѣнак* (прѣбывание, жилье), *јѣнац* (*ѣгнец* — согласно с русским во множественном числе *ѣнѣци*); *млѣнац* (млынѣц); *бѣјац* — *бѣјца* (реже из *бѣн* — *бѣец*), *збѣјак* (*сбѣен = не рослый, но как бы сбитый, коренастый вол), *знѣјак* (зной), *крѣјац* (*latus rappi*, конец или покромка); *ћѣјац* — *ћѣјца* (дядя, материн брат); *зглѣвак* — *зглѣвка* (сустав; по-русски было бы «сголовок»), *здрѣвац* — *здрѣвца* (рост; было бы «здоровѣц»), *гѣвао* (*гѣвал* — *гѣвла*, гвоздь), *Пѣвао* — *Пѣвла*, *сѣвац* — *сѣвца* (сѣвка), *ћѣвао* — *ћѣбла* (род колодца или водоема), *Бѣхаћ* — *Бѣхћа* (собственное имя города), *дрѣхат* — *дрѣхта* (дрожь).

б) Со второю постоянною гласною в русском и сербском.

аа) С $\hat{}$ на первом слоге: *дѣбош* (барабан; малорусское *дѣбош* — барабанщик,) *лѣгор* (лагерь), *мѣјстор* (майстер, мастер), *тѣбор*, *ѣнѣео* и др. (см.: Д а н и ч и ћ, Српски акценти, 18).

бб) С $\hat{}$ на первом и на втором слоге (respect со второю гласною долгою без ударения): *бѣједнѣк* (*calumniator*, ср. по форме русское *бѣдник* — увечный), *вѣјећнѣк* (советчик; ср. *вѣчник*), *звѣнѣк* (званный гость; но русское было бы «звѣник», судя по *звѣница*), *кѣнѣк* (всадник; конник), *прѣзнѣк*, *пѣтнѣк* (ср. русские на -ик с ударением на первом слоге: *всадник*, *пряник*, *перѣдник*, малорусские *вѣнник*, *бѣдник*, *мѣсник*, *стѣдник*. Устраняю от сравнения уменьшительные с таким же ударением); *кѣнтѣш* (малорусское *кѣнтуш*).

вв) С ударением $\hat{}$ на первом слоге: *брѣтић* (сын брата, племянник. По-русски было бы *брѣтич*), *бѣквич* (молодой бук), *врѣнић* (вороненск. ср. фамилию *Ворѣнич*), *жѣбић*, *мѣшић*, *плѣмић*, *влѣшић* и употребительное только во множественном числе *гѣшчићи* (гусляр) и др.; *грѣхот* (громкий смех, хохот; ср. *грѣхот*), *бѣхат* (топот), *дѣспот*; *срѣбин*, *ћѣгрин*; *пѣнео*, *Дѣнав* (отлично от русского), *ћѣсток*, *ѣток*, *прѣдјед*, *сѣсјед* (отлично от русского).

В родительном падеже единственного числа остается ударение именительного.

гг) С ударением [˘] на первом слоге и с [˘] на втором; это последнее теряется в непрямых падежах: *дјѣвѣр* — родительный падеж *дјѣвѣра* — дательный *дјѣверу*, винительный = родительному, звательный *дјѣвере*.

҃аво (*҃авѡл*), *грѣбѣн* (*грѣбена*), *кѡмѣн*, *крѣмѣн*, *плѡмѣн*, *прѡмѣн*, *прѣстѣн*, *рѣмѣн*, *стрѣмѣн* (малорусское ударение *грѣбень* — *грѣбѣня*, *крѣмѣн* — *крѣмѣня* оказывается более древним, чем великорусское *гребѣнь* — *гребнѣя*, *кремѣнь* — *кремнѣя*. Впрочем у Даля — «грѣбень»; *јѣчмѣн* отлично от великорусского и малорусского *ячмѣнь*, *ячмѣн*); *кѡријѣн* — *кѡрѣн* (малорусское *кѡринь* — *кѡреня*), должно бы иметь *еѡ* во втором слоге только *е*, а не *ије* (которое не имеет здесь этимологического основания), а в родительном падеже должно бы сокращать вторую гласную; но у Караджича родительный падеж *кѡрѣна* — *кѡријѣна*; *јѡсѣн* — *јѡсѣна* (ясень, *҃ахипус*); *бѣсѣн* — *бѣсѣна* (дерн, *саесрес*; ср. северновеликорусское *бусенѣц* — отава, молодая трава, — предполагающее *бѣсѣнь*, как малорусские *кремѣнѣц*, *камѣнѣц*, *ремѣнѣц* предполагают *крѣмѣнь* и пр.); *срѣшлѣн* — *срѣшлѣн* (шершень, *vespa*); *гѣштѣр* (ящер; ср. *гѣштерица* = ящерица), *ѣвѣр* (щепка; ср. *ѣверень* из *ѣвер*, как малорусское *якорень* из *кѡрень*); *јѡвѡр*, *мрѡмѡр*, *сјѣвѣр* (у Мажуранича *сѣјевѣр*); *вѣчѣр* — *вѣчера*, *гѡвѡр*, *стѡжѣр* — *стѣжѣр* (отлично от русского *стожѡр*), *чѣмѣр* (чемер? — чемерица); *Дѣнѡј* — родительный падеж *Дѣнаја* (= *Дѣнѡв* — отлично от русского), *ѡчѣх* (отчим), *ѣсѡв* (снежный обвал), *гѡспѡд* (отлично от русского), *чѡкѡт* (винная лоза, чубук).

дд) Имена с [˘] на первом слоге и вторым слогом с постоянной долгою, независимою от качества слога: *пѣ҃ѡк* — родительный и винительный падеж *пѣ҃ѡка* — дательный *пѣ҃ѡку* — звательный *пѣ҃ѡче* — творительный *пѣ҃ѡком*, во множественном числе именительный падеж *пѣ҃ѡци* — родительный *пѣ҃ѡка* — дательный-творительный-местный *пѣ҃ѡцима* — винительный *пѣ҃ѡка* (?); *вѡздѣх*, *пѡглѣд*, *ѡбѡд*, *ѡмаш*. Сюда трехсложные с неорганической беглою — *кѡрабѣль* (id.), *прѣштѣсак* (жердь для защиты крыш от ветра), *зѡпѡд*, *ѡблѡк*, *ѡблѣк*, *ѡбрѣч*, *рѡзѣм*, *прѣстѡв*, *прѣштѣсак*, *прѡвлѡк* (маканая восковая свеча), *сѣмрѡк*, *ѣзрѡст* и др. (Ср. русские *вѡздух*, *ѡстов*, *ѡбраз*, *прѣзнак*, *нѡвык*, *пѡчерк*, *пѡгреб*, *пѡзыв*, *нѡпуск*, *пѡпрыск*, *прѡмысел*, *пѡтрох*, *спѡсоб*, *ѣжас* и др. по крайней мере относительно ударения первого сло-

га); *гдврѣн*, *гдлѹб*, *јѣстрѣб* (*јѣстријѣб*), *тѣтрѣб* (*тѣтријѣб*), *лѹбѹд*, *мјѣсѣц*, *пѹсѣр*, *рѹбѣр*, *Лѣзѣр*, *звѣнѣт*, *клѣнѣт*, *трѣсѣт* (трясина), *трѣпѣт*, *шѣпѣт*, *сѣпѣт* (название нескольких ключей воды); *вѹтѣз*, *пѣнѣзи* (pluralis), *пѣјѣс*, *слѹчѣј* и др., между прочим отличные от русских по ударению, как *лѹшѣј* — *лѹшаја*, *пѣѹк*; *кѣкѣш* (ср. *кѣчет*). Ср. русские *тѣпот*, *рѣпот*, *скрѣжет*; *грѣшнѹк*, *лѣшнѹк*.

К б) принадлежат русские *бѹйвол* (в сербском *бѹвѣ* — *бѹвола*), *гѣголь*, *ѹдол*, *кѹпол*, *ѣмѹль*, *сѣболь*, *ѣкунь*, *дѣмон*, *лѣдон*, *бѣрин*, *вѣин*, (сербское *Вѣин* — собственное имя), *ѹжин*, *фѹлин*, *сѣван*, *бѣсер* (сербское *бѣсер*), *кѣзырь*.

в) С третьейю постоянною гласною.

аа) с $\hat{}$: *Бѣновић*.

бб) *грлѹчѹћ* и пр. Между этими именами много несоответствующих русским, как *ѣпостол*, *бѹгарин*, *прѹјатель*, *цѣревић*.

вв) На первом слоге $\hat{}$, на третьем $\hat{}$ постоянное (кроме местного падежа): *мѹченѹк*.

Во многих именах, относящихся сюда, в сербском, в русском стоит ударение на втором и третьем слоге: *Бѣгольѹб*, *лѹстопѣд*, *лѹбомѹр*, *Цѣригрѣд*; *нѣмастѹр*, *дѣговѣр*, *нѣговѣр*, *рѣзговѣр* (*гдвѣр*), *ѣбичѣј*. В местном падеже ударение такое, которое соответствовало бы русскому на начальном слоге: *ѣбичѣју*, *дѣговѣру* (Д а н и ч и ћ, Српски акценти, 44—45).

Русские: *зѣмолотчик*, *нѣкосник*, *нѣузник* (псковское, тверское), *нѣсковородник*, *нѣхлебник*, *нѣпропуск*, *нѣдоросль*.

2. С ударением в русском на втором слоге.

а) С третьейю гласною беглою.

аа) В сербском $\acute{}$ на первом слоге, с беглою долгою на втором имен с суффиксами **-ак** (**-ѹк**), **-ѣц** (**-ѹць**): *зѣвојак* — родительный падеж *зѣвѣјка*, *зѣселак* — *зѣсѣлка*, *вѣдалѣц* — *вѣдаѣца*, *дѣвалац* — *дѣваѣца*.

бб) На первом слоге, на втором долготы не бывает: *нѣврѣк* — родительный падеж *нѣврѣка*.

вв) Ударение $\hat{}$ на первом слоге, на втором — беглая долгота: *пѣсавац* — родительный падеж *пѣсѣвѣца* — дательный *пѣсѣвѣцу* — *пѣсѣвѣцем*, множественное число *пѣсѣвѣци* — винительный падеж *пѣсѣвѣце* — *пѣсѣвѣцими*; *бѣсиљак* (малорусское *васѣльок*), *звѣринац* (*лишај*; ср. *зверѣнец*), *лѣнивац*, *млѣзинац* (= *мѣзимац* — младший сын), *ѣкрајак* (*segmentum*), *пѣморац* (моряк), *трѣговац*, *ѹривак*, *ѹторак* (ср. малорусское *вѣтѣрок*) и многие др. То же ударение оста-

ется на первом слоге во всех падежах, не исключая родительного падежа множественного числа.

гг) То же без беглой долготы на втором слоге: *жѣлудац* — *жѣлуца* (желудок), *пѣдметак* — *пѣдметка* (что подкладывается).

В русском всем под а) соответствует множество имен с суффиксами -ок, -ец и др., отчасти образованных от двухсложных имен с постоянным ударением на втором слоге: *запáсец*, *сугрѣвок*, *застѣнок*, *посторѣнок*, *напѣток*, *каѹлок*, *кавáлок*, *облѣмок*, *обрѣвок*, *одѣнок*, *осáдок*, *оскѣлок*, *опѣек*, *осѣсок*, *почáток*, *почѣнок* и многие др., *родѣмец*, *любѣмец*, *кормѣлец*, *запорѣжец*.

б) С третьей гласною постоянною.

аа) С ` на первом слоге имен на -анин, -ин, -овиѣ, -евиѣ: *Дрѣньанин*, *крáлевиѣ*.

бб) С ` на первом слоге: *ѣгуман*, *ѣврејин*, *лáтинин*, *сѣльанин*, *двѣранин* (неупотребляющееся в единственном числе, во множественном *двѣрани*), *пѣочим*, *рѣдитель*, *свѣтитель*, *спáситель*, *ѹчитель*, *хрáнитель*. Отклоняются имена составные: *Бѣгосав*, *Влáдисав*, *Дѣбротвор* (ср. В. III, б, вв).

ѣв) ` на первом слоге, ^ на втором: *áрáнѣл*, *сѣнáтор*.

гг) ` на первом, ^ на втором и третьем: *пѣкѣјнѣк*, *пѣслáнѣк*, *прѣтѣвнѣк*.

дд) ` на первом слоге и ^ на третьем: *бѣздушнѣк*, *бѣзбожнѣк*, *бѣзушнѣк*, *грáничáр*, *нáјемнѣк*, *свѣштенѣк*. Отклоняются составные: *вѣногрáд*, *Стáнимѣр*.

ее) С ' на первом слоге, ^ на втором и третьем: *нáстѣјнѣк*, *рáскѣвнѣк*.

3. С ударением в русском на третьем слоге.

Сюда могут относиться имена с третьей гласною постоянною, так как имена с беглою ударяемою будут иметь уже подвижное ударение.

а) В сербском ' на втором слоге — имена иностранные: *Костáтин*.

б) ` на втором слоге: *влáстѣлин*, *госпѣдин*, *погѣступ*, *пушкѣмет*, *сирѣмах*.

в) ` на втором и беглая долгота на третьем: *водѣпѣј* — *водѣпоја*.

Сюда в русском составные имена: *водопáд*, *виногрáд*, *чернослѣв*, *черностѣп*, *рудокѣп*, *скалзѣб*, *винокѣр*, *самовáр*, *самохвáл*, *самоѣд*, *самоглѣт*, *живоглѣт*; *садолѣм*, *бурелѣм*, *скорохѣд*, *парохѣд*, *водовѣз*, *небосклѣн*, *самодѣр*, *самотѣг*, *листопад*, *свинопáс*, *домосѣд*, *рудомѣт*, *хлебопѣк* и др.

М е с т н ы й п а д е ж. Рассмотренные имена двухсложные в именительном падеже и с ударением на первом слоге все сохраняют первое по месту и соответствующее русскому ударению во всех падежах единственного числа, кроме местного.

И м е н а с о в т о р о ю б е г л о ю г л а с н о ю, общие русскому и сербскому с очень немногими исключениями. За исключение не считаем таких, в коих сербская беглая гласная не органична и которые на основании русских форм отнесены к односложным. Таковы *смѣсао — смѣслу, вѣсак — вѣску, мѣзак — мѣзку*.

Русскому переносу ударения на окончание местного падежа -у́, переносу очень редкому в рассматриваемых именах, например, *на ветрѹ́* (на вѣтре), *в дегтѹ́* (дѣgte) соответствовало бы изменение $\hat{}$ на $'$, $\hat{\prime}$ на $\`$; *јѣрак* (ров) — *јѣрку, нѣкат — нѣкту*.

И з и м е н с о в т о р о ю п о с т о я н н о ю г л а с н о ю (трехсложных в местном падеже) изменяют ударение в местном только некоторые, переносящие на первую гласную ударение $\`$. Неодушевленные имена образца Ббгг (*дѣвѣр — дѣвѣра*) переносят в местном падеже ударение на второй слог о в виде $\`$: *говѣр — говѣру, грѣбѣн — грѣбѣну, камѣн — камѣну, пламѣн — пламѣну, прѣстѣн — прѣстѣну* (и еще пять имен у Даничича, Српски акценти, 33).

Имена Ббдд меняют ударение по тому же образцу; но так как вторая гласная в них постоянно долгая, то и в местном падеже на втором слоге стоит не $\`$, а $'$: *облѣк — облѣку; поглѣд — поглѣду, појѣс — појѣсу, мјѣсѣц — мјѣсѣцу, разѹм — разѹму, случѣј — случѣју, вѣздѹх — вѣздѹху* и многие другие (по Даничичу, вероятно, кроме этих, более сорока).

В малорусском из двухсложных с ударением на первом слоге и постоянною второю гласною или вовсе нет таких, которые бы принимали в местном падеже -у́ (ударяемое), или очень мало.

Есть довольно таких, которые в этом падеже имеют -у, -ю неударяемое: *на камѣню, на кѣнику, но на поводѹ́, на островѹ́*.

В великорусском из сложных с предлогами местный падеж на -у, — по замечанию Грота¹, — в таких, кои без

¹ Я. К. Г р о т, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, стр. 362.

предлога не употребительны: *откуп, погреб*. Ср. *отпуск*.
Прибавим: в принадлежащих просторечию.

Из беспредложных: *вечер*.

Имена с постоянным ударением на первом слоге.

Сербское ударение " на первом слоге должно соответствовать русскому на том же слоге в следующих предлож-ных.

В о з. По образцу *вәздѣх, ѱзрәст: вбсплах* (ярославское *тревога*), *вбзглас, вбсплеск*.

З а. Сербские *зәпәд, зәглѣх* (die Betäubung), *зәдәх* (вонь), *зәдѣх* (запах). Ср. русские: *зәберег* (лед у берега), *зәморозь* (областные *зәвор, зәмет, зәмор*), *зәплеск*.

Н а. *Нәймит, нәрост, нәсморк*.

О, о б. *Оберег* (охрана), *обморок, оболок, обод, обод, облик, обыв, обзык, омег, омут, оскор* (гриб на коре дерева), *осик — осек* (полено), *отрух* (отруби), *остров, охлуп* (крыша), *оход, оцеп*.

О т дых, отпуск.

Р о с пуск.

П о греб, побег, полог, поезд.

П р омысл, прѣмор.

§ 3. ДВУХСЛОЖНЫЕ ИМЕНА С ПОСТОЯННЫМ УДАРЕНИЕМ НА ВТОРОМ СЛОГЕ В РУССКОМ

(Сюда не относятся имена со второю беглою гласною (*отѣц — отцә*), так как в них ударение в родительном падеже хотя падает на второй по счету слог, но не на тот, что в именительном.)

а) С постоянным ударением ' на первом слоге в сербском: *зәвјет, зәзор, зәклон, зәколь, зәтвор, зәклад, зәкон, зәнос, зәрез, зәпис, зәлив, нәбор, нәгон, нәкат, нәмет, нәрод, прѣвоз* (*пријѣвоз*), *пријѣбој, пријѣвјес, пријѣклад, пријѣкор, пријѣлаз, пријѣход, прилог, прирез, принос, прѣрок, рәзгон, рәздор, рәзлаз, рәзлог, рәзор, рәсад, сбсјед* (и *сѣсјед*), *сѣсрет, сѣток* (сумерки), *ѣлом* и др., *мәјдан, гәјтан* и некоторые другие, частью находящие соответствия в русском, частью отклоняющиеся по ударению, как имена на -еж (*грәбеж, дрѣмеж, кѣтеж, ләвеж, лѣпеж, трпеж*), согласные с русским в именительном падеже, но отличные в косвенных (*грәбежа, русское грабежә, что предполагает в чакавском грабѣжа*).

б) С постоянным ударением ' на первом слоге и с ^ на втором, если слог средний, и без ^, если прямой: *зәвѣј —*

závoja — *závoju* и т. д.; *závôj*, *zápôj*, *nápôj*, *príbôj*, *rázbôj*, *rázdvôj*, *úbôj*; имена на -ов (*лóпов* разбойник), не имеющие соответствия в русском.

в) С постоянным $\grave{}$ на первом слоге во всех падежах и вторым кратким в среднем слоге именительного падежа единственного числа: *ízбор*, *ízвор*, *ízвоз*, *ízрод*, *ískуп*, *òбјед*, *òков*, *òтров*, *пòгон*, *пòкров*, *пòлом*, *пòмор*, *пòрод*, *пòрок*, *ўкор* и пр.; *пòдбјел* — *tussilago*. *Áран*, *бѝлез* (*бѣлез*, знак), *ваган* (деревянная миска или чаша, малорусское *вагáн*), *јèлен*, *кòвчег*, *кòжух*, *лèмеш*, *мèдвјед*, *скèрлет*, *чòвек*, *бáлван*, *дўкат*, *òрах* (орех), *тòвар*, *ўнук*.

Образец склонения этих имен: *јèлен* — *јèлена* — *јèлену* — *јèленом*, звательный падеж, по Даничичу (Облици српского језика), также *јèлене*, множественное число *јèлени* — винительный падеж *јèлене* — дательный-творительный-местный *јèленима*, родительный падеж, по Даничичу, *јèлèнá*, по Мажураничу, *јèлèнá*.

В сербском сюда: *бѝсер* (русское *бѝсер*), *вòин* (*вòин*), *кáлпак* — родительный падеж *кáлпака* (русское *колпакá*), *ваган* (малорусское, родительный падеж *ваганá*), *лèмеш* (русское, родительный падеж *лемешá*).

г) С постоянным $\grave{}$ на первом слоге и с $\hat{}$ на втором среднем, без $\hat{}$, если второй прямой: *пòдбòj* — родительный падеж *пòдбòја* (пол в конюшне), *пòкòj* — *пòкòја*, *пòлòj* (брод, поемное место), *сáбòj* (толпа, давка), *ўбòj* (побои).

Вероятно, замечает Даничич, в звательном падеже единственного и множественного числа изменяется ударение; но как?

В русском к 2) относятся, между прочим, множество имен сложных с предлогами.

§ 4. РУССКИЕ ИМЕНА ТРЕХСЛОЖНЫЕ (=ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫМ ПОЛНОГЛАСНЫМ) В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. С ударением в русском на первом слоге.

а) С третьейю гласною беглою.

аа) В сербском с $\hat{}$ на первом слоге: *Кáрловац*, *ћўрћевац* (ср. *Юрьевец*, *Киевец*) в тех падежах, где второй слог становится средним, там вторая гласная удлиняется: родительный падеж *ћўрћèвца*, *ћўрћèвцу*, местный падеж *ћўрћèвци*.

бб) С $\grave{}$ на первом слоге.

Не изменяющие ударения (кроме родительного падежа множественного числа): *пăрожак* — *пăрошка* (зуб у вил), *нăвлачак* (род шерстяной коврики, ср. *наволочка*), *пăлучак* (лучок) и удлиняющие вторую гласную в среднем слоге: *пăбирак* — *пăбѣрка* — *пăбѣрку* и пр.; *крăставац* (огурец; было бы по-русски — *короставец*), *лăкомац* (*жадный*), *пăројак* (парой), *пăсторак* (пасынок), *пѣменац* (упоминание), *прăпорац* (звонок), *прѣвенац* (родительный падеж *прѣвенца* — *прѣвијенца* = русскому *первак*, предводитель).

Постоянно сохраняющие долготу во втором слоге: *зѣвѣраѣ* (притыка, заноза у ярма; ср. *шворень*), *зѣпѣраѣ* (род запора у ворот или дверей), *кѣврѣтаѣ* (нечто согнутое в круг, например, коса), *ѣбрѣтаѣ* (род кольца для привязки лошадей) и др.

В русском ср. с -ень (-ьнь): *зѣвалень*, *зѣвертень*, *зѣгибень*, *зѣмерень*, *зѣходень*, *зѣболотень*, *нѣверчень*, *нѣгрызень*, *нѣкипень*, *нѣсовень*, *нѣкожњи*, *нѣлужњи*, *нѣручњи*, *ѣбводень*, *ѣбертень*, *ѣбодень*, *ѣбочень*, *ѣгибень*, *ѣгробень*, *ѣкоротень*, *ѣпотень*, *ѣпустень*, *ѣхабень*, *ѣхлопень*, *ѣхлупень*, *ѣпивень*, *ѣтростень*, *сѣпарень*, *нѣводень*, *нѣузенъ*, *нѣревертень*, *нѣбочень*, *нѣкрестень*, *нѣузенъ*, *ѣвалень*; -ок: *зѣдворок*, *сѣпрядок*, *нѣводок*, *нѣглинок*, *нѣсынок*, *нѣдворок*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В славянских наречиях позднейшего периода, начало коего приблизительно определяется потерей глухих звуков на конце, приобрела весьма сильное влияние на звуки «славянская позиция», т. е. положение гласной перед согласной того же слога. Средний или обратный слог производят долготу или за исчезновением ее сильнейшее ударение гласной; слог прямой содействует ее сокращению или опущению. Противоположность слогов прямых и обратных средним объясняет такие явления, как замена глухих гласных чистыми и их замещение в различных славянских наречиях дифтонгированною гласною: в малорусском (*вѣл* — *вола*, *сѣм* — *семѣ*), польском (*wół* — *wołu*), чешском и словацком. Сербский язык служит доказательством, что славянская позиция не только производит долготу гласной, но вместе с тем влияет и на ударение.

а) Влияние среднего слога отождествило основные гласные формулы $\hat{a} = \hat{a}a$ с основной гласной формул \acute{a} ($a\grave{a}$ —

в чакавском *ǣǣ*) и с кратким гласным *ǣ*. Так, *snǣjæg* — родительный падеж *snǣjega* (снѣг — снѣга) имеет в именительном падеже единственного числа одинаковое ударение с *grǣjex* (грѣх); в этом последнем и ему подобных ударение подвинулось на первую половину долгой гласной единственно в силу позиции, образовавшейся после потери конечного ера, а до этого стояло на второй половине, что и обнаруживается в косвенных падежах, где *ǣ* принадлежит к прямым слогам: *grǣjǣxa* (чакавское *grǣxǣ*, русское *грехǣ*). В слове *snǣgǣ* и во время двухсложности ударение стояло на том же месте: по крайней мере, ничто не дает нам повода думать противно. В слове *grǣxǣ*, судя по родительному падежу, ударение могло перейти на *ǣ* с окончания не раньше, как с исчезновением этого окончания.

Подобным образом *ǣ* в среднем слоге, удлиняясь, изменяется в *ǣ̄*: *strǣx* (как *stǣn*), но *strǣxa* (отлично от *stǣna*).

Почему во многих случаях *ǣ* и в среднем слоге не изменяется в *ǣ̄*, неизвестно (ср. *strǣx* — *strǣxa* с *mǣx* (и *mǣx*) — *mǣxa*?). Почему *mrǣz* согласно с русским *мороз*, тогда как по вышесказанному следовало бы ожидать *mrǣz* — *mrǣza* (русское *мороз* — *мороза*)?

Не видно причин изменения *˘* в *˘̄* в среднем слоге (именительный падеж) имен односложных. Наиболее характеристично отличие таких имен, образцы коих под **Аб**), состоит в том, что большая часть их имеет в корне *o*, остальные — *a*; остальных случаев или вовсе нет (*и, у, ь, ѣ, љ, ж*), или они есть в двух-трех случаях (*o, ъ*). В конечных согласных этих имен односложных не вижу ничего особенного сравнительно с теми, которые и в среднем слоге сохраняют *˘*: ср. *bog* — *boga* и *plǣg*; *bok* — *boka* и *lǣk*; *strǣx* — *strǣxa* и *grǣx*; *brōd* — *brōda* и *gōd*; *tǣst* — *tǣsta* и *zēt*; *vōz* — *vōza* и *mrǣz*; *nōs* — *nōsa* и *spǣs* и т. д.

В числе сохраняющих *˘* в среднем слоге нет только, по видимому, имен на *-j*.

В именах двухсложных со второю беглою гласною и с ударением *˘* на первой в падежах, где первый слог прямой, *˘* изменяется в *˘̄* в слоге среднем, если этот слог оканчивается на *л, н, р, j, м, х* и не изменяется в других случаях, за исключением *ǣba* — *ǣbla*.

Не объясняя физиологически, каким образом эти согласные, сходясь с другими согласными (*х, ц, л, т*), удлиняют предшествующую им гласную, заметим отчасти сход-

ный случай с польским, где **о (и)**, происшедшее из **о** посредством дифтонгообразования, стало быть удлинения этого последнего, встречается по правилу лишь в средних слогах с конечною звучною (**г, б, д, ж, з, дз, л, р**, а местами и **м, н**). Отзвучная сохраняет краткость предшествующей гласной.

В сербском, судя по примерам **б, вв**), на удлинение гласной в среднем слоге влияют не все звучные, а только наиболее длительные из них, **х** в польском относится к одному разряду с **к, г, п**, а в сербском — с **ј, в**, потому что сербское **х** более длительно, чем польское, и может совсем не опускаться.

В именительном падеже единственного числа имен образца *дјѣвѣр* вторая гласная удлинена во втором (среднем) слоге и сокращается в слогах прямых (*дјѣвера* — *дјѣверу* и пр.). Из перечисленных по **Бібгг**) видно, что это бывает перед **л, п, р, ј = в** (за исключением двух случаев: *гдспѣд* и *чѣкѣт*). То же в именах образца *завѣј* — *завѣја* — *завѣју* и т. д. перед **-ј, -в** (имена на **-ов**: *лѣпѣв*) и в одном *мѣтѣж* (хотя в других на **-еж** **е** не удлинняется; в *кутъѣк* (кутний зуб), *рѣжѣк* — у Караджича ударение второго слога обозначено постоянным, но тем не менее они помещены Даничићем здесь (Даничић, Српски акценти, 28). То же и в именах образца *пѣкѣј* — *пѣкоја* перед **-ј** (Даничић, *ibid.*, 30).

Кѣрловац, но где второй слог становится средним, там над ним **˘**: *Кѣрлѣвца* — именительный падеж множественного числа *Кѣрлѣвци*. Перед **в**) (Даничић, *ibid.*, 35) *пѣројак* — *пѣрѣјка* — *пѣрѣјку* и пр.. *Крѣставац* — *крѣстѣвца*, *жѣтѣлац* — *жѣтѣлца* (= *жѣтеоца*), *пѣбирак* — *пѣбѣрка*, *прѣвенац* — *прѣвѣнца*, *лѣкомац* — *лѣкѣмца*, (все перед **ј, в, л, р, н, м** — Даничић, *ibid.*, 40), *наставак* — *настѣвка*, *завѣјак* — *завѣјка*, *засѣнак* — *засѣнка*, *размерак* — *размѣрка*, *влѣдалац* — *влѣдѣоца* (**ј, в, н, л, р** — Даничић, Српски акценти, 34—35), *ѣстанак* — *ѣстѣнка* (**ј, в, л, р, н, м** — Даничић, *ibid.*, 37).

˘ на втором прямом слоге и ˘ на среднем: *покрѣвац* — *покрѣвца*, *синѣвац* — *синѣвца*.

1) В литературном языке имена, сохраняющие ударение именительного падежа единственного числа во всех падежах, не исключая местного единственного числа, именительного и родительного падежа множественного числа:

а) Односложные в именительном падеже единственного числа (конечные *ъ*- и *-ь* не считаются) с постоянной гласной в корне.

Не изменяют ударения:

а) Односложные, имеющие в основании явственное для общего сознания отвлеченное значение: *вид*, *слух*, *вкус*, *взгляд*, *склад* (*скла́дов* — отвлеченное и единичное отлично от собирательного *скла́ды* — *складо́в* — в азбуке), *вклад*, *клад* (*кла́ды*), *гнет* (местный падеж *гнету́* — о гнетущем предмете, тисках и т. п.) — *гнёте* (давление в собственном и переносном смысле), *рост*, *толк* (*то́лков*), *бег* (ср., например, *на бегу́*, *бего́м*, *в бегáх* с отвлеченным *бег*, *бе́гом*, *бе́ги*), *кров*, *лов*, *ков*, *клюв*, *зев* (хотя отвлеченное значение и не для всякого ясно, но постоянное ударение удерживается, так как слово более книжное), *смех*, *спех*, *свод* (*в свод*, *взвод*), *нос* (*в снос*, *взнос*), *сгон*, *сброд*, *спрос*, *срок*, *ток* (в отвлеченном значении), *сбор*, *спор*, *вздор* (*дор* — в конкретном *на дору́*, множественное число *доры́*), *взор*, *слог* (*лог* — в конкретном *в логу́*, множественное число *логóв*), *сгиб*; *бред* (книжное *брéде*, например; в *бреду́*; множественное число было бы *брéды* — *бредóв*), *вдох*, *ввоз* (ср. конкретное *воз* — *возу́* — *возы́*), *ток* (отвлеченное отлично от *ток* — гумно), *вид* (*в ви́де*, *ви́дов*), *крик*, *клик*, *иск*, *миг*, *мор*, *рев*.

б) Нельзя ожидать здесь строгой последовательности языка. Границы между значением отвлеченным (действие или состояние как предмет) и конкретным (действующий предмет, предмет, подлежащий действию, предмет как результат действия) не всегда явственно различаются в языке.

Так, слово *лад*, в коем можно предполагать и отвлеченное значение (процесс согласования), в языке имеет только форму, свойственную конкретному значению (*в ладу́*, *лады́*, *в лада́х*.)

бб) Слова со значением конкретным (потерявшие значение отвлеченное или не имевшие его), но принадлежащие к области книжного языка, так сказать окрашенные отвлеченностью мысли. Таковы, например, церковнославянские слова: *град*, *глас*, *хлад*, *страж* (во множественном числе ударение на том же слоге), соответственные коим народные во множественном числе принимают оттенок собирательности и переносят ударение на окончание (*голосóв*, *холодо́в*, *стороже́й*).

Язык мог бы поступить со словом *град*, как с *враг* (переносимым ударением на окончание: *вragá*, *вragí* и пр.), и однако это последнее слово остается исключением.

Сюда же относятся слова, частью архаические, частью заимствованные, частью малоупотребительные в простонародном языке, в местном падеже единственного числа и во множественном числе, а в других падежах единственного числа сохраняющие постоянное ударение и в просторечии — по причинам фонетическим: *слог* (*stilus*) — *слóге* — *слóгов* (быть может, *слогóв* — *syllaba*), *гáды*, *грáды* (*grandines*), *дéды* (дéдов), *кмéты*, *лѣхи*, *лúки*, *стяги*, *трúпы*, *ста́ны* (*castra*, но *на станú*, *станы́*, например, ткацкие), *сóки*, *дúхи* (*animae*, *lemures*, *daemones*) отлично от *духú* — *духóв* (*agomata*), *хлéбы* (печеные, отлично от *хлебы́* — *хлебóв* — *segetes*), *яды*, *бéги*, *грáфы*, *дúки*, *тúгры*, *грíфы*, *шка́фы* — *шкафóв* (но Востоков *шкафы́* — *шкафóв*), *тóмы*.

В самом народном языке есть слова, сохраняющие постоянное ударение во всем склонении по причинам фонетическим. Сюда относятся, между прочим, полногласные слова с ударением на втором слоге: *волóхи*, *горóхи*, *морóзы*, *порóги*, *порóмы*, *холóпы*. Сюда же *ра́ки* и др.

б) Двухсложные имена с ударением на втором слоге. Значение — как в **аа**). Сложение с предлогами мешает слову принимать окончание местного падежа *-ú* и переносить ударение на окончание множественного числа, хотя бы значение сложного слова и было конкретное. Это лишь отчасти может быть объяснено книжностью сложных слов. Ср. *соста́ве* — *соста́вы* (*соста́вов*) — ср. *ставóв* — в великорусском и малорусском **на** (**при**, **рас**, **от**) *хóде* — *хóды* (*ходú*), *испóде* (*подú*, *подáх*), *закóн* (*на конú* — *коны́*), *раскóл* (*кол* — *колá* — *колú* — *колóм*, *два колá* — *колы́*), *подóл* (*дóлы*, но *долóв* — *в долú*?), *сугрób* (*в гробú* — *гробы́* — *гробóв*), *разбрóд* (*на бродú*), *извóз* (*вóза*), *ис* (**но**, **при**)*тóк*, *помóст* (*моста́*, *на мостú* — *мости́*); *сна* (**под**, **за**)*ряд* (*в рядú* — *ряды́*), *посáд* (*в садú* — *сады́*), *за* (**от**, **при**)*вáл* (*на валú* — *валы́*), *на* (**от**)*вáр* (*варú*), *пожáр* (*жарú* — *жары́*), *почíн* (*чыны́*), *за* (**под**, **на**)*лóг* (*в логú* — *логи́*), *запру́д* (*прудú* — *пруды́*), *покрóм* (*в кормú* — *кормóв* — *корма́*), *излóm* (*в ломе* — *ломú*, *лóмы* и *ломы́*), *полéт* (*пролёт* и *лет* — *на летú*).

Таким образом: *обма́н*, *у* (**за**)*гáр*, *разма́х*, *зажúг*, *заклáд*, *догóн*, *ухáб*, *прика́з*, *поджóг*, *приём*, *припéк*, *утéк*, *учёт*, *раскóп*, *утéс*, *уши́б*, *ужúн*, *нажúм*, *помíн*, *нажúв*,

разлів (залів), (с)почів, затвор, вопрос, под (до)нос, покóй, застой, пропой, разбой, завод, порог, улóв, прогón, поклón, урón, услón, поскóк, урóк, узóр, зазóр, умóр, забóр, протóр, раздóр, помóл, укóл, потрáв, у (за)хвáт, закúр, недúг, на (раз)рýв, посýл, сосúд, досúг, порúб, искúс, соúз, напéв, посéв, сугрéв, обéд, сосéд, уéзд, раз (под)рэз, про (под)бéл, примéр, отдéл, обмéн, рассвёт, расцвёт, рас (по)стрéл, ночлэг (старинное *ночлѣг*), украинское «в одбóї» (К о т л я р е в с к и й, 218); «пролом» (*ibid.*, 219); *прожóгом лізти* («Не лізь прожогом» — *ibid.*, 127); з розгóна, з наскóку.

ПРИМЕЧАНИЯ

Название «Ударение» не принадлежит А. А. Потемне. В рукописи его труд состоит из двух частей, и каждая имеет свое заглавие: 1. «Ударение в спряжении»; 2. «Ударение в склонении».

Как название науки термин «ударение» встречается уже в статьях Я. К. Грота, хотя последний предпочитает слово «просодия». Ср., однако: «Наконец и то, что окажется окончательно не подлежащим определению, должно служить поучительным материалом для полного и беспристрастного вывода о русском ударении: ибо, повторяю, цель моя — не подтверждение какой-нибудь заранее составленной о нем теории, а просто уяснение вопроса: насколько в явлениях его можно подметить определенные законы?» (Я. К. Грот, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858, стр. 199).

Стр. 21. Слово «Вступление» у А. А. Потемни отсутствовало. Текст, который можно понимать как вступление ко всей книге, помещался непосредственно за названием «Ударение в спряжении». Поскольку он в равной мере относится к обеим частям труда А. А. Потемни, при опубликовании последнего признано целесообразным поместить его перед ними.

В копии, сделанной женой ученого М. Ф. Потемней, сохранилось начало вступления, впоследствии измененное автором. Ниже приводим его текст:

«Об ударении в русских глаголах см. Востокова «Русская грамматика» (пространная) и Грота в Прибавлениях к изданию II отделения Академии «Замечания о спряжении русского глагола» («Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I) и «О глаголах с подвижным ударением» (*ibid.*, т. III, л. XXII). Оба эти ученые имеют в виду один только русский литературный язык и, указывая на факты, не вдаются ни в какие исторические объяснения, т. к. ударения в древнем русском языке по памятникам пока неизвестны.

Вопрос об ударениях в настоящее время, сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербохорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий и так как сверх того хорутанское, сколько мне известно, подверглось и в этом отношении сильным изменениям древнего строя».

Стр. 21. Термин «слоγοударение» как название науки, изучающей системы ударения и их развитие, заимствован А. А. Потебней из «Русской грамматики» А. Х. Востокова и встречается лишь во вступлении. Далее в этом значении употребляется «ударение».

Стр. 21. Слова «показать, на котором слоге (двухсложного или многосложного слова) должно быть ударение», в обеих копиях взяты в кавычки как цитаты из «Русской грамматики». В действительности же это лишь приблизительный пересказ текста А. Х. Востокова, имеющего следующий вид: «Слогоударение есть часть грамматики, показывающая, на котором слоге должно быть повышение голоса, или ударение» (Русская грамматика, § 179).

Стр. 21. Термин «ударение» употреблен здесь и далее в его основных значениях, известных русской грамматике еще с XVIII в. (См.: Ф. Поликарпов, Лексикон славено-росский, 1704; М. В. Ломоносов, Российская грамматика, 1755, § 32; А. Х. Востоков, Русская грамматика, 1831, § 7). Означает выделение звука в слове усилением голоса или повышением тона, а также значок над буквой, указывающий на такое выделение звука.

Стр. 21. До труда А. А. Потебни термин «тонический» в русской грамматической литературе не встречается.

Стр. 21. «Русский» здесь и далее преимущественно в значении восточнославянский.

Стр. 22. О системе ударений в русской грамматической литературе упоминается впервые. Ср. название монографии Ф. Боппа «Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen».

Стр. 22. В русской грамматике термин «акцентуация» впервые употреблен А. А. Потебней, который понимает под ним законы, относящиеся к системе ударения в определенных языках, а также и самую теорию ударения. Заимствован из указанного выше труда Ф. Боппа.

Стр. 22. Согласно языковедческой традиции середины XIX в., А. А. Потебня употребляет *хорутанский* как синоним к *словенский*.

Стр. 23. Научные основы сравнения восточнославянского ударе-

ния с ударением языков южнославянских были заложены отечественным ученым А. А. Потемней в статье «О полногласии», впервые опубликованной в «Филологических записках» за 1864 г.

Стр. 23. На удивительное сходство восточнославянского ударения с ударением чакавского наречия впервые указал хорватский ученый А. Мажуранич в статье «О važnosti akcenta hèrvatskoga za historiju Slavjanah», напечатанной в «Programm des k. k. Gymnasiums zu Aggam am Schlusse des Schuljahres» за 1863 г.

К таким же выводам пришли отечественные ученые А. А. Потемня (1864 г.) и Р. Ф. Брандт (1880 г.) после ознакомления с книгой А. Мажуранича «Slovnica hèrvatska», изданной в 1859 г. В своих трудах А. А. Потемня ссылается на второе ее издание (1861 г.).

Стр. 23. Ф. Бопп — основатель сравнительной филологии положил также начало сравнительному изучению ударения в индоевропейских языках.

В книге «Vergleichendes Accentuationssystem...» он рассматривает санскритское ударение в сравнении с греческим и латинским и доказывает, что эти языки родственны по ударению. По его мнению, литовское и первичное славянское ударение также имело некоторое сходство с ударением этих языков.

Стр. 24. Термин «переход ударения» впервые применил А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 181).

Стр. 24. Термин «подвижное ударение» ввел в употребление А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 182). Позже был принят И. И. Давыдовым («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», § 76) и Я. К. Гротом (статья «О глаголах с подвижным ударением», стр. 346).

Стр. 61. Здесь и далее приведены примеры из статьи Я. К. Грота «О глаголах с подвижным ударением».

Стр. 112. Пример из статьи П. А. Лавровского «О русском полногласии», опубликованной в «Известиях Отделения русского языка и словесности», т. VII, 1858, стр. 209.

Стр. 158. В обеих копиях, по-видимому, ошибочно *опущение*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Беринда П., Лексикон славено-росский и имен толкованіе, К., 1627.

Бессонов П., Главные вопросы языка новоболгарского, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21, М., 1855.

Востоков А. Х., Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб., 1831.

Вуич В., Српска граматика, Београд, 1863.

Грот Я. К., Замечания о спряжении русского глагола, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I, СПб. 1853.

Грот Я. К., О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, «Известия Академии наук», вып. 5, т. VIII, 1860.

Грот Я. К., О глаголах с подвижным ударением, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. III, СПб., 1856.

Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, М., 1863—1866.

Даничић Ђ., Облицы српского језика, у Београду, 1863.

Даничић Ђ., Српски акценти, «Гласник Друштва Српске Слоvesности», кн. VIII, 1856.

Караџић В., Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима, у Бечу, 1852.

Крижанич Ю., Граматично изказанје об руском језику, «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. I, М., 1848.

Лавровский П. А., О русском полногласии, ИОРЯС, т. VII, 1858.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук, СПб., 1852.

Павский Г. П., Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголе, СПб., 1842.

Hattala M., Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského, v Praze, 1856—1857.

Mažuranić A., Slovnica hrvatska. Za gimnazije i realne škole, Dio I, Rěčoslovje, u Zagrebu, 1861.

Miklosich Fr., Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. B. III, Formenlehre, Wien, 1856.

Pott Aug-Friedr., Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen, unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen, Sanskrit; Zend-Persisch; Griechisch-Lateinisch; Litauisch-Slawisch; Germanisch und Keltisch, B. II, Detmold, 1861.

Sankof A. und D. Kyriak, Grammatik der bulgarischen Sprache, Wien, 1852.

Schleicher A., Litauische Grammatik, Prag, 1856.

Бессонов, Болгарские песни — Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, издал Петр Бессонов. I. Песни юнашки: молодецкие, героические или эпические. II. Песни женски: мифические или баснословные, колядки, кралицкие, сватовские-свадебные, пастушеские, подорожные, хороводные, любовные и проч. Песни воинские или воинственные. Стихи и переводы болгар, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21-22, М., 1855.

Гребенка — Малороссийские приказки Е. Гребенки, СПб., 1834.

Домострой — Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Дмитрием Павлов. Голохвастовым, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 1, М., 1849.

К в.-О с н.— Повісті Грігорія Квітки Основьяненка, т. I, II, Спб., 1858.

Костомаров, Песни — Н. И. Костомаров, Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии. Малорусский литературный сборник, Саратов, 1859.

Котляревский — Вергилиева Енеида на украинскую мову перелицевана. Сочинение И. П. Котляревского, К., 1863.

Кулиш — Записки о Южной Руси, т. I, СПб., 1856; т. II, СПб., 1857.

Метлинский — Народные южнорусские песни, К., 1854.

Номис — Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. В. Марковича и других, спорудив М. Номис [М. Т. Симонов], СПб., 1864.

Сборн. Сев.-зап. кр.— Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае, вып. I, Вильна, 1866.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОПРОСЫ АКЦЕНТОЛОГИИ В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ	3
ВСТУПЛЕНИЕ	21
УДАРЕНИЕ В СПРЯЖЕНИИ	24
I. Ударения в настоящем времени и неопределенной форме	24
§ 1. Различия настоящего времени в русском и сербском	24
§ 2. Мена ударения внутри отдельных разрядов	28
I разряд. Настоящее время	28
II разряд	30
1. Образец <i>веду́</i> — <i>ведёшь</i> , <i>вести́</i>	30
2. Образец <i>пяду́</i> — <i>пядёшь</i> , <i>прядь</i>	33
3. Образец <i>дму́</i> — <i>дмешь</i> , <i>дуть</i> ; <i>тру</i> , малорусское <i>тёрти</i> ; <i>рву́</i> — <i>рвать</i>	34
4. Корни на основное <i>р</i> (в составе спряжения, II, 1, в)	36
II. Особый отдел	41
Глаголы с корнем на <i>у</i> , с характером <i>-je-</i> (III, 2, а)	41
Глаголы с корнем на <i>-а-</i> (<i>-ѣ-</i>), с характером <i>-je-</i> (III, 2, г)	42
Глаголы с характером <i>-н-</i> (IV разряд)	42
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)	42
Глаголы с характером $\frac{-ѣе-}{-ѣ-}$, после шипящих $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 2)	44
Глаголы с характером $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 4, а и б)	50
Глаголы с характером $\frac{-yje-}{-ова-}$ (VI, а)	54
Образец <i>иду́</i> — <i>ити́</i>	55
Образец <i>колю́</i> — <i>колёшь</i> , <i>колоти́</i> (<i>колоть</i>); <i>пишу́</i> — <i>пи́шешь</i> , <i>писа́ти</i>	57
Глаголы с корнем на <i>р</i> , <i>л</i> , с характером <i>-je-</i>	57

Глаголы на разные согласные с характером $\frac{-je-}{-a-}$ (III, 2, б)	57
Глаголы с характером $\frac{-не-}{-ну-}$ (IV разряд)	59
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)	62
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)	62
Образец. Ударение в обеих формах постоянно на корне	69
Глаголы с корнем на согласную (II, 1, а)	69
Глаголы с корнем на гласные <i>а, ъ, и, у, ы</i> (III, 1, а)	69
Глаголы с корнями на <i>а, и, ъ</i> и характером $\frac{-je-}{-ја-}$ (III, 2, в)	70
Глаголы образца III, 2, б по образцу <i>мазати</i> — <i>мажу</i> , сербское <i>мазати</i> — <i>мажем</i>	71
Образец. Глаголы с неподвижным ударением на корне	71
Глаголы с <i>-и-</i> в характере (IV разряд)	71
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)	72
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)	72
Глаголы с характером $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 4, а) и отчасти V, 4, б —	
именно некоторые из $\frac{-и- + -ае-}{-и- + -а-}$	73
Глаголы на $\frac{-yje-}{-ова-}$ (VI, а)	74
Глаголы великорусские $\frac{-ывае- — -ивае-}{-ыва- — -ива-}$ и равные им	
по значению малорусские $\frac{-yje-}{-ова-}$	75
III. Повелительное наклонение	76
§ 1. Соотношение повелительного наклонения и настоящего времени	76
§ 2. Глаголы с постоянным ударением на односложном характере настоящего времени	79
Глаголы IV разряда с характером <i>-и-</i> : <i>дохну</i> — <i>дохни</i> , <i>махну</i> — <i>махни</i>	80
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, б): <i>вели</i> — <i>велио</i> — <i>вельти</i> ; <i>верти</i> — <i>верчу</i> — <i>вертьти</i>	80
Глаголы $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)	80

§ 3. Глаголы с подвижным ударением в русском и с ударением настоящего времени, отличным от ударения неопределенной формы в сербском	81
§ 4. Глаголы с односложным характером и постоянным как в русском, так и в сербском ударением на корне	82
§ 5. Глаголы <i>ѣмь, дамь, вѣмь</i>	82
IV. Причастия и деепричастия настоящего времени	83
§ 1. Причастия настоящего времени действительные	83
§ 2. Причастия настоящего времени страдательные	84
§ 3. Деепричастия настоящего времени	84
1. Деепричастия на <i>-а (-я)</i>	84
2. Деепричастия на <i>-учи (-ючи)</i>	85
V. Аорист и преходящее	86
§ 1. Аорист и преходящее в древнерусском и современном сербском	86
§ 2. Различие аориста и преходящего	88
§ 3. Ударение аориста в болгарском	90
VI. Причастия прошедшего времени	92
§ 1. Причастия прошедшего времени действительные на <i>лъ-</i>	92
§ 2. Причастия прошедшего времени страдательные	98
Приложения	106
УДАРЕНИЕ В СКЛОНЕНИИ	112
Ударение существительных	112
I. Склонение 1-е	112
§ 1. Именительный падеж единственного числа	112
§ 2. Звательный падеж	114
§ 3. Предложный падеж единственного числа	115
§ 4. Именительный падеж множественного числа	117
II. Склонение 2-е	119
III. Склонение 3-е	121
§ 1. Существительные с неизменным ударением в единственном числе	121
§ 2. Существительные с изменчивым ударением	125
IV. Склонение 4-е	128
Ударение прилагательных	130
§ 1. Односложные прилагательные	130
§ 2. Двухсложные прилагательные	132

§ 3. Трехсложные и четырехсложные прилагательные	136
§ 4. Ударение сравнительной степени	137
Склонение <i>-ъ, -ь</i> (варианты)	138
I вариант	138
§ 1. Имена с неизменным ударением во всех падежах	139
§ 2. Имена, изменяющие ударение в местном падеже и множественном числе	141
II вариант	145
§ 1. А. Односложные имена, как <i>дом — дѡма — дѡму — дѡмом</i> , местный <i>дѡме — дѡмѹ</i> , и двухсложные полногласные имена, как <i>гѡлод — гѡлода</i> и <i>морѡз — морѡза</i>	145
§ 2. Б. Имена двухсложные в именительном падеже единственного числа	149
§ 3. Двухсложные имена с постоянным ударением на втором слоге в русском	156
§ 4. Русские имена трехсложные (=четырёхсложным полногласным) в именительном падеже единственного числа	157
Приложения	158
Примечания	164
Библиография	167

Александр Афанасьевич Потебня

УДАРЕНИЕ

Печатается по постановлению ученого совета Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР

Редактор *В. Е. Дудко*. Художественный редактор *Р. К. Пахолюк*. Оформление художника *Н. Ф. Кормыло*. Технические редакторы *Т. Е. Смолякова, И. А. Ратнер*. Корректор *Л. Г. Усальцева*.

Сдано в набор 27.I 1972 г. Подписано к печати 30.VIII 1973 г. БФ 00471. Зак. № 72. Изд. № 225. Бумага № 1, 84×108¹/₃₂. Усл. печ. листов 9,03. Учетно-изд. листов 9,0. Тираж 9000. Цена 92 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репина, 3

Киевская книжная типография научной книги Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, Репина, 4.